

P.K.

84.49p

Δ44

101267

P.K.

h4-f

100-1000

100-1000

100-1000

100-1000

проверна 1928 г.

~~1155~~

18492

Н.П.

ВТОРАЯ СЕРІЯ. 1883 г.

№ 11.

З. П. 309

БИБЛІОТЕКА

ЕВРОПЕЙСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

И

МЫСЛИТЕЛЕЙ,

Издаваемая В. В. ЧУЙКО.

Верхние полки.

ПРОВЕРЕНО 2014

ДИДРО.

Племянникъ Рамо.—
Это не сказка.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія газеты «Новости», Мойка, д. № 90.

1883

36 ✓

1955 г.

1956 г.

1972

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 1-го апрѣля 1883 года.

ПРОВЕРЕН

ПРОВЕРЕНО 2009

ПРОВЕРЕНО 2014

101267

Библиотека-
читальня
им. И.С. Тургенева

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Дидро	1
Замѣтка	17
Племянникъ Рамо.	19
Отрывки изъ сочиненія Гете	113
Это не сказка	127
Объявленія	151

Дени Дидро.

Сентъ-Бевъ въ своихъ «Portraits litteraires» слѣдующимъ образомъ характеризуетъ XVIII столѣтіе: «Дѣло разрушенія начало тогда совершаться въ философскихъ теоріяхъ и политикѣ; задача, несмотря на всѣ трудности, казалась легкою; затрудненія были ясны и разрушители шли на бой съ удивительнымъ согласіемъ и съ надеждами безконечными, близко осуществимыми. Дидро изъ всѣхъ дѣятелей XVIII столѣтія есть именно тотъ человѣкъ, въ которомъ олицетворился самымъ полнымъ образомъ этотъ философскій бунтъ. Онъ мало занимался политикой, оставляя ее Монтескье, Жанъ-Жаку, Рейналю, но въ философіи онъ былъ въ одно и то-же время душой и орудіемъ вѣка, направляющимъ теоретикомъ по преимуществу. Жанъ-Жакъ Руссо былъ спиритуалистъ, а по временамъ нѣчто въ родѣ соціньянскаго кальвиниста: онъ отрицалъ искусство, науку, промышленность, прогрессъ, и всѣми этими сторонами скорѣе противодѣйствовалъ движенію вѣка, нежели отражалъ его. Во многихъ отношеніяхъ онъ былъ исключеніемъ въ этомъ распущенномъ, матеріалистическомъ обществѣ. Д'Аламберъ былъ остороженъ, благоразуменъ и трезвъ; слабый и робкій по характеру, скептикъ во всемъ, что выходило, собственно, за предѣлы геометріи, онъ имѣлъ, такъ сказать, два направленія: одно—для публики, другое—для себя и своихъ друзей, и былъ послѣдователемъ школы Фонтенеля, а XVIII столѣтіе отличалось смѣлостью и невоздержанностью, вѣрою въ невѣрье, бросало истину и возбужденіе полными пригоршнями. Бюффонъ имѣлъ вѣру въ себя и въ свои взгляды, но не злоупотреблялъ ими; онъ ихъ высказывалъ въ уединеніи, выска-

зываютъ ихъ только изрѣдка въ напыщенной формѣ, которая, по его мнѣнію, была лучшимъ ихъ достоинствомъ, между тѣмъ какъ XVIII столѣтіе было богато идеями, жаждало ихъ и мало заботилось о формѣ. Разгорячившись въ спорѣ за и противъ Бога—это XVIII столѣтіе не прочь было сбросить съ своей головы напудренный парикъ, какъ аббатъ Гальяни, и повѣсить его на спинку кресла. Кондильякъ, столь прославленный послѣ своей смерти, не жилъ, такъ сказать, въ сердцѣ своей эпохи, и ни въ какомъ случаѣ не представлялъ ни движенія, ни характера ея. Одни съ уваженіемъ цитировали его, другіе не особенно его цѣнили, но, вообще, имъ занимались мало; онъ не имѣлъ никакого вліянія и умеръ забытый, оставленный всѣми. Судить XVIII столѣтіе на основаніи Кондильяка—значить видѣть во всемъ этомъ движеніи одну лишь тщедушную и узкую психологію. Кабанисъ и Траси, которые много настаивали на родствѣ ихъ идей съ идеями Кондильяка, гораздо ближе къ Кондорсэ, Гольбаху и Дидро, благодаря ихъ метафизическимъ принципамъ, понятіямъ о существѣ и причинѣ, фізіологическимъ взглядамъ на живой организмъ и на чувствительность, а Кондильякъ какъ разъ молчалъ объ этихъ проблемахъ, вокругъ которыхъ работало любопытство вѣка. Что же касается Вольтера, этого неутомимаго и гениальнаго вожака, и, въ этомъ смыслѣ, практическаго философа, то онъ мало заботился о построеніи философскаго зданія; онъ заботился лишь о самомъ насущномъ, самомъ необходимомъ, не терпящимъ отлагательства, нападая на людей и боговъ съ энергіей скипеа. Съ безжалостнымъ остроуміемъ здраваго смысла, онъ принялся даже слишкомъ легкомысленно издѣваться надъ работой своего вѣка, — работой, благодаря которой химія и фізіологія старались проникнуть въ тайны организациі. Послѣ теодицеи Лейбница, взгляды Нидгама казались ему плодомъ самой необузданной и беспорядочной фантазіи. Философская наклонность вѣка нуждалась въ головѣ болѣе терпѣливой и серьезной, чѣмъ голова Вольтера, въ мозгѣ менѣе узкомъ и иссохшемъ, чѣмъ мозгъ Кондильяка; она нуждалась въ большемъ богатствѣ идей, въ болѣе живомъ источникѣ творчества, чѣмъ могъ ей дать Бюффонъ; въ большей широтѣ взгляда и большей рѣшительности, чѣмъ это мы видимъ у д'Аламбера;

она нуждалась въ живомъ и горячемъ отношеніи къ наукѣ, промышленности, искусству, котораго не доставало Руссо. Одинъ человѣкъ могъ быть представителемъ этого вѣка—Дидро,—необыкновенно богатая и широкая натура, доступная самымъ разнообразнымъ взглядамъ, оплодотворявшая и превращавшая ихъ своей творческой силой, самый энциклопедическій умъ, когда-либо существовавшій, но умъ дѣятельный и страстный, воспламенявшій все, что къ нему прикасалось, переходившій отъ чувлочной машины, которую онъ разбираетъ и описываетъ, къ взглядамъ Гольбаха и Рюэля, къ соображеніямъ Борде, анатомировавшій при случаѣ человѣка и его чувства съ такимъ умѣніемъ и тонкостью, какъ Кондильякъ, раздвоившій самую тонкую нить, и вдругъ погружавшійся въ бытъ, пространство, природу, и выдѣлявшій изъ великой метафизической геометріи нѣсколько божественныхъ страницъ, которыя не отказались-бы подписать Мальбраншъ и Лейбницъ, если-бы они не были христіане,—умъ необыкновенно сильный, необыкновенно широкий, переходившій отъ положительнаго знанія къ мечтательности, плававшій между достоинствомъ и цинизмомъ, справедливый и добродушный даже въ своихъ безпорядочныхъ уклоненіяхъ, нѣсколько мистическій въ своемъ безвѣріи; умъ, которому для полной гармоніи не доставало, какъ и XVIII столѣтію, только божественнаго луча, *fiat lux*, основной, господствующей идеи—Бога! Таковъ былъ въ XVIII столѣтіи человѣкъ, созданный, чтобы быть предѣвателемъ въ философской мастерской, предводителемъ безпорядочнаго лагеря мыслителей, тотъ, кто имѣлъ силу организовать ихъ въ волонтеровъ, свободно соединить ихъ, воодушевить ихъ своей горячей дѣятельностью въ заговоръ противъ существовавшего еще порядка вещей. Между Вольтеромъ, Бюффономъ, Руссо и Гольбахомъ, между химиками и краснobaми, между геометрами, механиками и литераторами, скульпторами и живописцами, между защитниками стараго вкуса и новаторами въ родѣ Сэдэна—Дидро былъ живою связью. Никто лучше его не понималъ ни всѣхъ вмѣстѣ, ни каждаго отдѣльно, никто вѣрнѣе не оцѣнивалъ ихъ, никто съ такимъ самозабвеніемъ не переходилъ отъ одного къ другому. Онъ былъ, поэтому, чрезвычайно способенъ стать движущимся центромъ, осью всего дви-

женія, вести эту силу на бой... Съ головой, поднятой вверхъ и нѣсколько лысой, громаднымъ лбомъ, пламеннымъ взоромъ, съ открытою шеей, съ руками, устремленными впередъ, — смѣсь величія и тривіальности, напыщенности и простоты, — такимъ, однимъ словомъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности, а не такимъ, какимъ его изображали Фальконе и Ванлоо — я представляю себѣ его въ теоретическомъ движеніи вѣка, съ достоинствомъ идущаго впередъ среди тѣхъ людей дѣла, которые имѣютъ нѣчто общее съ нимъ, тѣхъ, которые въ концѣ концовъ были лучше, чѣмъ была ихъ жизнь: Мирабо, Дантона, Клебера...»

Дени Дидро родился въ Лангрѣ въ 1713 году и, стало быть, былъ нѣсколькими мѣсяцами моложе Руссо (1712), почти двадцатью годами моложе Вольтера (1694), двумя годами моложе Юма (1711) и одиннадцатью годами старше Канта (1724). Онъ происходилъ отъ стараго и пользовавшагося хорошей репутаціей рода. Члены его семьи издавна участвовали въ обширной мѣстной промышленности — въ ножевомъ ремеслѣ. Первоначальное свое воспитаніе Дидро получилъ у іезуитовъ. Желая избавить его отъ слишкомъ мистическаго вліянія отцовъ іезуитовъ, Дидро былъ переведенъ въ коллегію Гаркура въ Парижѣ. Окончивъ тамъ курсъ наукъ, молодой Дидро поступилъ къ прокурору, но юриспруденція ему не нравилась; вмѣсто приказныхъ изворотовъ, онъ изучалъ языки греческій и латинскій, математику, философію. Патроны были недовольны и Дидро принужденъ былъ выйти; разсерженный отецъ прекратилъ ему высылку денегъ. Съ тѣхъ поръ начинается для Дидро почти нищенская жизнь, постоянная нужда, вѣчное исканіе работы. Такимъ образомъ онъ достигъ тридцати-лѣтняго возраста, не сдѣлавъ еще ничего. Приблизительно въ это время онъ женился на m-lle Аннетѣ Шампюнь, — женщинѣ религіозной, слабаго ума и непріятнаго характера. Бракъ оказался неособенно счастливымъ. Не находя счастья въ семейной жизни, Дидро влюбился въ m-me Пюизье, которая стояла ему очень дорого. Для ней-то онъ напечаталъ въ 1745 году свою первую книгу — «*Essai sur le merite et la vertu*», подражаніе Шефтесбери; въ 1746 — «*Pensées philosophiques*», книга сожженная по настоянію парламента; въ

1747—«Promenade du sceptique», которая ходила по Парижу въ рукописи; въ 1748 — «Mémoires sur différents sujets de mathematiques»; въ 1748-же — «Bijouts indiscrets»; въ 1749—«Lettres sur les aveugles», книга, которая доставила ему впервые настоящую, заслуженную извѣстность: въ этомъ смѣломъ опытѣ, подтвержденномъ современной наукой, находится уже вся энциклопедія. Немудрено, поэтому, что за эту книгу Дидро попалъ въ Венсенъ на цѣлые три мѣсяца.

Съ 1741 года Дидро началъ уже готовить матеріалы къ Энциклопедіи. Привиллегія на право изданія была получена еще въ 1746 году, но заключеніе Дидро въ Венсенъ отсрочило выходъ перваго тома, который появился только въ 1757 году, когда Дидро было уже тридцать восемь лѣтъ. Послѣдній томъ явился въ 1772. Казалось-бы, что такого громаднаго труда было-бы достаточно, чтобы наполнить цѣлую жизнь. Но Дидро неутомимъ; работая надъ Энциклопедіей, онъ пишетъ: «Essai sur le beau», «Lettres sur les sourds-muets», «Pensées sur l'interpretation de la nature». Затѣмъ, приступаетъ къ реформѣ театра и съ этою цѣлью пишетъ драму «Fils naturel», потомъ другую «Pere de famille», составляетъ отчеты о Салонѣ и проч. Было-бы невозможно перечислить всего, что написалъ Дидро. Эстетика, наука, философія, рассказы, романы, исторія, политика,—Дидро всего касался и во всемъ его взгляды были оригинальны, по временамъ необыкновенно сильны, часто чрезвычайно глубоки. Друзья являлись къ нему за справками, какъ къ «кладезю идей», по выраженію Грима, и онъ всегда удовлетворялъ ихъ. Нужно-ли Гриму, для забавы его коронованныхъ корреспондентовъ, двѣ-три блестящія или глубокія странички? Дидро тутъ. Онъ исправляетъ Рейналя; держитъ корректуры книги Гольбаха, передѣлываетъ опыты аббата Гальяни. Вольтеръ совѣтуется съ нимъ насчетъ своихъ трагедій, говоря ему, что «все входитъ въ сферу его необыкновеннаго генія». При всемъ томъ, Дидро пишетъ рекламы для изобрѣтателей, отчеты о выходящихъ книгахъ, прошенія для несчастныхъ. Такимъ образомъ онъ является однимъ изъ самыхъ универсальныхъ и разнообразныхъ писателей. Правда, эта разбросанность, это богатство и разнообразіе творчества по-

мѣшали ему создать цѣльный и высокій литературный памятникъ, книгу, въ которой-бы резюмировалось его міровоззрѣніе, но развѣ не колоссальный трудъ представляетъ собою знаменитая «Энциклопедія»? Исторія этого громаднаго предприятия—цѣлый эпосъ, въ которомъ, въ особенности, поражаетъ воля, энергія, настойчивость Дидро. Въ теченіе двадцати лѣтъ онъ не имѣлъ ни одного дня покоя. Задача была нелегкая: она состояла въ томъ, чтобы, такъ сказать, возстановить все человѣческое знаніе и въ одно и то-же время затѣять борьбу на смерть съ прошедшимъ и основать раціональное знаніе. Приходилось бороться не только съ оффиціальнымъ знаніемъ, но и съ духовенствомъ и въ то время, какъ друзья его унываютъ, уходятъ, какъ это сдѣлалъ Д'Аламберъ, въ то время, какъ Вольтеръ умоляетъ его бѣжать въ Россію, чтобы не попасть на костеръ, Дидро остается твердъ и продолжаетъ свое дѣло съ изумительной энергіей и ловкостью.

Но, оставляя въ сторонѣ «Энциклопедію,» есть-ли возможность въ небольшой замѣткѣ, размѣры которой, по необходимости, ограничены,—характеризовать не общими фразами, а фактами міровоззрѣніе Дидро, его взгляды, его открытія? Возможно-ли указать на все, что онъ предвидѣлъ въ наукѣ, критикѣ, философіи, социологіи, всѣ глубокія и смѣлыя идеи, которыя для XVIII столѣтія были парадоксами и которыя только въ наше время начинаютъ превращаться въ факты?

Единство,—вотъ, если можно такъ выразиться, основной пунктъ міровоззрѣнія Дидро. Изъ этого пункта вытекаютъ почти всѣ его идеи. Современная наука стремится съ каждымъ днемъ все больше и больше къ установленію единства силы. Этотъ законъ, освященный современной наукой, Дидро предвидѣлъ еще въ XVIII столѣтіи (*Interpretation de la nature*, XI). Съ другой стороны, изслѣдованіе происхожденія родовъ сдѣлалось въ наше время основнымъ началомъ всего естественно-научнаго современнаго міровоззрѣнія, благодаря трудамъ и работамъ Дарвина. Но эта теорія, въ своихъ коренныхъ чертахъ, была высказана съ необыкновенной ясностью Дидро въ томъ-же самомъ сочиненіи, на которое мы уже ссы-

дѣлались. То-же самое можно сказать и о другихъ отрасляхъ знанія. Необыкновенная, такъ сказать, природная доброта была отличительной чертой Дидро. Дѣлать добро было для него величайшимъ наслажденіемъ. «Неблагодарные?—говорилъ онъ.—Я-бы радъ былъ дѣлать ихъ сотни каждый день». Эта особенность натуры развила въ немъ идеи всеобщей, общественной морали. Въ этомъ отношеніи онъ точно также можетъ считаться нашимъ современникомъ. Въ то время, какъ Вольтеръ считаетъ науку и просвѣщеніе принадлежностью привилегированныхъ классовъ, Дидро призываетъ всѣхъ обездоленныхъ къ пользованію благами. Въ своей «Энциклопедіи» онъ облагораживаетъ трудъ, понимаетъ громадную социальную роль промышленности; своими удивительными статьями о ремеслахъ и искусствахъ, онъ воздвигаетъ настоящий памятникъ рабочему сословію. Также оригиналенъ и новъ Дидро въ дѣлѣ политики и государственныхъ учреждений. Такимъ является намъ въ своей жизни и своихъ произведеніяхъ этотъ неутомимый борецъ за правду, который стремился разрѣшить столько проблемъ, открылъ столько новыхъ горизонтовъ, столько посѣялъ въ человѣческомъ сознаніи.

Вотъ, какъ, между прочимъ, характеризуетъ Дидро Джонъ Морлей: «Дидро, по своему характеру былъ неспособенъ создать какое-либо великое литературное произведеніе: онъ былъ одаренъ отъ природы не столько талантами писателя, сколько талантами краснорѣчиваго собесѣдника. Подобно доктору Джонсону, онъ былъ скорѣе замѣчательнымъ разсказчикомъ, чѣмъ замѣчательнымъ авторомъ великихъ произведеній. Читая его сочиненія, мы не въ состояніи понять причину его извѣстности. Они слишкомъ часто впадаютъ въ декламацию, дурно составлены, часто прерываются возгласами, неуклюжи и безсвязны. Одинъ вполне компетентный критикъ отзывался объ немъ, какъ о такомъ французскомъ писателѣ, который всѣхъ болѣе похожъ на пѣмцевъ. И, дѣйствительно, его слогъ отличается тѣмъ отсутствіемъ чувства изящнаго, той рѣзкостью выраженій и тою грубостью размаховъ, которые свойственны вообще всей пѣмцовой литературѣ, за исключеніемъ немногихъ самыхъ выдающихся ея произведеній. Но въ разговорѣ не требуется ни постоянной точности выраженій, ни послѣдова-

тельной аргументаціи. Возгласы становятся естественными, благодаря полудраматическому характеру положенія. Даже рѣзкая гипербола, почти всегда обезображивающая писачную прозу, можетъ производить впечатлѣніе и нравиться, когда она гармонизируетъ съ голосомъ, выраженіемъ глазъ и жестами пылкаго и увлекательнаго рассказчика. Вотъ, почему личность самого Дидро, — точно также, какъ это было съ Джонсономъ и Кольриджемъ. — придавали его разговору тотъ особенный интересъ и ту привлекательность, которыя останутся всегда непонятными для тѣхъ, кто изучаетъ его только по его сочиненіямъ. Его поклонники утверждали, что у него была такая-же идеальная голова, какъ у Аристотеля или Платона. У него былъ широкій, высокій, открытый и красиво округленный лобъ; изгибъ его бровей былъ очень изященъ; его носъ былъ красивъ мужской красотой; обычное выраженіе его глазъ было доброе, симпатичное, но когда онъ разгорячался въ разговорѣ, они сверкали, какъ огонь; очертанія рта свидѣтельствовали о привлекательномъ сочетаніи изящества, граціи и ума. Его тѣлодвиженія были небрежны, но въ его манерѣ держать голову было много достоинства, энергіи и благородства. Казалось, какъ будто восторженность была естественной принадлежностью его голоса, его ума и всей его наружности. Онъ дѣлался настоящимъ Дидро только тогда, когда его мысли переносили его за предѣлы его внутренняго міра. Въ его идеяхъ было болѣе силы, нежели въ немъ самомъ; онѣ увлекали его за собой такъ, что онъ не былъ въ состояніи ни удержатъ ихъ, ни управлять ими. «Когда я вспомню о Дидро, — писалъ одинъ изъ его друзей, — о чрезвычайномъ разнообразіи его идей, о громадныхъ его познаніяхъ, о быстромъ полетѣ, горячности, о неукротимыхъ порывахъ его фантазіи, объ увлекательности и безпорядочной оживленности его разговора, я позволяю сравнить его характеръ съ самой природой въ томъ родѣ, какъ онъ себѣ ее представлялъ, — съ такой природой, которая богата, плодородна, обилуетъ зародышами всякаго рода, привѣтлива и свирѣпа, проста и величава, прекрасна и величественна, но у которой нѣтъ господствующаго принципа, нѣтъ хозяина, нѣтъ Бога». Композиторъ Гретри говорилъ, что Дидро при-

надлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ людей, которые умѣютъ раздувать искры генія въ пламя и что первоначальные импульсы, возбужденные къ дѣятельности его пылкимъ воображеніемъ, обращались въ божественное вдохновеніе. Мармонтель предостерегаетъ насъ, что тотъ, кто знакомъ съ Дидро только по его сочиненіямъ, вовсе незнакомъ съ нимъ. Надо было послушать, какъ онъ убѣдительно краснорѣчивъ и надо было видѣть, какъ его лицо разгоралось въ пылу увлеченія. Онъ по истинѣ приводилъ въ восторгъ, когда оживлялся разговоромъ и давалъ полную волю потоку своихъ идей. Въ своихъ сочиненіяхъ,—основательно заключаетъ Мармонтель,—онъ никогда не умѣлъ изложить что-либо вполне, а это происходило отъ того, что первоначальный процессъ размѣщенія всѣхъ идей по своимъ мѣстамъ, казался ему слишкомъ медленнымъ и слишкомъ скучнымъ. Но недостатокъ цѣльности не замѣчался при вольномъ и измѣнчивомъ теченіи разговорной бесѣды. Слѣдуетъ также замѣтить, что Дидро принадлежалъ въ этомъ отношеніи къ тому-же типу, какъ и Сократъ, хотя и отличался отъ Сократа тѣмъ, что былъ распространителемъ положительныхъ и примѣнимыхъ къ жизни идей. Его личность имѣла рѣшающее вліяніе на окружающихъ. Читая отзывы о немъ друзей, мы невольно вспоминаемъ слова молодого Аристиды, обращенныя къ Сократу: «Я дѣлался лучше, когда былъ недалеко отъ васъ, даже когда находился въ одномъ только домѣ съ вами, а не въ одной съ вами комнатѣ; но я еще болѣе совершенствовался, когда находился въ одной комнатѣ съ вами и еще болѣе, если могъ не сводить съ васъ глазъ». Кто-то основательно замѣтилъ, что личность Дидро точно также, какъ и личность Сократа обладали какой-то нечистой силой. Дидро былъ одержимъ бѣсомъ и потому умѣлъ господствовать надъ умами. Но чтобы достигнуть превосходства въ литературѣ, необходимо также умѣть господствовать надъ самимъ собой, необходимо имѣть не одни импульсы, но и обдуманность, необходимо, чтобы вольный потокъ внезапно возникающихъ идей подчинялся требованіямъ послѣдовательности, гармоніи и внѣшняго изящества. Впрочемъ, краснорѣчіе Дидро въ салонной, изящной болтовнѣ или во время деревенскихъ прогулокъ нельзя ставить на одинъ уровень съ

безсодержательнымъ многословіемъ и пустой высокопарностью людей, составившихъ себѣ репутацію пріятныхъ собесѣдниковъ. Оно было въ одно и тоже время полно интереса и обильно; оно отзывалось декламаціей по своей формѣ, но было ново и увлекательно по содержанію; оно было несвязно по распредѣленію идей, но по мысли оно было сильно и направлено къ одной цѣли. Если и можно назвать Дидро мудрецомъ, то, конечно, такимъ, который способенъ бѣсноваться. Ему случалось закончить свою рѣчь тѣмъ, что онъ съ яростью хлопалъ своимъ ночнымъ колпакомъ объ стѣну, какъ будто для того, чтобы закрѣпить силу приведенныхъ имъ аргументовъ. Но несмотря на эту горячность, на эту склонность къ декламаціи, его бесѣды, все-таки, были поучительны. Молодые люди самыхъ разнообразныхъ характеровъ, начиная съ Морелли и кончая Жуберомъ, которые вполне способны разоблачить простую высокопарность или пылкое пустословіе, были очарованы силою его ума. Но его сочиненія вовсе не производили такого впечатлѣнія. Въ нихъ мы чувствуемъ пламя, но лишь сквозь прикрывающій его дымъ; въ нихъ способъ выраженія не туманный, а неуклюжій, не растянутый, а тяжеловатый, преувеличенный и не совсемъ понятный. Здѣсь мы не найдемъ ни ясной личности и пылкости Вольтера, ни увлекательной, фантастической благозвучности Руссо, ни высокопарности Вюфона. Насъ интересуетъ Дидро не прелестью своего слога, а богатствомъ плодотворныхъ идей, замѣчательнымъ знаніемъ человѣческой жизни и мощною оригинальностью свей личности».

Дидро прибылъ въ Петербургъ, по желанію императрицы Екатерины, въ 1773 году и пробылъ тутъ болѣе пяти мѣсяцевъ. Во дворцѣ онъ нашелъ самый радушный пріемъ. Онъ почти каждый день бывалъ у императрицы съ трехъ до пяти или шести часовъ пополудни. При этомъ былъ изгнанъ всякій этикетъ. Англійскій посланникъ заподозрилъ даже, что Дидро ведетъ политическую интригу. А французскій министръ иностранныхъ дѣлъ и французскій посланникъ воображали, что нашли въ немъ полезнаго дипломатическаго агента. «Свиданія Екатерины и Дидро безпрестанно слѣдуютъ одно за другимъ и повторяются со дня на день. Онъ сказалъ мнѣ, и я

имѣю основаніе думать, что онъ сказалъ правду, — что онъ указывалъ на опасность союза Россіи съ королемъ прусскимъ и невыгоды союза съ нимъ. Императрица не только не порицала его за свободу его мыслей, но поощряла его словами и жестами. «Вы не любите этого государя», — сказала она Дидро. — «Не люблю, — отвѣчалъ онъ, — это великій человекъ, но дурной король и, сверхъ того, онъ дѣлаетъ фальшивую монету». — «О! — воскликнула она, смѣясь. — я получила мою долю изъ его монеты». Первый раздѣлъ Польши совершился осенью 1772 года, за нѣсколько недѣль до прибытія Дидро въ Петербургъ. Людовикъ XV, который былъ уже близокъ къ смерти и его министръ д'Эгильонъ были озабочены при видѣ начинающейся эры территоріальныхъ пероворотовъ и искали союзниковъ противъ Россіи и Пруссіи. Англія благо-разумно отказалась дѣйствовать. Тогда Франція стала заботиться лишь о томъ, чтобы отдалить Екатерину отъ Фридриха. Но всѣ дѣйствія французскаго правительства были нерѣшительны; оно мало знало императрицу, если воображало, что Дидро былъ тотъ человекъ, который могъ-бы повліять на ея сильный и положительный умъ. Впослѣдствіи, она рассказала Сегюру, какой успѣхъ имѣли его политическія мнѣнія: «Я много и часто разговаривала съ нимъ, — сказала Екатерина, — но не столько съ пользой для себя, сколько изъ любопытства. Еслибы я слушалась его, мнѣ-бы пришлось перевернуть все въ моей имперіи, пришлось-бы совершенно преобразовать и законодательство, и администрацію, и финансы для того, чтобы очистить мѣсто для невозможныхъ теорій. Однако, такъ какъ я больше слушала, чѣмъ говорила, то всякій, кому случилось-бы присутствовать при этой бесѣдѣ, принялъ-бы его за строгаго педагога, а меня за его покорную ученицу. Онъ, вѣроятно, и считалъ себя педагогомъ, такъ какъ, убѣдившись, по прошествіи нѣкотораго времени, что не сдѣлано ни одного изъ рекомендованныхъ имъ великихъ нововведеній, онъ выразилъ удивленіе и отзывавшееся заносчивостью неудовольствіе. Тогда я обратилась къ нему со слѣдующими откровенными словами: «Г. Дидро, я съ величайшимъ удовольствіемъ выслушала все, что вамъ внушило ваше блестящее воображеніе; съ помощью вашихъ великихъ прин-

циновъ, которые я очень хорошо понимаю, можно писать прекрасныя книги, но очень плохо вести дѣла. При изложеніи всѣхъ вашихъ плановъ реформъ, вы позабываете, какъ различны наши положенія; вы работаете только на бумагѣ, которая выносить все; она не ставитъ препятствій ни вашему воображенію, ни вашему перу. Но я, какъ императрица, работаю на человѣческой кожѣ, которая гораздо болѣе раздражительна и разборчива».

Еще раньше своего посѣщенія Петербурга, въ 1765 году матеріальное положеніе Дидро было такъ печально, что онъ увидѣлъ единственное спасеніе въ продажѣ своей библіотеки. Узнавъ объ этомъ, императрица Екатерина купила ее за 50,000 франковъ, съ условіемъ, что онъ будетъ ею пользоваться до смерти и будетъ библіотекаремъ на жалованіи. Въ теченіе тридцати лѣтъ Дидро жилъ въ одной и той-же квартирѣ, въ верхнемъ этажѣ одного дома въ улицѣ Таранъ. Уже передъ самой смертью Дидро, Гриммъ обратился къ императрицѣ съ просьбою доставить помѣщеніе ея библіотекарю, и когда эта просьба была уважена, Дидро согласился на переездъ съ своего чердака въ роскошныя комнаты въ улицѣ Ришелье. Но онъ недолго пользовался ими. Хотя онъ замѣтнымъ образомъ слабѣлъ съ каждымъ днемъ, онъ дѣлалъ все, что могъ, чтобы поддерживать бодрость въ окружающихъ и старался развлекать и себя, и другихъ тѣмъ, что приводилъ въ порядокъ свои картины и книги. До самой своей смерти онъ находилъ въ себѣ достаточно силы, чтобы бесѣдовать о наукѣ и философіи съ друзьями, которые съ обычною жадностью ловили послѣдніе проблески его плодотворнаго ума. Въ послѣдней бесѣдѣ, которую слышала его дочь, его послѣдними словами былъ рѣзкій афоризмъ, что первый шагъ въ философіи есть невѣріе. Вечеромъ 13-го іюня 1784 года онъ сѣлъ за столъ и послѣ обѣда взялъ абрикосъ. Его жена старалась удержать его. «*Mais quel diable de mal veu*х tu que cela me fasse—сказалъ онъ и сѣлъ абрикосъ. Затѣмъ онъ облокотился на столъ, занимаясь стоявшими на немъ конфектами. Его жена обратилась къ нему съ какимъ-то вопросомъ; не получая отвѣта, она взглянула на него и увидѣла, что онъ мертвъ. Онъ умеръ такъ, какъ, по словамъ

одного греческаго поэта, люди умирали въ золотомъ вѣкѣ, — имъ точно овладѣлъ сонъ.

Наиболѣе замѣчательнымъ изъ беллетристическихъ произведеній Дидро считается «Le neveu de Rameau» (Племянникъ Рамо). Приводимъ отзывъ о «Племянникѣ Рамо», лучшаго біографа Дидро — г. Джона Морлея: «Критики совершенно расходятся въ своихъ мнѣніяхъ о томъ, какую цѣль имѣлъ въ виду Дидро, когда писалъ эту странную «забавную трагедію». Одни изъ нихъ находятъ, что это ничто иное, какъ сатирическое изображеніе современныхъ нравовъ. Другіе утверждаютъ, что цѣлью Дидро было ироническое *reductio ab absurdo* теоріи эгоизма и что онъ хотѣлъ достигнуть этой цѣли путемъ конкретнаго изображенія, какъ эта теорія примѣняется на практикѣ во всей своей грубости. Третьи полагаютъ, что этотъ Діалогъ былъ написанъ въ отвѣтъ на появившуюся въ 1760 году комедію Палиссо «Les Philosophes», въ которой вожаки раціоналистической школы были выведены на сцену и выставлены врагами человѣческаго рода. Четвертые предполагаютъ, что личныя и драматическія части Діалога служатъ лишь рамкой для оцѣнки сравнительныхъ достоинствъ музыкальных школъ французской и итальянской. На самомъ дѣлѣ все сказанное есть въ Діалогѣ, но онъ не имѣлъ въ виду исключительно которой либо изъ указанныхъ цѣлей. Это ни болѣе ни менѣе какъ живое изображеніе оригинальной личности, сдѣланное гениальнымъ человѣкомъ, который привыкъ смотрѣть на человѣческую натуру и на человѣческое общество открытыми, неприщуренными глазами и вдумываться въ нихъ глубоко и съ желаніемъ доискаться истины. Дидро относится къ Рамо почти также, какъ Шекспиръ къ Фальстафу. Онъ — артистъ, воспроизводящій съ артистическимъ разнообразіемъ и совершенствомъ причудливую личность, которая поразила его фантазію и пробудила въ немъ импульсы къ творчеству. Въ этомъ Діалогѣ можно найти и этику, и эстетику, и описаніе нравовъ, и сатиру; но все это не болѣе, какъ дополненія къ центральной фигурѣ очерка, къ отличительнымъ чер-

тамъ паразита. Дидро не имѣлъ особаго расположенія къ оригиналамъ подобнаго рода, однако онъ ясно и вѣрно понималъ, что ихъ касалось. «Ихъ характеръ рѣзко отличается отъ характера другихъ людей; они нарушаютъ скучное однообразіе, порождаемое нашимъ воспитаніемъ, условіями общественной жизни и вошедшими въ обычай приличіями. Когда одинъ изъ нихъ появляется въ обществѣ, онъ бываетъ похожъ на дрожжи, которыя, придя въ броженіе, каждому возвращаютъ нѣкоторую долю его природной индивидуальности. Онъ расшевеливаетъ, онъ возбуждаетъ, онъ заставляетъ одобрять или порицать; онъ обнаруживаетъ истину, онъ доставляетъ возможность распознавать честныхъ людей и снимаетъ маску съ плутовъ». Образованному читателю, узнавшему, что сюжетомъ Діалога служить паразитъ, натурально должна прійти на умъ та безпощадная сатира, въ которой Ювеналь рассказываетъ, какимъ униженіямъ Вирро подвергалъ Требія; какъ жалкій компаніонъ долженъ былъ пить горячій напитокъ изъ разбитой глиняной посуды, тогда какъ самъ патронъ пилъ большими глотками изъ дорогихъ роскошныхъ вазъ, сдѣланныхъ изъ амбры и украшенныхъ драгоценными каменьями, какъ хозяину дома подавали самое лучшее оливковое масло изъ Венафрума, тогда какъ гостю приходилось жевать мякоть, осѣвшую въ протухшемъ ламповомъ маслѣ, какъ одинъ услаждаетъ себя головлями и миногами, тогда какъ съ другими дѣлалась тошнота, оттого, что онъ ѣлъ угря, длиннаго какъ змѣя, и вздыхавшаго оттого, что онъ жилъ въ грязныхъ потокахъ водосточной трубы; Вирро ѣсть яблоки, которыя точно будто созрѣли въ садахъ Гесперидъ, тогда какъ Требій глотаетъ такую прокислую дрянь, какую бросаютъ обезьянѣ, выдѣлывающей разныя штуки. Но существуетъ неизмѣримое разстояніе между безпощадностью Ювенала и полу-иронической, полу-серьезной снисходительностью Дидро. Ювеналь знаетъ, что Требій злое и отвратительное существо; онъ говоритъ Требію каковъ онъ есть и своими словами совсѣмъ уничтожаетъ его. Дидро знаетъ, что и Рамо золь и отвратителень, но ему такъ не хочется оставаться въ пошломъ и спокойномъ раѣ условныхъ понятій, что онъ все время точно бесѣдуетъ самъ съ собою о томъ, въ какой мѣрѣ этотъ геній грубости, парадокса и скотскаго со-

физма выкроенъ по образцу очень многихъ людей, отличаюсь отъ нихъ лишь тѣмъ, что сбросилъ съ своего лица лишь маску. Онъ точно мысленно погрузился въ разрѣшеніе вопроса: правда-ли, что если кто-либо сбросилъ съ себя хотя одну часть прикрывающей его красивой вѣшной оболочки приличій, то передъ нами откроется не что-либо привлекательное, а возбуждающія отвращеніе кости скелета и черви. Онъ воздерживается отъ ожесточенія при видѣ блестящаго безстыдства своего героя, точно такъ, какъ анатомъ заглушаетъ въ себѣ чувство отвращенія при видѣ какой-нибудь патологической уродливости или какого-нибудь поразительнаго уклоненія отъ общихъ правилъ, въ которомъ онъ надѣется уловить какую-нибудь жизненную тайну. Авторъ не анализируетъ Рамо, какъ отвратительный типъ, а рассматриваетъ его какъ образчикъ, въ громадномъ размѣрѣ тѣхъ элементовъ характера, которые кроются въ глубинѣ характеровъ, не принадлежащихъ къ числу внушающихъ отвращеніе. Дидро точно заранѣе одобрялъ слѣдующую ужасную и приводящую въ отчаяніе мысль: Въ каждомъ мужчинѣ и каждой женщинѣ есть что-то такое, что заставило-бы васъ ненавидѣть ихъ, если-бы сдѣлалось вамъ извѣстнымъ. Рамо не только паразитъ, онъ также и вашъ, и мой братъ; это продуктъ однихъ и тѣхъ-же первоначальныхъ факторовъ, это—фигура, вылитая точно также, какъ и наша собственная въ одной изъ безчисленныхъ формъ громадной социальной плавили».

«Такова научная точка зрѣнія на человѣческій характеръ. Она не филантропична и не основана на страданіи: тотъ фактъ, что существуютъ злые люди и что причины ихъ существованія могутъ быть понятны, не есть основаніе для того, чтобы мы не старались анализировать ихъ и искоренять. Эта научная точка зрѣнія, этотъ переходъ отъ простой похвалы или простаго порицанія къ анализу, это убѣжденіе, что нельзя ограничиваться однимъ чувствомъ отвращенія—все это признаки новаго времени. Кромѣ Ювенала есть еще одинъ гениальный писатель, изобразившій намъ паразита въ древнемъ обществѣ. Луціанъ, который, по своей плодовитости, по своему остроумію, изобрѣтательности, насмѣшливости, умственной свѣжести и честной ненависти къ ложнымъ богамъ,

заслуживаетъ названія Вольтера втораго вѣка, оставилъ намъ не одно описаніе паразита, нарисованное со своей природной веселостью. Существо, созданное великимъ писателемъ въ Римѣ, выноситъ такой-же длинный рядъ оскорбленій и униженій, какъ и существо, созданное шестнадцатыи столѣтіями позднѣе великимъ писателемъ въ Парижѣ, начиная съ страданій испорченнаго желудка—такъ какъ самые лучшіе куски дичи или кабана достаются болѣе важнымъ гостямъ,—и кончая мученіями нравственными, такъ какъ онъ видитъ, что ему предпочитаютъ болѣе ловкаго соперника, который лучше его сочиняетъ стихи и искуснѣе его поясничаетъ. Разговоръ, въ которомъ Лукіанъ проницески доказываетъ, что тунеядство или почтенная способность блюдолизничанья носить на себѣ такіа-же признаки настоящаго искусства, какъ риторика, гимнастика, музыка—есть остроумная пародія на нравоученія Сократа и на манерность Платона. Симонъ доказываетъ Тихіадѣ, также остроумно, какъ и Рамо доказываетъ Дидро, что жизнь блюдолиза самая пріятная, и что онъ гораздо болѣе разумная и цѣльная личность, чѣмъ ораторъ или философъ. Сатира Лукіана жива, блестяща и забавна. Однако, всякій замѣтитъ, что произведеніе Дидро при одинаковой живости отличается глубиною мысли, что оно выросло на почвѣ, которая была взрыта съ большею нестѣсняемостью, и что онъ обогащенъ болѣе обильною опытностью. Древніе писатели раздражались противъ этихъ обращиковъ разврата вспышками негодованія, а новые смотрятъ на нихъ съ нѣкоторой нравственной снисходительностью и даже съ какимъ-то страннымъ участіемъ, похожимъ на ту симпатію, которую питаетъ охотникъ къ преслѣдуемому имъ звѣрю».

Замѣтка.

1848/1
Рукопись этого лучшаго произведенія Дидро была въ рукахъ Нэжана, который, по неизвѣстнымъ причинамъ, не напечаталъ ее. Была-ли это та самая рукопись, которую увезли въ Германію и которая попала въ руки Шиллера? Весьма возможно. «Въ концѣ 1804 г., пишетъ Гете, Шиллеръ сообщилъ мнѣ, что у него есть рукопись Дидро еще не изданная и оставшаяся неизвѣстной подъ заглавіемъ «Le Neveu de Rameau». Онъ сказалъ, что г. Гешенъ имѣлъ намѣреніе ее напечатать, но для большаго возбужденія любопытства, хотѣлъ прежде выпустить ее въ нѣмецкомъ переводѣ. Трудъ этотъ былъ порученъ мнѣ и такъ какъ я уже давно чувствовалъ великое почтеніе къ автору, то и охотно на это согласился, въ особенности, просмотрѣвъ оригиналъ». Гете говоритъ, затѣмъ, что его переводъ имѣлъ мало успѣха по случаю войны, что нашествіе французовъ помѣшало заняться изданіемъ оригинала, что въ 1821 году два молодыхъ француза гг. де-Соръ и де-Сень-Женіезъ вздумали перевести переводъ Гете и выдать свой трудъ изъ вторыхъ рукъ за оригинальное произведеніе, что, наконецъ, этотъ обманъ длился до тѣхъ поръ, пока настоящій оригиналъ не былъ выпущенъ въ свѣтъ Бріеромъ, издателемъ полного собранія сочиненій Дидро, и получившимъ его отъ семьи самаго автора. Гг. де-Соръ и де-Сень-Женіезъ, уличенные въ обманъ, смѣло защищались и пробовали доказать въ длинной полемикѣ, что Бріеръ былъ жертвою мистификаціи и что ихъ переводъ и есть настоящій оригинальный

текстъ Дидро. Но имъ пришлось имѣть дѣло съ сильной стороною. Бріеръ имъ рѣшительно доказалъ подлинность своей рукописи, которую онъ получилъ отъ г-жи де-Вандель, единственной дочери Дидро, и сослался на свидѣтельство Гете, отъ котораго получилъ письмо, окончательно сразившее этихъ двухъ литературныхъ пиратовъ.

Съ тѣхъ поръ Племянникъ Рамо всегда перепечатывался съ текста Бріера. Г. Шарль Асселино напечаталъ текстъ измѣненный сличеніемъ оригинала съ переводомъ Гете. Г. Жюль Ассеза посчастливилось найти копію съ рукописи Племянника Рамо со всѣми собственными именами, пропущенными въ изданіи Бріера, мѣстами, которыя перевелъ Гете и которыхъ не хватало въ рукописи г-жи де-Вандель, наконецъ, съ слишкомъ вольнымъ анекдотомъ, который Гете сознается, что выпустилъ.

Предлагаемый нами переводъ сдѣланъ по тексту Ассеза, выпустившаго прекрасное изданіе всѣхъ произведеній Дидро у братьевъ Гранье. Мы не сомнѣваемся, что текстъ его тотъ-же самый, съ котораго переводилъ Гете.

Племянникъ Рамо.

Какая-бы ни была погода, хорошая или дурная, каждый день, въ пятомъ часу вечера, я отправляюсь въ Пале-Рояль, гдѣ меня всегда можно видѣть сидящимъ въ одиночествѣ на скамейкѣ д'Аржансона, погруженнаго въ глубокія думы. Я разсуждаю самъ съ собой о политикѣ, любви, вкусахъ, философіи; уму своему я предоставляю полную свободу; я позволяю ему гнаться за первой попавшейся мнѣ мыслью, умной или глупой—все равно,—подобно тому, какъ наши молодые повѣсы въ аллеѣ Фуа гоняются за куртизанкой самаго вѣтреннаго вида, съ смѣющимся лицомъ, живыми глазами, вздернутымъ носикомъ, бросаютъ ихъ одну для другой, задѣваютъ всѣхъ и не останавливаются ни на одной. Мои мысли это—мои куртизанки. Когда бываетъ слишкомъ холодно или сыро, я спасаюсь въ кафе Регентства, гдѣ забавляюсь, смотря на игру въ шахматы. Парижъ единственное мѣсто въ цѣломъ мірѣ, а кафе Регентства единственное мѣсто въ цѣломъ Парижѣ, гдѣ всего лучше играютъ въ эту игру; у Рея совершаютъ свои приступы глубокомысленный Легаль, хитрый Филлдоръ, солидный Майо; тамъ дѣлаются самые удивительные ходы и ведутся самые нелѣпые разговоры; ибо, если можно быть человѣкомъ умнымъ и великимъ шахматнымъ игрокомъ, то, точно также, можно быть не менѣе великимъ игрокомъ и, вмѣстѣ, такимъ дуракомъ какъ Фуберъ или Майо.

Однажды, послѣ обѣда, я сидѣлъ тамъ, много наблюдая, много болтая и какъ можно меньше слушая, когда

ко мнѣ подошелъ одинъ изъ самыхъ странныхъ людей этой страны, которую Богъ ими не обидѣлъ. Это какая-то смѣсь возвышенности и низости, здраваго смысла и безумія; вѣроятно, понятія о честномъ и безчестномъ самымъ необыкновеннымъ образомъ перепутались въ его головѣ, такъ какъ онъ выказываетъ всѣ хорошія качества, которыми природа надѣлила его, безъ хвастовства, а дурныя—безъ всякаго стыда. Вообще, онъ одаренъ сильнымъ сложеніемъ, необыкновенно горячимъ воображеніемъ и рѣдко встрѣчающимися сильными легкими. Если, встрѣтятся съ нимъ, его оригинальность васъ не остановитъ, то вы заткнете себѣ уши и убѣжите. Боги! какія страшныя легкія. Нѣтъ ничего, что-бы такъ мало было похоже на него, какъ онъ самъ. Иногда онъ худъ и блѣденъ, какъ больной, истощенный до послѣдней степени, сквозь щеки можно пересчитать всѣ его зубы; словно, онъ нѣсколько дней ничего не ѣлъ или только что вышелъ изъ больницы. Слѣдующій мѣсяцъ онъ толстъ и жиренъ, словно, не выходилъ изъ-за стола финансиста или содержался въ монастырѣ Бернардинцевъ. Сегодня—въ грязномъ бѣльѣ, оборванныхъ панталонахъ, весь въ лохмотьяхъ, почти босой, идетъ понутивъ голову, прячется отъ всѣхъ; такъ и хочется подать ему милостыню. Завтра онъ напудренъ, обутъ, завить, хорошо одѣтъ, выступаетъ съ высоко поднятой головой, всюду показывается и вы-бы его приняли почти за порядочнаго человѣка. Онъ живетъ со дня на день, веселый или грустный, смотря по обстоятельствамъ. Его первая забота утромъ—промыслить себѣ обѣдъ; послѣ обѣда онъ думаетъ, куда отправляться ужинать. Ночь влечетъ за собою свои безпокойства: или онъ пѣшкомъ тащится въ коморку на чердакѣ, гдѣ живетъ, если только хозяйка, утомленная долгимъ ожиданіемъ платы, не отняла у него ключа; или отправляется въ одну изъ тавернъ предмѣстья, гдѣ ждетъ утра съ кускомъ хлѣба и кружкой пива. Если у него нѣтъ даже шести су въ карманѣ,—что иногда съ нимъ случается,—то онъ прибѣгаетъ или къ фіакру своихъ друзей, или къ кучеру вельможи, который позволяетъ ему лечь на солому, ря-

домъ съ лошадьми. По утру у него еще видна часть его матраца въ волосахъ. Если погода теплая, онъ цѣлую ночь шагаетъ по Елисейскимъ полямъ. Съ разсвѣтомъ появляется въ городѣ, въ измятомъ вчерашнемъ платьѣ, которое, иногда, остается на немъ не снятымъ въ теченіе цѣлой недѣли. Я не уважаю подобныхъ оригиналовъ: другіе съ ними близко знакомятся, даже дружатся. Но охотно встрѣчаюсь съ ними разъ въ годъ, потому что ихъ характеръ рѣзко отъ всѣхъ отличается и они нарушаютъ то утомительное однообразіе, которое ввелось среди насъ, благодаря нашему образованію, нашимъ общественнымъ условіямъ и приличіямъ. Какъ только подобный человѣкъ появляется въ обществѣ, онъ вноситъ съ собою броженіе и каждому сообщаетъ частицу своей природной индивидуальности. Онъ встряхиваетъ, волнуетъ, заставляетъ соглашаться или порицать, разоблачаетъ истину, даетъ возможность распознать хорошихъ людей, обличаетъ мошенниковъ; тогда-то, человѣкъ съ здравымъ смысломъ вслушивается въ разговоры и узнаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

Этого чудака я зналъ уже давно. Онъ часто бывалъ въ одномъ домѣ, куда проникъ благодаря своему таланту. Тамъ была единственная дочь; онъ клялся отцу и матери, что женится на ней. Тѣ пожимали плечами, смѣялись ему прямо въ лицо, говорили, что онъ съ ума сошелъ; и мнѣ пришлось увидѣть моментъ, когда дѣло было сдѣлано. Онъ занималъ у меня по нѣсколько экю, которыя я охотно давалъ ему. Онъ, какъ-то, втерся въ нѣкоторые порядочные дома, гдѣ ему ставился приборъ, съ условіемъ ничего не говорить, пока онъ не получитъ на то разрѣшенія. Онъ молчалъ и ѣлъ съ бѣшенствомъ; онъ былъ прелестенъ въ подобныхъ тискахъ. Если, вдругъ, онъ нарушалъ условіе и открывалъ ротъ, то при первомъ словѣ всѣ вскрикивали: Рамо! и съ глазами, полными ярости, онъ снова принимался за ѣду съ еще большимъ рвеніемъ. Вамъ хотѣлось узнать его имя, вы его знаете. Это племянникъ того знаменитаго музыканта, который избавилъ насъ отъ церковнаго пѣнія Люлли, распѣвае-

маго намъ болѣе ста лѣтъ, который написалъ столько непонятныхъ видѣній апокалиптическихъ истинъ о теоріи музыки, столь-же непонятныхъ для него, какъ и для другихъ, и оставилъ намъ нѣсколько оперъ, въ которыхъ есть гармонія, обрывки пѣсенъ, безсвязныя идеи, трескъ, триумфы, пики, прославленіе, шопоть, побѣдные крики, захватывающіе духъ, аріи для танцевъ, сохраняющіеся на вѣки, и которыя, уничтоживъ Флорентинца, будутъ въ свою очередь уничтожены итальянскими виртуозами, что онъ уже предчувствуетъ и отчего бываетъ часто мраченъ, скученъ, раздражителенъ; ибо никто такъ не сердится, даже хорошенькая женщина, просыпающаяся съ прыщикомъ на носу, какъ авторъ, которому грозитъ опасность пережить свою репутацію, что могутъ засвидѣтельствовать Мариво и Кребилонъ сынъ.

Онъ подходитъ ко мнѣ:—А! а! вотъ и вы, господинъ философъ, что это вы дѣлаете среди этой толпы тунеядцевъ? Ужъ не тратите-ли вы вашего времени на толканье деревяшекъ?... (Какъ презрительно называютъ игру въ шашки и шахматы) *).

Я.—Нѣтъ, но когда мнѣ нечего дѣлать, то я съ удовольствіемъ смотрю, какъ другіе ихъ хорошо толкаютъ.

Онъ.—Въ такомъ случаѣ, вы рѣдко имѣете это удовольствіе. Кромѣ Легаля и Филидора, остальные ничего въ этомъ не смыслятъ.

Я.—А г. де-Бисси?

Онъ.—Этотъ тоже самое въ шахматахъ, что г-жа Клэронъ на подмосткахъ; оба знаютъ въ этихъ играхъ все то, чему можно научиться.

Я.—Вы строги и я вижу, что вы щадите только великихъ людей.

Онъ.—Да, въ шахматахъ, шашкахъ, поэзіи, краснорѣчьи, музыкѣ и тому подобныхъ пустякахъ. На что можетъ тутъ годиться посредственность?

*) Дидро любилъ играть въ шахматы, но Жанъ Жакъ Руссо всегда его побѣждалъ.

Я.—Мало на что, согласенъ. Но, вѣдь, нужно-же, чтобы многіе посвящали себя имъ и дали возможность выдѣлиться гению. Онъ одинъ во множествѣ. Но оставимъ это. Я уже цѣлую вѣчность не видѣлъ васъ. Я совсѣмъ о васъ не думаю, когда мы не видимся, но мнѣ всегда пріятно встрѣтиться съ вами. Что вы подѣлывали?

Онъ.—То, что вы, я и всѣ другіе дѣлаютъ,—хорошее, дурное и ровно ничего. Затѣмъ, бывалъ голоденъ и ѣлъ, когда представлялся случай; поѣвъ, чувствовалъ жажду и пивалъ иногда. Между тѣмъ, у меня выросла борода и я шелъ бриться.

Я.—Вы это напрасно дѣлали: это единственная вещь, которой недостаетъ вамъ, чтобы быть мудрецомъ.

Онъ.—Совершенно справедливо. Лобъ у меня большой и морщинистый, глаза огненные, носъ выдающійся, скулы широкія, брови черныя и густыя, ротъ большой, губы толстыя и лицо четырехугольное. Еслибы этотъ обширный подбородокъ былъ покрытъ бородой, то знаете-ли, что мое лицо напоминало-бы бюстъ изъ бронзы или мрамора?

Я.—Рядомъ съ Цезаремъ, Маркъ-Авреліемъ или Сократомъ?

Онъ.—Нѣтъ. Мнѣ-бы приличнѣе было находиться между Діогеномъ и Фриной. Я нахаленъ, какъ Діогенъ и охотно посѣщаю Фриню.

Я.—Вы по прежнему хорошо себя чувствуете?

Онъ.—Обыкновенно, да; но несовсѣмъ хорошо сегодня.

Я.—Какъ! съ такимъ животомъ Силена и лицомъ...

Онъ.—Лицомъ, которое можно принять за его противоположность *). Дѣло въ томъ, что злость, иссушающая моего дорогаго дядю, повидимому, идетъ въ прокъ его дорогому племяннику.

Я.—Кстати, объ этомъ дядѣ, видите вы его иногда?

Онъ.—Да, проходящимъ по улицѣ.

Я.—Развѣ онъ ничего для васъ не дѣлаетъ?

Онъ.—Если онъ дѣлаетъ что-либо для кого нибудь,

*) Pour son antagoniste. У Бріера: pour un C...

то самъ того не сознавая. Онъ въ своемъ родѣ философъ; онъ думаетъ только о себѣ, вся остальная вселенная не стоитъ для него и выѣденнаго яйца. Его дочь и жена могутъ умирать когда имъ вздумается: только-бы приходскіе колокола, которые будутъ звонить по случаю ихъ смерти, звучали секундой и септимой и все будетъ отлично. Это большое для него счастье и вотъ, что я особенно цѣню въ геніальныхъ людяхъ. Они хороши только для чего нибудь одного; виѣ этого—они ничто. Они не знаютъ, что значить быть гражданиномъ, отцомъ, матерью, родственникомъ, другомъ. Между нами говоря, надо во всемъ походить на нихъ, но не желать, чтобы ихъ родъ увеличивался. Нужны обыденные люди, но совсѣмъ не геніи; нѣтъ, право, ихъ-то совсѣмъ и не нужно. Они измѣняютъ виѣшній видъ земнаго шара, а глупость такъ всеобща и такъ могущественна, даже въ самыхъ ничтожныхъ вещахъ, что ея нельзя измѣнить безъ суматохи. Одна часть устраивается сообразно ихъ измышленіямъ, другая остается по старому; такимъ образомъ, являются два кодекса и выходитъ платье арлекина. Мудрость монаха Раблэ—вотъ настоящая мудрость, какъ для своего собственнаго спокойствія, такъ и для спокойствія другихъ: какъ нибудь исполнять свой долгъ, всегда хорошо отзываться о господинѣ пріо́рѣ и предоставить міру идти, какъ ему вздумается. Онъ идетъ хорошо, потому что большинство имъ довольно. Еслибы я зналъ исторію, я-бы доказалъ вамъ, что зло всегда являлось къ намъ на землю отъ какихъ нибудь геніальныхъ людей; но я не знаю исторіи, потому что не знаю ничего. Чортъ меня побери, если я когда-либо чему нибудь учился и если оттого я хуже себя чувствую. Разъ, случилось мнѣ обѣдать у министра французскаго короля; у него хватить ума на четверыхъ; ну, такъ онъ доказалъ намъ, какъ дважды два, что для народовъ ничего не можетъ быть полезнѣе лжи, ничего вреднѣе правды. Я не хорошо помню его доказательства, но изъ нихъ ясно вытекало, что геніальные люди отвратительны и что, еслибы рож-

дался ребенокъ со знакомъ этого опаснаго дара природы на лбу, то его слѣдовало-бы или задушить или утопить.

Я.—Однако, всѣ эти люди, такъ враждебно относящіеся къ геніальности, всѣ они признають въ себѣ малую ея толику.

Онъ.—Согласенъ, что они такъ думаютъ, но сомнѣваюсь, чтобы осмѣлились въ этомъ признаться.

Я.—Только изъ скромности. У васъ, значить, страшная ненависть къ генію?

Онъ.—Вѣчная.

Я.—Но было время, когда вы приходили въ отчаяніе оттого, что вы человѣкъ обыкновенный. Вы никогда не будете счастливы, если васъ одинаково огорчаетъ какъ одно, такъ и другое. Надо что нибудь одно выбрать и этого держаться. Соглашаясь съ вами, что геніальные люди, вообще, странны, или, какъ говорить пословица, нѣтъ великаго ума безъ маленькой доли глупости, все-таки, нельзя не признать, что тѣ вѣка заслуживаютъ презрѣніе, которые ихъ не порождаютъ. Они дѣлають честь тѣмъ народамъ, среди которыхъ живутъ; рано или поздно имъ воздвигаютъ памятники и на нихъ начинаютъ смотрѣть, какъ на благодѣтелей человѣчества. Что-бы ни говорилъ упомянутый вами великій министръ, но я думаю, что если ложь и можетъ пригодиться на минуту, то впослѣдствіи непременно окажется вредной, а правда, наоборотъ, непременно пригодится со временемъ, хотя и можетъ случиться, что въ данную минуту она повредитъ. Изъ чего я готовъ заключить, что человѣкъ геніальный, обличающій общее заблужденіе или проповѣдующій великую истину, всегда заслуживаетъ наше полное уваженіе. Можетъ случиться, что онъ сдѣлается жертвою предразсудковъ и законовъ; но есть два рода законовъ: одни безусловно справедливы и всеобщі; другіе—странны и обязаны своимъ существованіемъ только ослѣпленію и временному стеченію обстоятельствъ. Последніе покрываютъ нарушившаго ихъ только быстро проходящимъ безчестіемъ, которое время свалить на судей и на народы и оставить его за ними на вѣки. Кто те-

перь намъ кажется опозореннымъ, Сократъ или судья, заставившій его выпить ядъ?

Онъ.—Очень ему отъ этого легче! будто его все-таки не осудили? будто его не умертвили? будто онъ не былъ безпокойнымъ гражданиномъ? Изъ презрѣнія къ дурному закону не подстрекаль-ли онъ будто безумцевъ къ презрѣнію хорошихъ? не былъ онъ дерзокъ и страненъ? Вы сейчасъ были близки отъ признанія, несовсѣмъ благоспріятнаго для великихъ людей.

Я.—Выслушайте меня, милый человѣкъ. Ни одно общество не должно было-бы имѣть дурныхъ законовъ; а, будь у него только хорошіе, ему бы никогда не пришлось преслѣдовать геніальныхъ людей. Я вѣдь вамъ не говорилъ, что геній нераздѣльно связанъ со злостью, или что злость неразлучна съ геніемъ. Дуракъ чаще бываетъ злымъ, чѣмъ человѣкъ умный. Но, если даже геніальные люди были всегда грубы въ обращеніи, тяжелы, отвратительны, невыносимы, даже злы, то чтобы вы изъ этого заключили?

Онъ.—Что ихъ слѣдуетъ утопить.

Я.—Подождите-же, милый, человѣкъ. Ну, скажите пожалуйста, я не возьму въ примѣръ вашего дядю. Это человѣкъ жестокій, грубый, не гуманный, скупой, плохой отецъ, плохой мужъ, плохой дядя; да вѣдь никто и не рѣшилъ, что онъ человѣкъ геніальный, что онъ далеко подвинулъ впередъ свое искусство, и что его работа не забудется и черезъ десять лѣтъ. Но Расинъ? Этотъ-то ужъ навѣрное былъ геніаленъ, а не слылъ за слишкомъ хорошаго человѣка. Но Вольтеръ?..

Онъ.—Очень не настаивайте, вѣдь я послѣдователенъ.

Я.—Что предпочли-бы вы, или: чтобы это былъ добрякъ, составляющій одно цѣлое съ своей конторой, какъ Бриассонъ, или со своимъ аршиномъ, какъ Барбье, который ежегодно-бы дарилъ ребенка своей супругѣ, хорошій мужъ, хорошій отецъ, хорошій дядя, хорошій сосѣдъ, честный торговецъ, но ничего болѣе; или чтобы онъ былъ хитеръ, честолюбивъ, измѣнникъ, завистливъ,

золъ, но творецъ Андромахи, Британика, Ифигеніи, Федры, Аталіи?

Онъ.—Для него самого, право, было-бы лучше быть первымъ.

Я.—Это даже безконечно справедливѣе, чѣмъ вы думаете.

Онъ.—Ну, вотъ, вы всегда такъ! Если намъ удастся сказать что-нибудь удачное, то всегда только въ качествѣ безумцевъ или юродивыхъ случайно. Только одного себя вы и понимаете; знайте-же, господинъ философъ, что я также хорошо понимаю, что говорю, какъ и вы.

Я.—Посмотримъ: объяснитесь.

Онъ.—Да оттого, что всѣ прекрасныя вещи, имъ созданныя, не доставили ему и двадцати тысячъ франковъ; а будь онъ хорошимъ торговцемъ шелковыхъ матерій въ улицѣ Сень-Дени, или Сентъ-Оноре, хорошимъ оптовымъ бакалейщикомъ или аптекаремъ, онъ бы нажилъ громадное состояніе и нѣтъ удовольствій, которымъ-бы онъ не насладился, наживая его; оттого, что отъ времени до времени онъ давалъ-бы по нѣсколько копѣекъ такому несчастному оборванцу, какъ я, который-бы смѣшилъ его и доставлялъ-бы ему при случаѣ молоденькихъ дѣвушекъ, что конечно, развлекало-бы его отъ вѣчнаго сожительства съ его супругой *). Мы-бы у него вкусно обѣдали, играли-бы въ крупную игру, пили тонкія вина, отличные ликеры, превосходный кофе, совершали-бы загородныя прогулки,—вотъ видите, я совсѣмъ сознательно говорилъ: вы смѣтаетесь?.. но дайте мнѣ кончить: такъ было-бы лучше для его окружающихъ.

Я.—Безспорно. Лишь-бы только онъ не растрачивалъ нечестно богатства, нажитаго законной торговлей, только-бы онъ удалилъ изъ своего дома всѣхъ этихъ игроковъ, всѣхъ паразитовъ, всѣхъ пошлыхъ льстецовъ, ту-неядцевъ, бесполезныхъ шалопаевъ и заставилъ-бы своихъ прикащиковъ палками бить угодника, доставляющаго

*) Въ другихъ изданіяхъ: *une jeune fille qui lui aurait procuré parfois de jolies filles.*

разнообразіе мужьямъ, которымъ надоѣло постоянное сожительство съ ихъ женами.

Онъ.—Бить! милостивый государь, бить! Никого не бьютъ въ городѣ съ порядочной полиціей. Это занятіе честное; весьма многіе, даже съ титулами, имъ занимаются. Да и на что, по вашему, слѣдуетъ тратить деньги если не на хорошій столъ, порядочное общество, хорошія вина, красивыхъ женщинъ, удовольствія всѣхъ родовъ, наслажденія всѣхъ видовъ? Въ такомъ случаѣ лучше оставаться нищимъ, если, имѣя богатство, всѣмъ этимъ не пользоваться! Но вернемся къ Расину. Этотъ человѣкъ былъ полезенъ только незнакомцамъ и тому времени когда его уже не стало.

Я.—Согласенъ; но взвѣсьте добро со зломъ. Черезъ тысячу лѣтъ онъ еще будетъ вызывать слезы; будетъ восхищать людей во всѣхъ странахъ свѣта, будетъ внушать человѣчность, состраданіе, нѣжность. Всѣ спросятъ кто онъ былъ, гдѣ родился, и всѣ позавидуютъ Франціи. Онъ, быть можетъ, заставилъ кого-нибудь страдать, кого уже давно нѣтъ на свѣтѣ и до кого уже намъ нѣтъ никакого дѣла: намъ нечего бояться ни его пороковъ, ни его недостатковъ. Конечно, было-бы лучше, если-бы съ талантомъ человѣка великаго, онъ получилъ отъ природы добродѣтели человѣка добраго. Это дерево, изсушившее нѣсколько деревьевъ, посаженныхъ въ его сосѣдствѣ, заглушившее растенія у своихъ ногъ, но которое вершиной своей достигло облаковъ и далеко раскинуло свои вѣтви; оно давало тѣнь тѣмъ, которые приходили, приходять и будутъ приходить отдыхать вокругъ его величественнаго ствола; онъ принесъ плоды, очаровательные на вкусъ и возобновляющіеся безпрестанно. Было-бы желательно, чтобы у Вольтера была также кротость Дюкло, наивность аббата Трюбле, прямодушіе аббата Оливе; но разъ, что этого нѣтъ, взглянемъ на дѣло со стороны дѣйствительно интересной; на минуту забудемъ точку, занимаемую нами въ пространствѣ и времени, и заглянемъ въ грядущіе времена, въ самыя отдаленныя страны и на будущія поколѣнія. Подумаемъ о благосостояніи нашего рода;

если мы недостаточно великодушны, то, по крайней мѣрѣ, простимъ природѣ ея большую мудрость. Если вы обольете холодной водой голову Греза, то, вмѣстѣ съ тщеславіемъ залете, пожалуй и талантъ его. Если вы сдѣлаете Вольтера менѣ чувствительнымъ къ критикѣ, то онъ разучится понимать душу Меровы и перестанетъ васъ возбуждать.

Онъ. — Но если природа также могущественна, какъ мудра, отчего-же не сдѣлала она ихъ столь-же добрыми, сколь они велики?

Я. — Да развѣ вы не видите, что подобнымъ сужденіемъ вы переворачиваете вверхъ дномъ общій порядокъ, и что еслибы все у насъ было превосходно, то не было бы ничего превосходнаго?

Онъ. — Вы правы; главное, чтобы мы съ вами существовали и чтобы мы были тѣмъ, что изображаемъ изъ себя; все-же остальное можетъ идти какъ ему угодно. По моему, самый лучший порядокъ вещей тотъ, при которомъ я долженъ былъ появиться на свѣтъ и провалился самый совершенный изъ міровъ, если я не могу въ немъ существовать. Я предпочитаю даже быть дерзкимъ резонеромъ, чѣмъ совсѣмъ не быть.

Я. — Нѣтъ человѣка, который-бы не думалъ какъ вы и который-бы не осуждалъ существующаго порядка, не замѣчая, что онъ отказывается отъ своего собственнаго существованія.

Онъ. — Это правда.

Я. — Примемъ вещи такими, какими онѣ есть, посмотримъ, чего онѣ намъ стоятъ и что намъ даютъ взаменъ, и оставимъ въ покоѣ все, что мы не достаточно знаемъ, чтобы хвалить или порицать и что быть можетъ, нельзя назвать ни добромъ, ни зломъ, разъ что оно необходимо, какъ полагають многіе честные люди.

Онъ. — Я многого не смыслю въ томъ, что вы мнѣ тамъ рассказываете. Это, вѣрно, философія; предупреждаю васъ, что въ нее я не вмѣшиваюсь. Знаю только, что желалъ-бы быть инымъ, даже съ рискомъ быть гениальнымъ или великимъ человѣкомъ; да, долженъ соз-

наться, что тамъ есть что-то, что мнѣ это говорить. Никогда не выслушивалъ я похвалъ одному изъ нихъ безъ тайнаго бѣшенства. Я завистливъ. Когда рассказываютъ какую-нибудь черту ихъ частной жизни, ихъ унижающую, я слушаю съ удовольствіемъ; это насъ сближаетъ; я легче выношу свою посредственность. Говорю себѣ:

Конечно, ты-бы никогда не описалъ Магомета, но за то не написалъ-бы похвалы Моупу *). Значить я злился и злюсь на свою посредственность. Да, да, я посредственень и золь на то. Ни разу не слушалъ я увертюры изъ *Indes galantes*, никогда не слушалъ *Profonds abîmes du Tenare; Nuit, éternelle nuit*, чтобы не сказать себѣ съ горечью: вотъ, чего ты никогда не сдѣлаешь. Значить, я завидывалъ своему дядѣ; а если послѣ его смерти, въ его портфель найдутся какія-нибудь хорошія пьесы для клавикордъ, то я ни минуты не задумался-бы превратиться въ него, оставаясь самимъ собою.

Я. — Ну, этимъ, право, не стоитъ огорчаться.

Онъ. — Ничего, огорченіе мое скоро проходитъ.

И онъ началъ пѣть увертюру изъ *Indes galantes* и арію изъ *Profonds abîmes*, и затѣмъ прибавилъ:

— Что то, что тамъ сидитъ, говоритъ мнѣ: Рамо, тебѣ-бы очень хотѣлось написать эти двѣ вещи; еслибы ты написалъ ихъ, то нашель-бы и много другихъ; когда-бы ихъ набралось извѣстное количество, ихъ-бы стали распѣвать и разыгрывать. Ты-бы ходилъ съ высоко поднятой головой, сознавалъ-бы самъ свое достоинство, на тебя указывали-бы пальцемъ, говоря: Это онъ сочинилъ хорошенькія гавоты (и въ это время пѣлъ гавоты). Потомъ, съ видомъ человѣка растроганнаго и плавающего въ радости, онъ прибавилъ, потирая руки: У тебя-бы былъ хорошій домъ (онъ руками измѣрялъ его величину), хорошая постель (небрежно развалился

*) Намекъ на Вольтера, который полагая, что уничтоженіе парламентовъ—общественный прогрессъ, по временамъ хвалилъ Моупу, добивавшагося осуществленія этой мѣры.

на ней), хорошія вина (пробовалъ ихъ причмокивая языкомъ), хорошій экипажъ (поднималъ ногу, чтобы войти въ него), хорошенькія женщины (бралъ себя за подбородокъ и сладострастно глядѣлъ на нихъ); сотни бездѣльниковъ ежедневно являлись-бы воспѣвать тебѣ хвалу (онъ, словно, видѣлъ ихъ вокругъ себя; видѣлъ Палиссо, Пуензине, Фрероновъ, отца и сына, Ла-Портъ; онъ ихъ выслушивалъ, принималъ надменный видъ, одобрялъ ихъ, онъ улыбался, презиралъ, выгонялъ, призывалъ снова, и затѣмъ продолжалъ): И такъ то, утромъ, тебѣ-бы сказали, что ты великій человѣкъ; въ исторіи Трехъ Вѣковъ, ты-бы прочелъ, что ты великій человѣкъ, а вечеромъ ты-бы убѣдился, что ты великій человѣкъ и великій человѣкъ Рамо заснулъ-бы при сладкомъ шопотѣ похвалъ, которыя-бы раздавались въ его ушахъ даже во снѣ; онъ былъ-бы совсѣмъ удовлетворенъ; грудь его стала-бы непринужденно и легко расширяться, подниматься, опускаться, — онъ-бы храпѣлъ какъ великій человѣкъ.

Говоря все это, онъ томно растянулся на скамейкѣ, закрылъ глаза, изображая воображаемый счастливый сонъ. Насладясь нѣсколько минутъ, этимъ счастливымъ отдыхомъ, онъ какъ-бы проснулся и началъ потягиваться, зѣвать, протирать глаза, все еще ища глазами своихъ безстыдныхъ льстецовъ.

Я.—Вы, значитъ, полагаете, что у счастливаго человѣка—хорошій сонъ?

Онъ.—Полагаю! Я, бѣднякъ когда доберусь вечеромъ до своего чердака, лягу въ постель, закутаюсь въ одѣяло, то грудь у меня сдавлена: дыханіе стѣснено, раздается слабая, едва слышная жалоба, между тѣмъ, какъ финансистъ храпитъ на всю квартиру и удивляетъ всю улицу. Но сегодня меня огорчаетъ совсѣмъ не то, что я храплю и сплю плохо, какъ нищій.

Я.—А это, однако, печально.

Онъ.—То, что со мною случилось—гораздо печальнѣе.

Я.—Что-же такое?

Онъ.—Вы всегда принимали нѣкоторое участіе во мнѣ, потому что я человѣкъ добродушный, котораго въ сущности вы презираете, но который васъ забавляетъ...

Я.—Это правда.

Онъ.—И я вамъ все расскажу.

Прежде чѣмъ начать, онъ глубоко вздохнулъ, закрылъ лицо обѣими руками, потомъ успокоился и сказалъ:

Вы знаете, что я невѣжда, дуракъ, безумецъ, дерзкій, лѣнтяй, то, что наши Бургиньонцы называютъ отпѣтый бродяга, плутъ, обжора.

Я.—Что за панегирикъ!

Онъ.—Совершенно вѣрный, ни одного слова нельзя вычеркнуть. Никто меня не знаетъ лучше меня самого, а я еще не все говорю.

Я.—Я нисколько не хочу васъ сердить и готовъ со всѣмъ согласиться.

Онъ.—И такъ, я жилъ съ людьми, полюбившими меня именно за то, что я необыкновенно рѣдко одаренъ всѣми этими качествами.

Я.—Странно: до сихъ поръ я полагалъ, что ихъ или скрываютъ отъ самихъ себя, или прощаютъ себѣ, но всегда презираютъ въ другихъ.

Онъ.—Скрывать отъ себя! Развѣ это возможно! Будьте увѣрены, что когда Палиссо остается одинъ и анализируетъ себя, то онъ говоритъ себѣ еще не то; будьте увѣрены, что наединѣ съ своимъ товарищемъ, они искренно другъ другу сознаются, что составляютъ пару самыхъ безстыдныхъ бездѣльниковъ. Презирать ихъ въ другихъ! Мои знакомые были справедливѣе и мой характеръ имъ чрезвычайно нравился; я катался какъ сыръ въ маслѣ; за мною ухаживали, не могли безъ сокрушенія и минуты прожить безъ меня; я былъ ихъ маленькимъ Рамо, ихъ миленькимъ, ихъ Рамо безумнымъ, дерзкимъ, невѣждой, лѣнтяемъ, обжорой, шуткомъ, животнымъ. Не было ни одного изъ этихъ эпитетовъ, который-бы не заслужилъ мнѣ улыбки, ласки, легкаго потрепыванья по плечу, по щекѣ, пинка ногой; за столомъ—хорошаго куска, который мнѣ бросали на тарелку; выходя изъ-за стола—свободы, ко-

торой я не придавалъ никакого значенія, такъ какъ и самъ лишенъ всякаго значенія. Изъ меня, со мною, при мнѣ дѣлали все, что хотѣли, и я не обижался. А сколько мелкихъ подарковъ сыпалось на меня! Дуракъ я, все это потерялъ! Я все потерялъ изъ-за того, что имѣлъ здравый смыслъ разъ въ жизни, единственный разъ въ жизни. О! если это еще разъ со мною случится!

Я.—Въ чемъ было дѣло?

Онъ.—Рамо! Рамо! Развѣ для этого тебя взяли? Что за нелѣпость, вдругъ ты вздумалъ показать немного вкуса, немного ума, немного разсудка. Рамо, другъ мой, это научить тебя оставаться такимъ, какимъ Господь Богъ тебя создалъ и какимъ тебя хотѣли видѣть твои покровители. Вслѣдствіе то этого тебя взяли за шиворотъ, довели до дверей и сказали: «Вонъ, негодяй, болѣе не показывайся. Ты вздумалъ разсуждать, умничать! Проваливай! Умничать и важничать мы и безъ тебя съумѣемъ!» Ты отправился, кусая ногти отъ бѣшенства; а слѣдовало-бы прежде откусить свой собственный языкъ. Изъ за одной неосторожности, вотъ ты и очутился на мостовой безъ копѣйки, не зная гдѣ преклонить голову. Тебя кормили, точно на убой, а теперь придется вернуться на хлѣбъ и на воду. Ты жилъ въ хорошей квартирѣ, а теперь хорошо, если тебѣ дадутъ чердакъ; у тебя была хорошая постель, а теперь тебя ждетъ солома между кучеромъ г. де-Субиза и другомъ Раббе; вмѣсто спокойнаго и пріятнаго сна надъ твоимъ ухомъ будетъ раздаваться съ одной стороны топотъ лошадей, а съ другой—гораздо болѣе несносное чтеніе стиховъ сухихъ, грубыхъ, варварскихъ. О несчастный, неосторожный, одержимый тысячью чертами!

Я.—Да развѣ нѣтъ возможности примириться? вашъ проступокъ развѣ такъ непростителенъ? На вашемъ мѣстѣ я бы къ нимъ снова отправился; вы имъ гораздо необходимое, чѣмъ полагаете.

Онъ.—О! я увѣренъ, разъ, что меня нѣтъ, чтобы смѣшить ихъ, они умираютъ со скуки.

Я.—Я-бы къ нимъ отправился. Я-бы не далъ имъ

времени привыкнуть къ моему отсутствію, пристраститься къ какому нибудь порядочному развлеченію, потому что, кто знаетъ, что можетъ случиться?

Онъ.—Я боюсь не этого; ничего подобнаго не случится.

Я. Какъ-бы ни были вы велики, но другой можетъ васъ замѣнить.

Онъ.—Съ трудомъ.

Я.—Согласенъ. Однако, я-бы пошелъ съ этимъ искаженнымъ лицомъ, этими блуждающими глазами, обнаженной грудью, взъерошенными волосами, съ дѣйствительно трагическимъ видомъ, который теперь у васъ; я-бы ей сказалъ тихимъ голосомъ, прерываемымъ рыданіями: «Простите, сударыня, простите! я недостойный, подлый. То была несчастная минута, вы сами знаете, что я не могу имѣть здраваго смысла и обѣщаю вамъ никогда его не имѣть».

Забавно то, что рѣчь мою онъ сопровождалъ пантомимой: распростерся на полу, припавъ къ нему лицомъ и точно ухватясь обѣими руками за туфлю, онъ плакалъ, рыдалъ, приговаривая: «Да, моя королева, да, я обѣщаю никогда, никогда не имѣть его...» Потомъ поднялся и прибавилъ совершенно серьезно.

Онъ.—Да, вы правы. Я вижу, что это самое лучшее. Она добра. Г. Вьельяръ говоритъ, что она такъ добра! Я тоже могу это подтвердить. Однако, идти унижаться передъ потаскушкой, вымаливать прощеніе у ногъ фиглярки, которую свистки партера не перестаютъ преслѣдовать! Рамо, сынъ Рамо, дижонскаго аптекаря, человѣка порядочнаго, не преклонявшагося ни передъ кѣмъ! Я—Рамо, который на виду у всѣхъ гуляетъ по Пале-Роялю выпрямившись и съ руками на воздухѣ съ тѣхъ поръ, какъ г. Кармонтель нарисовалъ его сгорбленнымъ и съ руками, спрятанными подъ полы сюртука *)! Я авторъ

*) Въ Луврѣ существуютъ два портрета Рамо, дяди, писанные этимъ художникомъ. Племянникъ дѣлаетъ видъ, что художникъ его изобразилъ и недоволенъ изображеніемъ.

пьесъ для клавикордъ, которыхъ никто не играетъ, но, быть можетъ, онѣ однѣ только и перейдутъ къ потомству; Я! я, наконецъ! И я пойду... Нѣтъ, это невозможно (приложивъ правую руку къ груди, онъ прибавилъ): я здѣсь чувствую что-то, что поднимается и говоритъ мнѣ: Рамо, ты этого не сдѣлаешь. Вѣроятно, съ самой природой человѣка связано какое-нибудь достоинство, которое ничѣмъ не можетъ быть заглушено. Оно проявляется ни съ того, ни съ сего, да, ни съ того, ни съ сего, потому что бываютъ дни, когда мнѣ ничего не стоитъ быть подлымъ сколько угодно; въ такіе дни я готовъ былъ за полushку поцѣловать... у маленькой Юсь.

Я.—Э! э! пріятель, она бѣла, красива, мягка, пухла и на подобное униженіе согласится, пожалуй, кто-нибудь и пощепетильнѣе васъ.

Онъ.—Поймите-же меня; вѣдь, можно цѣловать... въ простомъ смыслѣ и цѣловать въ фигуральномъ. Спросите у толстаго Бержье, цѣлующаго... г-жи де-Ла-Маркъ и въ томъ, и въ другомъ смыслѣ; но, право-же, какъ простой, такъ и фигуральный смыслъ мнѣ не нравятся.

Я.—Если предлагаемое мною средство вамъ не нравится, то имѣйте мужество оставаться нищимъ.

Онъ.—Тяжело быть нищимъ, когда есть столько богатыхъ дураковъ, на счетъ которыхъ можно жить. Потомъ, презрѣніе къ себѣ невыносимо.

Я.—Развѣ вамъ знакомо это чувство?

Онъ.—Знакомо! Да, сколько разъ я говорилъ себѣ: Какъ, Рамо, въ Парижѣ есть тысячь десять хорошихъ столовъ по пятнадцати и двадцати приборовъ каждый, а ни одинъ изъ нихъ не поставленъ для тебя! Много кошельковъ полныхъ золота, расточаемаго направо и налево и ни одной монеты не выпадаетъ на твою долю! Тысяча мелкихъ остряковъ безъ таланта и достоинствъ, тысяча несчастныхъ созданийъ безъ всякихъ прелестей; тысяча плоскихъ интригановъ хорошо одѣты, а ты ходишь голымъ! и ты будешь настолько глупъ? Развѣ ты не съумѣлъ-бы льстить, какъ всякій другой? Развѣ ты

не сѹмѣль-бы лгать, божиться, клятвопреступничать, обѣщать, исполнять или нарушать обѣщаніе, какъ всякій другой? Развѣ ты не сѹмѣль-бы становиться на четверинки, какъ другой? Развѣ не сѹмѣль-бы помогать шашнямъ барыни и носить любовныя записки барина? Не сѹмѣль-бы ты развѣ внушить дочери одного изъ нашихъ буржуа, что она дурно одѣвается, что прекрасныя серьги, немного румянъ, кружевъ или платье *à la polonoise*, были бы ей очень къ лицу? Что эти маленькія ножки созданы не для того, чтобы ходить пѣшкомъ? Что есть прекрасный господинъ, молодой и богатый, въ платьѣ съ золотыми галунами, въ прекрасномъ экипажѣ, съ шестью высокими лакеями, который мимоходомъ видѣлъ ее, нашелъ очаровательною и съ того самаго дня потерялъ аппетитъ и сонъ, отчего можетъ умереть.

— А что скажетъ папа?

— Пустяки, вашъ папа; сначала онъ, конечно, немного посердится.

— А мама, которая всегда такъ уговариваетъ меня быть честной и говорить, что на свѣтѣ нѣтъ ничего выше чести!

— Старыя бредни, ничего не значація.

— А мой духовникъ?

— Вы его болѣе не увидите, но если вамъ непременно захочется пойти и рассказать ему о своихъ забавахъ, то это вамъ обойдется въ нѣсколько фунтовъ сахару и кофе.

— Это человѣкъ строгій, уже разъ отказавшій мнѣ въ отпущеніи за романсъ: Приди въ мою келью.

— Оттого, что вамъ нечего ему дать; но когда вы явитесь въ кружевахъ...

— У меня, значить, будутъ кружева?

— Конечно, и всевозможныхъ сортовъ... въ прекрасныхъ брилліантовыхъ серьгахъ...

— У меня, значить, будутъ прекрасныя брилліантовыя серьги?

— Да.

— Какъ у той маркизы, которая иногда прїѣзжаетъ покупать перчатки въ нашъ магазинъ?

— Точно такія... въ прекрасномъ экипажѣ, на сѣрыхъ съ яблоками лошадяхъ, съ двумя высокими лакеями, маленькимъ негромъ и съ скороходомъ впереди; румяна, мушки, длинный шлейфъ.

— Я поѣду на балъ?

— На балъ, въ оперу, въ комедію... (Сердце ея уже трепещетъ отъ радости. Ты вертишь бумажку въ рукахъ).

— Что это такое?

— Ничего.

— Мнѣ кажется, что это...

— Это записка.

— Кому?

— Вамъ, если-бы вы были немного любопытны.

— Любопытна? да, я очень любопытна, накажите.. (Читаетъ) Свиданіе! это невозможно.

— По дорогѣ къ обѣднѣ.

— Мамаша всегда ходитъ со мною; но, если-бы онъ пришелъ сюда пораньше, я встаю первая и сажу за конторкою, пока они встаютъ...

Онъ приходитъ, нравится; въ одинъ прекрасный день, въ сумерки, дѣвочка исчезаетъ, а мнѣ отсчитываютъ двѣ тысячи экю... Какъ! у тебя подобный талантъ, а ты нуждаешься въ хлѣбѣ! Не стыдно-ли тебѣ, несчастный?... Я припоминалъ себѣ множество негодяевъ, не стоящихъ моего мизинца, которые плаваютъ въ роскоши. На мнѣ сюртукъ барканный, они въ бархатѣ; у нихъ въ рукахъ трость съ золотымъ набалдашникомъ и вороньимъ клювомъ, и Аристотель или Платонъ на пальцѣ. А чѣмъ они были? ничтожными музыкантишками, а теперь въ своемъ родѣ вельможи. Тогда я чувствовалъ въ себѣ мужество, возвышенную душу, умъ тонкій, способный на все; но такія счастливыя минуты длились, очевидно, не долго, ибо, до сихъ поръ, я ни до чего не дошелъ. Какъ-бы тамъ ни было, но вотъ въ чемъ заключаются мои частые разговоры съ самимъ собою, которые вы мо-

жете измѣнить какъ угодно, но только прошу вывести заключеніе, что мнѣ знакомо презрѣніе къ самому себѣ. или то угрызеніе совѣсти за бесполезность дарованій, которыми небо надѣлило насъ; это самое ужасное изъ всѣхъ страданій. Пожалуй, было-бы лучше, чтобы чело-вѣкъ совѣмъ не рождался.

Я слушалъ его и, по мѣрѣ того, какъ онъ воспроизво-дилъ сцену соблазна молодой дѣвушки, волнуемой двумя совѣмъ противоположными чувствами, я не зналъ, разра-зиться-ли мнѣ хохотомъ или дать волю своему негодова-нію. Я страдалъ; разъ двадцать взрывъ хохота останав-ливалъ взрывъ негодованія; разъ двадцать гнѣвъ, подни-мавшійся со дна души моей, оканчивался взрывомъ хо-хота. Я былъ пораженъ подобною пронизательностью и подобною низостью, мыслями, столь справедливыми и вмѣстѣ столь ложными, такую полною испорченностью всѣхъ чувствъ, такую полною гнусностью и такою не-обыкновенною искренностью. Онъ замѣтилъ борьбу, проис-ходящую во мнѣ. Что съ вами? спросилъ онъ.

Я.—Ничего.

Онъ.—Вы точно взволнованы!

Я.—Я, дѣйствительно, взволнованъ.

Онъ.—Но, однако, что-же вы мнѣ посоветуете?

Я.—Переизменить разговоръ. О! несчастный! Какъ вы низко упали.

Онъ.—Согласенъ: однако, вы не очень огорчайтесь моимъ положеніемъ; откровенничая съ вами, я вовсе не намѣренъ былъ васъ огорчать. Я кое-что скопилъ себѣ у своихъ знакомыхъ; подумайте-ка, я ни въ чемъ не нуждался, рѣшительно ни въ чемъ, и мнѣ по временамъ еще давали на мелкіе расходы.

Онъ началъ кулакомъ стучать себя по лбу, закатыва-вать кверху блуждающіе глаза, прибавляя: Но это дѣло сдѣлано. Я кое-что отложилъ; нѣкоторое время прошло, а съ нимъ столько-же накопилось.

Я.—Вы хотите сказать потерялось?

Онъ.—Нѣтъ, нѣтъ, накопилось. Вы съ каждой мину-той дѣлаетесь богаче: однимъ днемъ жить менѣе—значитъ

однимъ экою въ карманѣ болѣе; самое главное — мочь свободно идти въ...., *ostercus pretiosum*! Вотъ великій результатъ жизни во всѣхъ положеніяхъ. Въ послѣднюю минуту всѣ дѣлаются одинаково богаты и Самуиль Бернаръ, который, благодаря воровству, грабежамъ, банкротствамъ, оставилъ двадцать семь милліоновъ золотомъ, и Рамо, который не оставилъ ничего, а изъ состраданія получить саванъ, въ который его завернуть. Мертвый не слышитъ колокольнаго звона. Совершенно напрасно сто священниковъ дерутъ изъ за него горло и впереди и назади несутъ зажженные факелы, душа его не идетъ рядомъ съ церемоніймейстеромъ. Не все-ли равно гнить-ли подъ мраморомъ, или подъ простой землей? Что въ томъ, идутъ-ли за гробомъ Дѣти красныя, Дѣти голубыя, или никто не идетъ! И затѣмъ, вы видите эту руку, она была неподвижна, какъ чортъ; пальцы какъ палки, вставленные въ деревянное пястье, а сухожилія — какъ старыя кишечныя струны, болѣе сухія и неподвижныя чѣмъ тѣ, которыя употребляются для токарныхъ колесъ; но я ихъ такъ мучилъ, такъ ломалъ, такъ сгибалъ! Ты не хочешь сгибаться? чортъ поberi! я тебѣ говорю, что будешь и согнешься ..

Говоря это, онъ схватилъ правой рукой кисть и пальцы лѣвой и началъ ихъ выворачивать взадъ и впередъ, такъ, что они захрустѣли, и я боялся, чтобы онъ не переломалъ себѣ костей.

Я. — Берегитесь, сказалъ я ему, вы себя изуродуете.

Онъ. — Не беспокойтесь, они къ этому привыкли; въ послѣднія лѣтъ десять имъ еще не такъ доставалось; но, несмотря ни на что, имъ пришлось привыкнуть и научиться ходить по клавишамъ, порхать по струнамъ, и теперь дѣло пошло на ладъ, какъ слѣдуетъ...

И вотъ, онъ всталъ въ позу человѣка, играющаго на скрипкѣ, напѣвая *allegro* Локателли; его правая рука точно двигаетъ смычкомъ, а лѣвая скользитъ вдоль по шейкѣ; при фальшивой нотѣ останавливается, поправляетъ струну, пробуетъ ее погтемъ и начинается съ того мѣста, на которомъ онъ остановился. Выбиваетъ тактъ

ногой, закидываетъ голову, выворачиваетъ руки, ноги, все тѣло, какъ это вамъ случается видѣть на духовныхъ концертахъ Феррари, Чиабро, или другаго какого-либо музыканта: ихъ судорожныя движенія производятъ на меня всегда почти то-же мучительное впечатлѣнiе и доставляютъ почти то-же страданiе; ну, не тяжело-ли видѣть терзанiя того, кто старается доставить мнѣ удовольствiе? Спустите занавѣсъ между имъ и мною, если ему непременно нужно показать мнѣ преступника на пыткѣ. Но когда между этими выворачиванiями и криками по-падалось мѣсто тихое, гармоничное, когда смычекъ ходилъ медленнѣе и касался нѣсколькихъ струнъ за разъ, лицо его принимало восторженное движенiе, голосъ смягчался, онъ слушалъ себя съ восторгомъ; онъ былъ увѣренъ, что аккорды дѣйствительно раздавались въ его ушахъ и въ моихъ; затѣмъ, положивъ инструментъ подъ лѣвую руку, которою онъ держалъ его, и опустивъ правую со смычкомъ, онъ сказалъ: Что-же, какъ вы объ этомъ думаете?

Я.—Превосходно.

Онъ.—Ничего, идетъ, кажется, не хуже чѣмъ у другихъ...

И тотчасъ-же усѣлся, какъ-бы играя на клавикордахъ.

Я.—Прошу васъ пожалѣть и себя и меня.

Онъ.—Нѣтъ, нѣтъ, разъ, что я васъ поймалъ, вы меня услышите. Я вовсе не желаю даровыхъ похвалъ. Вы съ большею увѣренностью будете хвалить меня, что доставить мнѣ нѣсколькихъ учениковъ.

Я.—У меня такъ мало знакомыхъ, что вы совсѣмъ напрасно утомите себя.

Онъ.—Я никогда не утомляюсь.

Видя, что сожалѣть его совершенно бесполезно, хотя соната на скрипкѣ и ударила его въ потъ, я рѣшился оставить его въ покоѣ. Вотъ онъ усѣлся за клавикорды, согнувъ ноги, закинувъ вверхъ голову, словно читая на немъ партитуру и, напѣвая, началъ играть пьесу Альберти или Галуппи, не знаю, котораго изъ двухъ. Голосъ его гулко раздавался, а пальцы летали по клавишамъ, перебѣгая отъ дисканта къ басу и наоборотъ. Страсти

смѣнялись на лицѣ его; появлялись то нѣжность, то гнѣвъ, то удовольствіе, то горе; можно было отличить гдѣ piano, гдѣ forte и я увѣренъ, что другой, знающій болѣе меня, узналъ бы пьесу, которую онъ игралъ, по движенію, характеру, по его мимикѣ и нѣсколькимъ, вырывающимся у него напѣвомъ. Страннѣ всего то, что отъ времени до времени онъ точно сбивался, возвращался назадъ, словно фальшивилъ, и отчаявался, что пьеса ускользнетъ изъ его пальцевъ.

Вы видите, наконецъ, сказалъ онъ вставая и вытирая потъ, катившійся вдоль его щекъ, что мы тоже умѣемъ употреблять терціи и квинты, и что сцѣпленіе доминантовъ намъ хорошо знакомо. Эти энгармоническіе пассажи, о которыхъ столько кричалъ любезный дядюшка, — не Богъ знаетъ что—и мы съ ними управимся.

Я.—Вы слишкомъ постарались доказать мнѣ, что вы очень искусны; я готовъ былъ вамъ повѣрить на слово.

Онъ.—Очень искусенъ, вовсе нѣтъ! что касается до моего ремесла, то я его почти знаю и, пожалуй, болѣе, чѣмъ слѣдуетъ; развѣ у насъ всякій обязанъ знать все, чему учать?

Я.—Не болѣе, чѣмъ знать то, чему учиться.

Онъ.—Это вѣрно, чортъ побери, совершенно вѣрно! Ну, господинъ философъ, сознайтесь, положи руку на сердце: было время, когда вы не были такъ зажиточны, какъ теперь.

Я.—Я и теперь еще не очень зажиточенъ.

Онъ.—Да, но вы не пойдете въ Люксамбургъ лѣтомъ... Вы помните?...

Я.—Оставимъ это; да, помню.

Онъ.—Въ сѣромъ плисовомъ сюртукѣ.

Я.—Да, да.

Онъ.—Съ прорѣхой на боку, съ оборванной манжеткой и въ черныхъ шерстяныхъ чулкахъ, зашитыхъ сзади бѣлою ниткою.

Я.—Такъ, такъ, какъ вамъ только будетъ угодно.

Онъ.—Что вы тогда дѣлали въ аллеѣ вздоховъ?

Я.—Игралъ довольно печальную роль.

Онъ — По выходѣ оттуда, бродили по улицамъ.

Я. — Согласенъ.

Онъ. — Вы давали уроки математики?

Я. — Самъ ничего въ ней не смысля: вы къ этому хотѣли придти?

Онъ. — Дѣйствительно.

Я. — Я учился, уча другихъ, и мнѣ удалось сформировать нѣсколькихъ хорошихъ учениковъ.

Онъ. — Весьма возможно; но музыка не геометрія и не алгебра. Теперь, когда вы стали важнымъ бариномъ...

Я. — Не очень то важнымъ.

Онъ. — Когда вы понабили себѣ карманы...

Я. — Очень мало.

Онъ. — Вы берете учителей для своей дочери.

Я. — Нѣтъ еще; мать занимается ея воспитаніемъ; надо-же имѣть миръ въ домѣ.

Онъ. — Миръ въ домѣ! Чортъ поberi! его можно имѣть только, когда вы или слуга, или господинъ, а надо быть господиномъ... У меня была жена... Да сохранить Господь ея душу: но когда ей случалось огрызаться, я начиналъ харахориться, пускать громы и молніи и восклицалъ, какъ Богъ Саваоѣ: «Да будетъ свѣтъ», и свѣтъ являлся. Такъ что, въ четыре года мы и десяти разъ не возвышали голоса. Который годъ вашей дочери?

Я. — Это никого не касается.

Онъ. — Который годъ вашей дочери?

Я. — Да, полно вамъ. Оставьте вы мою дѣвочку и ея года и вернемся къ учителямъ, которые у нее будутъ.

Онъ. — Чортъ поberi! Я не знаю никого упрямѣе философа. Униженно умоляю, нельзя-ли узнать отъ его сіятельства господина философа, который годъ его дочери?

Я. — Предположимъ, лѣтъ восемь.

Онъ. — Восемь лѣтъ! Да уже года четыре ей-бы слѣдовало имѣть пальцы на клавишахъ.

Я. — Но, быть можетъ, я мало заботился ввести въ планъ ея воспитанія предметъ, которымъ надо заниматься такъ долго и который такъ мало пригоденъ.

Онъ.—Чему-же вы ее будете учить, позвольте спросить?

Я.—Научу правильно мыслить, если съумѣю, — вещь, очень мало распространенную между мужчинами и еще менѣе между женщинами.

Онъ.—О! пусть она мыслить, какъ ей угодно, только бы она была хороша, забавна, кокетлива.

Я.—Такъ какъ природа была настолько неблагосклонна къ ней, что одарила ее нѣжнымъ сложеніемъ и чувствительной душой и обрекла ее на тѣ-же житейскія невзгоды, что и натуры со сложеніемъ сильнымъ, а сердцемъ бронзовымъ, то, если удастся, я научу ее мужественно переносить ихъ.

Онъ.—О! пусть она плачетъ, страдаетъ, гримасничаетъ, нервничаетъ, какъ другія, только-бы была хороша, забавна, кокетлива. Какъ! и танцы отвергаете?

Я.—Допускаю ихъ только настолько, чтобы умѣть сдѣлать реверансъ, имѣть приличныя манеры, умѣть ходить.

Онъ.—Не будетъ и пѣнія?

Я.—Только настолько, чтобы научиться хорошо произносить.

Онъ.—Не будетъ и музыки?

Я.—Еслибы нашелся хорошій учитель гармоніи, я-бы съ удовольствіемъ довѣрилъ ему заниматься ею часа два въ день, впродолженіе года или двухъ, не болѣе.

Онъ.—А вмѣсто существенныхъ вещей, вами уничтожаемыхъ?..

Я.—Введу грамматику, басни, исторію, географію, немного рисованія, много морали.

Онъ.—Какъ-бы мнѣ было легко доказать вамъ бесполезность всѣхъ этихъ знаній для такого общества, какъ наше; что я говорю бесполезность, быть можетъ, опасность! Но теперь я ограничусь однимъ вопросомъ: не понадобятся ли ей одинъ или два учителя?

Я.—Конечно.

Онъ.—Вотъ, мы и добрались. А вы полагаете, что эти учителя будутъ знать грамматику, басни, исторію,

географію, нравственную философію, которымъ имъ придется учить! Пустяки, мой дорогой философъ, пустяки. Еслибы они настолько владѣли этими предметами, чтобы учить другихъ, они никогда-бы не стали учить.

Я.—Отчего?

Онъ.—Оттого, что они всю жизнь положили-бы на ихъ изученіе. Надо очень глубоко знать науку или искусство, чтобы хорошо владѣть ихъ элементами. Классическія вещи могутъ быть хорошо написаны только тѣми, кто посѣдѣлъ подъ ярмомъ; середина и конецъ только разгоняютъ потемки начала. Спросите у вашего друга, г. д'Аламбера, корифея математической науки, не будетъ-ли онъ такъ добръ составить ея элементы. Мой-же дядюшка прозрѣлъ первые лучи теоріи музыки только послѣ тридцати или сорока лѣтъ постоянныхъ упражненій.

Я.—О! безумный, архибезумный!—вскричалъ я,—какимъ это образомъ въ твоей дурной головѣ могутъ помѣшаться столь вѣрныя мысли вмѣстѣ съ самыми невозможными?

Онъ.—А чортъ знаетъ какъ! Случай забрасываетъ ихъ и онѣ остаются. Дѣло въ томъ, что кто не знаетъ всего, не знаетъ ничего, какъ слѣдуетъ; не знаетъ, куда идти одна вещь, откуда происходитъ другая, куда та или другая желаютъ быть поставленными; которая должна проходить первой, гдѣ будетъ лучше вторая. Можно-ли хорошо учить безъ методы? а метода откуда является? Послушайте, мой милый философъ, я убѣжденъ, что физика всегда будетъ несчастной наукой, каплей воды, почерпнутой кончикомъ иголки изъ океана, песчинкой, оторванной отъ цѣпи Альповъ. А причины явленій? Право, лучше ничего не знать, чѣмъ знать такъ мало и такъ дурно; вотъ, именно, что и было со мною, когда я сдѣлался учителемъ музыки. О чемъ вы задумались?

Я.—Я думаю о томъ, что все, что вы говорили, болѣе специально, чѣмъ основательно: но оставимъ это; вы говорите, что учили музыкѣ и композиціи?

Онъ.—Да.

Я.—А сами ничего не знали?

Онъ.—Ровно ничего; потому-то я и говорю, что были и похуже меня, т. е. тѣ, которые воображали, что знаютъ что-то. По крайней мѣрѣ, я не портилъ ни суждений дѣтей, ни ихъ рукъ. Переходя отъ меня къ хорошему учителю, имъ нечему было разучиваться, такъ какъ они ничему не научились; отчего сберегалось какъ время, такъ и деньги.

Я.—Какъ-же вы поступали?

Онъ.—Какъ и всѣ. Я приходилъ, бросался на свой стулъ. Какая дурная погода! какая несносная мостовая! Болталъ разныя новости: «Г-жа Леміеръ должна была играть роль Весталки въ новой оперѣ; но она во второй разъ беременна; неизвѣстно кто ее замѣнитъ. Г-жа Арну бросила своего графчика; говорятъ, что она ведетъ переговоры съ Бертеномъ. Графчикъ, однако, нашелъ фарфоръ г. де-Монтами. Въ послѣднемъ концертѣ любителей участвовала одна итальянка, которая пѣла какъ ангелъ. Что за прелесть этотъ Превилль! надо его видѣть въ *Mercurie galant*; мѣсто съ загадкой не оцѣнимо. Эта бѣдняжка Дюмениль не знаетъ ни что она говоритъ, ни что дѣлаетъ... Начнемте-же, сударыня, возьмите вашу книгу».

Между тѣмъ какъ барышня, не желающая торопиться, ищетъ затерянную ею книгу, какъ зовутъ горничную и распекаютъ ее, я продолжаю: «Клэрониша, право, необъяснима. Говорятъ о сватбѣ самой нелѣпой, о сватбѣ г-жи... Какъ вы ее называете? маленькое созданье, которую содержитъ г... и наградилъ ее двумя или тремя дѣтьми; помните, она была еще на содержаніи у многихъ другихъ».

— Полноте, Рамо, вы говорите чепуху, это невозможно.

— Совсѣмъ не чепуху; говорятъ даже, что дѣло уже сдѣлано..., Ходитъ слухъ, что Вольтеръ умеръ; тѣмъ лучше.

— Отчего, тѣмъ лучше?

Г. Б. Ч. Т.

— Оттого, что онъ навѣрно выкинетъ намъ какую нибудь хорошую штуку; это въ его привычкѣ умереть за двѣ недѣли...

Что вамъ еще сказать? Рассказывалъ еще нѣсколько грязныхъ вздоровъ, переносимыхъ мною изъ другихъ домовъ, вѣдь мы всѣ большіе сплетники. Дурачился, меня слушали, смѣялись, восклицали: «Онъ всегда прелестень!» Между тѣмъ, книга барышни отыскивалась подъ кресломъ куда она были стащена, изгрызана, разорвана щенкомъ или котенкомъ. Она усаживалась за клавикорды; сначала брэнчала одна, потомъ подходилъ я, сдѣлавъ одобрителный знакъ ея матери.

Мать.—«Дѣло идетъ не дурно; стоило-бы только захотѣть; но мы не хотимъ; предпочитаемъ тратить время на болтовню, тряпье, бѣготню, ужъ не знаю на что. Стоитъ вамъ только уйти, какъ ноты уже закрыты и не открываются до вашего возвращенія, оттого, что вы ее никогда не браните».

Однако, такъ какъ надо-же было что-нибудь дѣлать, я, поправляя руки, хорохорился, крича: соль, соль, соль, сударыня, это соль.

Мать.—«Развѣ у васъ нѣтъ слуха, дочь моя? Я не сижу за клавикордами и не вижу вашихъ нотъ, а чувствую, что надо взять соль. Ты доставляешь столько труда твоему учителю; я не понимаю его терпѣнья, ты не запомнишь ничего, что онъ тебѣ говоритъ, ты не дѣлаешь успѣховъ»...

Тогда я нѣсколько смягчался и качая головой говорилъ: Извините, сударыня, извините, дѣло могло-бы идти лучше, еслибы барышня было угодно, еслибы она немного занималась, но и такъ оно идетъ недурно».

Мать.—На вашемъ мѣстѣ, я бы цѣлый годъ продержала ее на одной пьесѣ.

— О! что касается до этого, то барышня не отдѣляется отъ нея пока не справится со всѣми трудностями, на что потребуется совсѣмъ не такъ много времени, какъ вы полагаете.

— Господинъ Рамо, вы ей льстите. Вы слишкомъ

добры. Вотъ что она хорошо запомнить изъ всего урока и съумѣетъ повторить мнѣ при случаѣ»...

Часъ проходилъ, ученица подавала мнѣ мой конвертикъ съ граціей и реверансомъ, которымъ научилась у учителя танцевъ: я клалъ его въ карманъ, а мать говорила: «Отлично, дочь моя, еслибы Фавиллы былъ здѣсь, онъ-бы поаплодировалъ вамъ»... Я болталъ еще съ минутой, изъ приличія; затѣмъ исчезалъ и вотъ что называлось урокомъ музыки.

Я.—А теперь, развѣ иначе?

Онъ.—Еще-бы! Являюсь, лицо у меня серьезно; торопливо сбрасываю маншонъ, открываю клавикорды, пробою клавиши. Я вѣчно тороплюсь; если меня заставляютъ ждать хоть одну минуту, я кричу точно у меня украли экую; черезъ часъ я долженъ быть тамъ-то, черезъ два у герцогини такой-то; прелестная маркиза ждетъ меня обѣдать, а отъ нея, отправляюсь на концертъ къ барону Б***, въ улицу Neuve des Petits Champs.

Я.—А между тѣмъ васъ никуда не ждутъ?

Онъ.—Разумѣется.

Я.—Къ чему-же всѣ эти неблагоприятныя хитрости?

Онъ.—Неблаговидныя? отчего-же, позвольте узнать? Онѣ употребительны въ нашемъ ремеслѣ и я вовсе не унижаюсь, поступая, какъ другіе. Не я ихъ выдумалъ и было-бы странно и глупо, еслибы не сообразовался съ ними. Дѣйствительно, я знаю, что если вы припутааете къ этому нѣкоторые общіе принципы нравственности, которые у всѣхъ на языкѣ и которыхъ никто не примѣняетъ на практикѣ, то бѣлое покажется чернымъ, а черное бѣлымъ. Но, господинъ философъ, существуетъ общая для всѣхъ совѣсть, какъ и общая для всѣхъ грамматика, а затѣмъ, въ каждомъ языкѣ есть исключенія, которыя, вы ученые, называете, кажется... да помогите-же мнѣ...

Я.—Идіотизмами.

Онъ.—Совершенно вѣрно. И такъ, каждое ремесло имѣетъ свои исключенія изъ общей совѣсти, которыя я охотно назову идіотизмами ремесла.

Я.—Понимаю. Фонтенелль хорошо говоритъ, хорошо

пишетъ, хотя его слоги кишить французскими идиотизмами.

Онъ.—Король, министр, финансистъ, судья, военный, писатель, адвокатъ, прокуроръ, коммерсантъ, банкиръ, ремесленникъ, учитель пѣнія, учитель танцевъ, все люди очень честные, хотя ихъ поведение часто уклоняется отъ правилъ общей нравственности и полно нравственныхъ идиотизмовъ. Чѣмъ древнѣе какое-нибудь учреждение, тѣмъ болѣе въ немъ идиотизмовъ; чѣмъ времена несчастнѣе, тѣмъ идиотизмы многочисленнѣе. Каковъ человѣкъ, таково и ремесло, и наоборотъ, каково ремесло, таковъ и человѣкъ. Можно, значить, заставить уважать ремесло сколько угодно.

Я.—Изъ всей этой путаницы я понимаю только одно, что мало ремеселъ, которые-бы честно выполнялись или мало такихъ людей, которые-бы были честны въ своемъ ремеслѣ.

Онъ.—Вотъ тебѣ на! ихъ совсѣмъ нѣтъ; но съ другой стороны, мало мошенниковъ, которые-бы вѣчно не торчали въ своихъ лавкахъ: все-бы шло хорошо, не будь людей, которыхъ называютъ усидчивыми, аккуратными, строго исполняющими свои обязанности, точными или что сводится на тоже, всегда сидящихъ въ своихъ лавкахъ и дѣлающихъ свое дѣло съ утра до вечера и дѣлающихъ только его. За то они одни только богатѣютъ и пользуются уваженіемъ.

Я.—Все благодаря идиотизмамъ?

Онъ.—Такъ точно; вижу, что вы меня поняли. Но идиотизмъ, общій всѣмъ ремесламъ, ибо существуютъ идиотизмы общіе всѣмъ странамъ, временамъ, какъ есть общія глупости, — идиотизмъ общій стремится захватить себѣ самую большую практику: общая глупость думать, что тотъ всего ловче, кто захватилъ себѣ всего больше. Вотъ два исключенія изъ общей нравственности, съ которыми надо сообразиться. Это своего рода кредитъ и само по себѣ ничего не стоитъ, но имѣетъ значеніе въ общемъ мнѣніи. Говорятъ, что хорошая репутація стоитъ дороже золотого пояса; однако, имѣющій хорошую

репутацію не имѣетъ золотого пояса, а я теперь вижу, что имѣющій золотой поясъ не лишень и репутаціи. Надо, по возможности, стараться заполучить и славу, и поясъ, и вотъ моя цѣль, когда я заставляю цѣнить себя тѣми уловками, которыя вы называете низкими, недостойными, мелкими хитростями.

Я.—А хорошо вы даете уроки?

Онъ.—Да, недурно. Основной басъ дорогаго дядюшки значительно упростилъ все это. Прежде я вороваль деньги своихъ учениковъ; да, вороваль; теперь я ихъ зарабатываю, по крайней мѣрѣ, не хуже другихъ.

Я.—И вы воровали безъ угрызеній?

Онъ.—Безъ угрызеній! Говорять, что когда одинъ воръ воруетъ у другаго, то дьяволъ хохочетъ. Ихъ родители лопались отъ богатствъ, Богъ знаетъ какъ нажитыхъ: это все были придворные, финансисты, богатые коммерсанты, банкиры, дѣловые люди; я, съ кучей другихъ, такихъ-же какъ я, помогаль имъ только возвратить часть награбленнаго. Въ природѣ, всѣ твари пожирають другъ друга; въ обществѣ пожирають другъ друга всѣ сословія. Мы наказываемъ другъ друга безъ виѣшательства закона. Прежде Дешанъ, теперь Гимаръ мстятъ финансисту за принца, а модистка, бриллианщикъ, обойщикъ, масленникъ, горничная, швея, поваръ, шорникъ мстятъ финансисту за Дешана. Только дураки и лѣнтяи позволяютъ обижать себя, сами никого не обижая, и это отлично. Изъ этого вы видите, что эти исключенія изъ общей нравственности, или нравственные идиотизмы, о которыхъ столько кричатъ подъ владычествомъ взятокъ—сами по себѣ ничто и, что, уже если на то пошло, надо только умѣть вѣрно попадать въ цѣль, имѣть вѣрный глазомѣръ.

Я.—Я восхищаюсь вашимъ.

Онъ.—И при томъ нищета: голосъ совѣсти и чести весьма слабъ, когда кричатъ внутренности. Достаточно и того, что, если я когда-либо разбогачю, то долженъ буду отдавать назадъ, и что я твердо рѣшился на это всѣми возможными способами,—хорошимъ столомъ, игрой, виномъ, женщинами.

Я.—Но я боюсь, что вы никогда не разбогатеете.

Онъ.—И мнѣ это кажется.

Я.—Но, если-бы вышло иначе, что-бы вы стали дѣлать?

Онъ.—Я-бы сталъ поступать какъ всѣ разбогатѣвшіе нишіе; я-бы сдѣлался самымъ дерзкимъ негодяемъ, когда-либо существовавшимъ на землѣ. Тогда то бы я припомнилъ все, что выстрадалъ отъ нихъ и съ лихвою возвратилъ-бы имъ всѣ ихъ гадости. Я люблю повелѣвать и и буду повелѣвать. Люблю, чтобы меня хвалили и меня будутъ хвалить. Я буду имѣть на жалованьи цѣлую толпу льстецовъ, шутовъ, паразитовъ и буду говорить имъ, какъ говорили мнѣ: «Ну-ка, негодяй, извольте-ка забавлять меня», и меня будутъ забавлять. «Разберите-ка мнѣ по косточкамъ честныхъ людей», и ихъ станутъ разбирать, если таковые найдутся. И потомъ добудемъ дѣвочекъ; будемъ говорить всѣмъ ты, когда напьемся; будемъ пить, сочинять сказки, у насъ будутъ всевозможные пороки и странности, и это будетъ казаться восхитительно. Мы докажемъ, что у Вольтера нѣтъ геніа, что вѣчно высокопарный Бюффонъ, только напыщенный декламаторъ; что Монтескье не болѣе какъ острякъ, д'Аламбера мы-бы ограничили одной математикой. Отлично-бы мы отхлестали всѣхъ этихъ маленькихъ Катоновъ, въ родѣ васъ, презирающихъ насъ изъ зависти, подъ скромностью которыхъ скрывается гордость, а подъ умѣренностью— нужда. А музыка? тогда-то мы-бы себя показали.

Я.—Видя, съ какимъ достоинствомъ вы употребили-бы ваше богатство, я начинаю сильно сожалѣть о вашей нищетѣ. Вы-бы стали вести жизнь весьма почетную для человѣческаго рода, весьма полезную для вашихъ согражданъ, весьма славную для васъ самихъ.

Онъ.—Да, вы, кажется, смѣтаетесь надо мной. Вы сами не знаете надъ кѣмъ насмѣхаетесь, господинъ философъ; вы и не подозреваете, что въ эту минуту я олицетворяю самую важную часть города и двора. Наши богачи всевозможныхъ положеній могли говорить или не говорить другъ другу всего того, что вы отъ меня слышали; но дѣло въ томъ, что жизнь, которую-бы я сталъ вести,

есть снимокъ съ ихъ жизни. Вотъ, вы до чего всѣ дошли, вы воображаете, что одно и тоже счастье возможно для всѣхъ. Что за странная иллюзія! Вы его видите въ нѣсколько романтическомъ направленіи ума, котораго мы лишены, въ необыкновенной душѣ, особенномъ вкусѣ. Вы награждаете эту странность именемъ добродѣтели, называете ее философіей; но, развѣ добродѣтель, философія существуютъ для всѣхъ? Имѣть и придерживаться ее кто можетъ. Вообразите вселенную мудрой и философской; согласитесь, что она была-бы чертовски скучна. Послушайте! да здравствуетъ философія, да здравствуетъ мудрость Соломона! пить хорошія вина, насыщаться изысканными кушаньями, быть окруженнымъ хорошенькими женщинами, покоиться на мягкихъ постеляхъ! внѣ этого— все суета суеть.

Я.—Какъ! защищать свою родину?...

Онъ.—Одна суета. Родины нѣтъ. Отъ одного полюса до другаго я вижу только тирановъ и рабовъ.

Я.—Быть полезнымъ своимъ друзьямъ?...

Онъ.—Суета! Будто есть друзья? А если-бы и были, то слѣдуетъ развѣ разводить неблагодарныхъ? Вглянитесь хорошенько и увидите, что, почти всегда, только это и получается за оказанныя услуги. Благодарность есть бремя, а всякое бремя только для того и создано, чтобы быть свергнутымъ.

Я.—Занимать извѣстную должность въ обществѣ и и исполнять связанные съ нею обязанности?..

Онъ.—Суета! Очень важно, есть должность или нѣтъ, только-бы было богатство, потому что и должности-то добиваются только для того. Исполнять свои обязанности, къ чему это ведетъ? къ зависти, безпокойствамъ, гоненіямъ. Развѣ такъ выходятъ въ люди? Нѣтъ, чортъ побери! надо кланяться, ухаживать; шлаться къ знати, изучать ея вкусы, подлаживаться подъ прихоти, содѣйствовать ея порокамъ, одобрять несправедливости, вотъ, въ чемъ весь секретъ.

Я.—Заниматься воспитаніемъ своихъ дѣтей?

Онъ.—Суета! Это дѣло воспитателя.

Я.—Но если воспитатель, пропитанный вашими идеями, будет пренебрегать своими обязанностями, то онъ же будетъ наказанъ?

Онъ.—Ужъ, конечно, не я, но, быть можетъ, со временемъ, мужъ моей дочери, или жена моего сына.

Я.—Но если и тотъ, и другой предадутся разврату и порокамъ?

Онъ.—Это присуще ихъ положенію.

Я.—Если они опозорятся?

Онъ.—Что-бы ни дѣлали, но при богатствѣ нельзя опозориться.

Я.—Если они раззорятся?

Онъ.—Тѣмъ хуже для нихъ.

Я.—Вижу, что если вы отказываетесь наблюдать за поведеніемъ вашей жены, вашихъ дѣтей, вашихъ слугъ, то вамъ легко относиться небрежно къ своему долгу.

Онъ.—Извините меня, иногда бываетъ очень трудно доставать деньги и благоразуміе требуетъ приниматься за это заблаговременно.

Я.—Стало быть, вы-бы стали мало заботиться о вашей женѣ?

Онъ.—Совсѣмъ не стану, если позволите. Я полагаю, что самый лучший способъ дѣйствія относительно своей дражайшей половины—это потакать ей прихотямъ. Какъ вы полагаете, не было-ли-бы общество чрезвычайно забавно, еслибы всякій поступалъ, какъ хочетъ?

Я.—Отчего нѣтъ? вечеръ никогда не бываетъ для меня такъ пріятенъ, какъ тогда, когда я остаюсь доволенъ своимъ утромъ.

Онъ.—И для меня также.

Я.—Свѣтскіе люди оттого такъ и разборчивы относительно своихъ удовольствій, что они вѣчно праздно.

Онъ.—Не вѣрьте этому; они много суетятся.

Я.—Удовольствіе всегда для нихъ дѣло, никогда не потребность.

Онъ.—Тѣмъ лучше; потребность всегда тяжела.

Я.—Они все доводятъ до пресыщенія. Душа ихъ притупляется; скука одолеваетъ ихъ. Тотъ, кто-бы отнялъ

у нихъ эту жизнь, полную подавляющей пышности, оказаль-бы имъ большую услугу; дѣло въ томъ, что они знаютъ только ту часть счастья, которая пѣнится всего скорѣе. Я вовсе не презираю чувственныхъ удовольствій и у меня есть небо и оно наслаждается изысканными кушаньями и превосходными винами; у меня есть сердце и глаза и я съ удовольствіемъ люблюсь хорошею женщиной, люблю ласкать ея подбородокъ, цѣловать ея губки, упиваться сладострастіемъ въ ея взглядахъ, засыпать въ ея объятіяхъ; иногда дружеская попойка, даже нѣсколько шумная, мнѣ не противна; но, не скрою, что мнѣ безконечно пріятнѣе помочь несчастному, кончить запутанное дѣло, дать полезный совѣтъ, прочесть что-нибудь пріятное, прогуляться съ мужчиной или женщиной, дорогими моему сердцу, провести нѣсколько полезныхъ часовъ съ моими дѣтьми, написать хорошую страницу, исполнить свой долгъ, сказать любимой мною женщинѣ что нибудь нѣжное и пріятное, что заставило-бы ея руки обвиться вокругъ моей шеи. Я знаю такой поступокъ, за который-бы я отдалъ все, что имѣю: Магометъ великое произведеніе, но я предпочелъ-бы возстановить репутацію Каласа. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ искалъ убійца въ Карфагенѣ, это былъ младшій сынъ семьи, живущей въ странѣ, гдѣ, по обычаю, все имѣніе передается старшимъ. Тамъ онъ узнаетъ, что его старшій братъ, баловень семьи, совершенно обобралъ слишкомъ слабыхъ къ нему, отца и мать, выгналъ изъ замка и что добрые старики томятся въ страшной бѣдности въ какомъ-то маленькомъ провинціальномъ городкѣ. Что-же дѣлаетъ этотъ младшій сынъ, съ которымъ родители обошлись жестоко и который принужденъ былъ искать счастья на чужбинѣ? Онъ посылаетъ имъ деньги; торопится устроить свои дѣла, возвращается богатымъ, переводитъ отца и мать въ ихъ прежній домъ, выдаетъ замужъ сестеръ. Да, мой милый Рамо, этотъ человекъ смотрѣлъ на этотъ промежутокъ времени, какъ на самый счастливый въ своей жизни; онъ мнѣ рассказывалъ о нихъ со слезами на глазахъ, и я самъ, передавая все это вамъ,

чувствую, какъ сердце мое трепещеть отъ радости, а удовольствіе прерываетъ мою рѣчь.

Онъ.—Вы удивительно странныя существа!

Я.—Вы-же существа весьма жалкія, если не понимаете, что можно возвыситься надъ судьбою и что нельзя быть честнымъ, совершивъ два подобныхъ поступка.

Онъ.—Вотъ ужъ это такой родъ счастья, съ которымъ я бы могъ съ трудомъ свыкнуться, и встрѣчается-то оно рѣдко. Стало быть, по вашему мнѣнію, надо быть честнымъ?

Я.—Чтобы быть счастливымъ, разумѣется.

Онъ.—Однако, я вижу множество честныхъ людей далеко несчастливыхъ и множество счастливыхъ людей далеко нечестныхъ.

Я.—Вамъ такъ кажется.

Онъ.—Да не оттого-ли я не знаю, гдѣ буду сегодня ужинать, что у меня на минуту пробудился здравый смыслъ и искренность?

Я.—Совсѣмъ нѣтъ! только оттого, что прежде ихъ у васъ не было и что вы не сознавали, что прежде всего слѣдуетъ составить себѣ совершенно независимое положеніе.

Онъ.—Зависимое или нѣтъ, но по крайней мѣрѣ, то, которое я себѣ составилъ, удобнѣе другихъ.

Я.—Но менѣе обезпечено и менѣе честно.

Онъ.—Но самое подходящее къ моему характеру лѣнивца, дурака, негодяя.

Я.—Согласенъ.

Онъ.—Такъ какъ я могу составить свое счастье только пороками, мнѣ свойственными, прибрѣтенными мною безъ труда и сохраняемыми безъ усилій, которые согласуются съ правами моихъ соотечественниковъ, нравятся моимъ покровителямъ и болѣе соотвѣтствующимъ ихъ мелкимъ потребностямъ, чѣмъ добродѣтели, которыя, своими постоянными обличеніями только-бы стѣсняли ихъ, то, было-бы весьма странно, если-бы я сталъ мучиться, какъ душа въ чистилищѣ, чтобы исковеркать себя и слѣлаться другимъ, чѣмъ есть, прибрѣсти качества, весьма почтенныя согласенъ, во избѣжаніе спора, но которыя-бы мнѣ было

чрезвычайно трудно приобрести, трудно примѣнить и которыя не привели-бы меня ни къ чему, быть можетъ хуже, чѣмъ ни къ чему, благодаря постояннымъ издѣваніямъ богатыхъ, вокругъ которыхъ такіе нищіе, какъ я, вѣчно принуждены вертѣться. Добродѣтель хвалятъ, но ее ненавидятъ, ее избѣгаютъ, она замораживаетъ, а въ этомъ мірѣ надо, чтобы ноги были теплы. Да, наконецъ, я-бы непременно сдѣлался раздражительнымъ; отчего мы постоянно видимъ, что ханжи такъ грубы, сердиты, несообщительны? Оттого, что они взяли на себя бремя, совсѣмъ имъ несвойственное, они страдаютъ, а страдая, заставляютъ страдать и другихъ; мнѣ совсѣмъ не то нужно, равно и моимъ покровителямъ; я долженъ быть веселъ, гибокъ, забавенъ, пріятенъ, смѣшонъ. Добродѣтель заставляеть уважать себя, а всякое уваженіе непріятно; она заставляеть восхищаться собою, а восхищеніе далеко не забавно. Я имѣю дѣло съ людьми, которые скучаютъ, и я долженъ смѣшить ихъ. Смѣшно только то, что нелѣпо, или забавно, и я долженъ быть нелѣпъ, или забавенъ и, еслибы сама природа меня такимъ не сдѣлала, то лучше всего было-бы таковымъ казаться. Къ счастью, я могу не быть лицомъ-бромъ; ихъ и безъ того столько всевозможныхъ оттѣнковъ, не считая тѣхъ, которыя лицомъ-братъ даже съ собою. Этотъ кавалеръ де-ла Морліеръ, который заламываетъ шапку на бокъ, высоко держитъ голову, свысока смотритъ на васъ, волочитъ длинную шпагу на боку, съ вѣчно готовою дерзостью всякому, у котораго ея нѣтъ и который готовъ, кажется, бросить вызовъ первому встрѣчному, — что онъ дѣлаетъ? все, чтобы доказать, что онъ храбръ, а онъ трусъ: дайте ему щелчокъ въ носъ и онъ кротко вынесетъ его. Хотите заставить его спустить тонъ? поднимите свой, покажите свою трость или дайте ему хорошій пинокъ ногой. Пораженный самъ своей трусостью, онъ васъ-же спросить, какъ вы ее угадали? онъ самъ подозрѣвалъ за минуту ея существованіе, долгая привычка передразнивать храбрость заставила его думать, что онъ дѣйствительно храбръ; онъ

такъ много подражалъ всѣмъ ея уверткамъ, что, наконецъ, самъ увѣрился въ ней.

А эта женщина, которая себя изнуряетъ, посѣщаетъ тюрьмы, присутствуетъ на всѣхъ благотворительныхъ собраніяхъ, съ вѣчно опущенными глазами, не смѣющая посмотрѣть мужчинѣ въ лицо, вѣчно на сторожѣ противъ соблазна своихъ чувствъ; отъ этого въ сердцѣ ея нѣтъ страстей, изъ груди ея вырываются вздохи, не воспламеняется темпераментъ, желанія не томятъ ее, а воображеніе не рисуетъ по ночамъ сценъ изъ *Portier des Chartreux* и т. д? Что-же съ нею дѣлается? Что думаетъ о ней ея горничная, въ попыткахъ вскакивающая съ постели на помощь своей изнемогающей госпожѣ? Жюстіена, идите спать, ваша госпожа зоветъ въ бреду вовсе не васъ.

А чѣмъ-бы былъ другъ Рамо, еслибы вздумалъ выказывать презрѣніе къ богатству, женщинамъ, къ хорошему столу, праздности, началъ-бы корчить изъ себя Катона? Конечно лицемѣромъ. Пусть Рамо остается тѣмъ, какимъ есть, разбойникомъ, счастливымъ среди разбойниковъ богатыхъ а не фанфарономъ добродѣтели, или даже не челоуѣкомъ добродѣтельнымъ, который или одиноко гложетъ свою корку хлѣба или гложетъ его окруженный такими-же нищими какъ онъ. Чтобы покончить съ этимъ скажу, что не понимаю вашего благополучія, ни счастья такихъ мечтателей, какъ вы.

Я.—Вижу, мой милый, что вы не знаете, что это такое и даже не въ состояніи узнать.

Онъ.—Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше; а то-бы я, пожалуй, умеръ съ голоду, тоски и раскаянія.

Я.—Поэтому, могу только вамъ посовѣтывать скорѣе воротиться въ домъ, изъ котораго вы такъ неосторожно допустили изгнать себя.

Онъ.—И дѣлать то, что вы не одобряете въ простомъ смыслѣ и что мнѣ такъ противно въ переносномъ?

Я.—Что за странность!

Онъ.—Тутъ нѣтъ ничего страннаго, я согласенъ быть

низкимъ, но только безъ принужденія. Согласенъ унижать свое достоинство... Вы смѣтаетесь?

Я.—Еще-бы, ваше достоинство смѣшить меня.

Онъ.—У всякаго есть свое. Я согласенъ забыть свое, но по своей охотѣ, а не по чьему-либо приказанію. Развѣ я могу допустить, чтобы мнѣ сказали: ползай и я-бы обязанъ былъ ползать? Такова походка червяка, такова и моя; мы держимся ея, когда насъ оставляютъ въ покоѣ, но мы поднимаемся, когда наступаютъ намъ на хвостъ. Къ тому же вы и понятія не имѣете, что это за сборище. Представьте себѣ тоскующую и угрюмую личность, изнемогающую отъ ипохондріи, закутанную въ халатъ, которая противна сама себѣ, и которой всѣ противны; съ величайшимъ трудомъ могутъ заставить ее улыбнуться всевозможныя коверканья тѣла и ума на тысячи ладовъ, холодно смотреть она на всѣ гримасы моего лица и моего ума, которыя еще забавнѣе, ибо, говоря между нами, отецъ Ноэль, этотъ дрянной бенедиктинецъ, столь извѣстный своими гримасами и, несмотря на всѣ успѣхи при дворѣ, право скажу не хвастаясь, только деревянный полишинель въ сравненіи со мною. Какъ я не выбиваюсь изъ силъ, чтобы достигъ до совершенства этихъ умалишенныхъ, все нѣтъ толку. Засмѣется онъ или нѣтъ? вотъ, о чемъ я долженъ думать во время своихъ кувырканий и вы можете судить, какъ эта неувѣренность вредитъ моему таланту. Мой ипохондрикъ, съ ночнымъ колпакомъ на головѣ, надвинутымъ на самыя брови, походить на неподвижную китайскую куклу съ привязанной къ подбородку тесемкой, спускающейся надъ кресломъ. Вы ждете, что тесемку дернуть, но ее не дергаютъ, или, если случится, что челюсть приоткроется, то, чтобы пробормотать какое нибудь непріятное для васъ слово, изъ котораго вы узнаете, что на васъ даже не обратили вниманія и всѣ ваши ужимки пропали даромъ. Слово-же это сказано въ отвѣтъ на вопросъ, сдѣланный вами три дня тому назадъ: пропустивъ слово, сосцевидная мышца ослабляется и челюсть закрывается.

Тутъ онъ принялся передразнивать своего принципала.

Усѣлся въ кресло съ неподвижной головой, съ шляпой, надѣтой на самыя вѣки, съ полузакрытыми глазами, свѣшенными руками, шевеля челюстями, какъ автоматъ и повторяя: «Да, вы правы, барышня, на это надо порядочно хитрости».

И эта-то кукла произноситъ приговоры, приговоры вѣчные и безповоротные, утромъ, вечеромъ, во время одѣванья, за обѣдомъ, за кофе, за игрой въ театрѣ, за ужиномъ, въ постели, и, да проститъ мнѣ Богъ, полагаю, что даже въ объятіяхъ своей любовницы. Я не могу слышать этихъ послѣднихъ приговоровъ, но чертовски утомленъ другими... Угрюмый, мрачный и жестокій какъ рокъ, таковъ нашъ поклѣпчикъ.

Противъ него сидитъ ханжа, разыгрывающая важную барыню, которой-бы пожалуй, можно было сказать, что она хорошенькая, такъ какъ она еще хороша, хотя и съ нѣсколькими прыщами на лицѣ и подвигается къ размѣрамъ г-жи Бувильонъ. Я люблю тѣлеса, когда они хороши; но крайность есть крайность, а движеніе такъ необходимо матеріи! Item, она злѣе, высокомернѣе и глупѣе гуся. Item, хочетъ казаться умной. Item, приходится ее увѣрять, что она умнѣе всѣхъ. Item, она ничего не знаетъ, а тоже произноситъ приговоры. Item, надо апплодировать этимъ приговорамъ руками, ногами, скакать отъ удовольствія, дрожать отъ восторга: «Какъ это прекрасно, изящно, хорошо сказано, тонко замѣчено, необыкновенно прочувствовано! откуда женщины берутъ все это? Безъ всякаго изученія, только по одному инстинкту, однимъ природнымъ умомъ! Это чудесно. И пусть еще говорить, что опытъ, изученіе, размышленіе, образованіе что нибудь значать!...» И другія подобныя глупости, и плакать отъ радости, десять разъ на день сгибаться, выгнувъ одно колѣно впередъ, а другую ногу протянуть назадъ, поднимая руки къ богинѣ, читать въ глазахъ ея волю, ожидать ея слова, ея приказанія и летѣть какъ стрѣла. Кто захочетъ подчиниться всему этому, если не несчастный, который находитъ тамъ, три или четыре раза въ недѣлю, чѣмъ успокоить свои несчаст-

ныя внутренности? Что подумать о такихъ, какъ Палиссо, Фреронъ, Пуонзине, Бакиларъ, у которыхъ кое-что есть и потому подлости которыхъ нельзя объяснить бурчаніемъ страждущаго желудка?

Я.—Я никогда-бы не подумалъ, что вы такъ требовательны.

Онъ.—Я вовсе не требователенъ. Сначала я смотрѣлъ на другихъ, дѣлалъ какъ они, даже немного лучше, потому что у меня наглость искреннѣе, я лучше умѣю играть комедію, я болѣе голоденъ, одаренъ лучшими легкими. Вѣроятно я происхожу по прямой линіи отъ знаменитаго Стентора...

Чтобы дать мнѣ понятіе объ ихъ силѣ онъ началъ такъ сильно кашлять, что стекла зазвенѣли въ кафе и вниманіе шахматныхъ игроковъ обратилось на него.

Я.—Да на что подобный талантъ?

Онъ.—Вы не догадываетесь?

Я.—Нѣтъ, я нѣсколько ограниченъ.

Онъ.—Предположите, что завязался споръ и неизвѣстно на чей сторонѣ останется побѣда. Я поднимаюсь и выпускаю свои громы; своимъ громовымъ голосомъ произношу: «Мадемуазель совершенно права, вотъ что называется вѣрно судить! Держу сто противъ одного, что ни одинъ изъ нашихъ остряковъ такъ не скажетъ. Выраженіе гениально». Но не надо всегда одинаково хвалить; сдѣлаешься монотоненъ, покажешься фальшивымъ, пошлымъ. Отъ этого можетъ снасти только умъ, находчивость; надо держать наготовѣ и кстати употреблять тонъ мажорный и рѣшительный, умѣть воспользоваться случаемъ и минутой. Когда, на примѣръ, возникаетъ сильное разногласіе, когда споръ доходитъ до крайнихъ предѣловъ раздраженія, никто другъ друга не слышитъ, всѣ говорятъ за разъ, надо стоять въ сторонѣ, въ самомъ далекомъ углу комнаты, приготовиться къ взрыву долгимъ молчаніемъ и внезапно, какъ бомба, броситься среди спорящихъ. Никто не умѣетъ такъ этого дѣлать, какъ я. Но я совершенно не подражаемъ въ противоположныхъ приемахъ: у меня есть множество маленькихъ тоновъ, которые я сопровождаю

улыбками, безконечнымъ разнообразіемъ одобрительныхъ знаковъ, въ нихъ принимаютъ участіе и носъ, и ротъ, и лобъ, и глаза; спина моя необыкновенно гибка и у меня есть особенная манера ее выворачивать, поднимать или опускать плечи, вытягивать пальцы, наклонять голову, опускать глаза и казаться пораженнымъ, словно я съ неба услышалъ ангельскій и божественный голосъ; это-то и льститъ самолюбію. Не знаю, хорошо-ли вы понимаете всю важность и силу этого; но я это выдумалъ, и ни кто меня не превзошелъ. Посмотрите, посмотрите.

Я.—Дѣйствительно это единственно въ своемъ родѣ.

Онъ.—Полагаете-ли вы, что мозгъ женщины не много тщеславной, можетъ устоять противъ этого?

Я.—Нѣтъ; надо сознаться что вы до совершенства довели талантъ унижать себя и корчить изъ себя шута.

Онъ.—Какъ-бы они все ни старались, имъ никогда до этого не добиться; напримѣръ, лучший изъ нихъ, Палиссо, навсегда останется только порядочнымъ ученикомъ. Но, если эта роль и забавляетъ сначала, и если пріятно втайнѣ насмѣхаться надъ глупостью тѣхъ, которыми такимъ образомъ, восхищаешь, то въ концѣ концовъ, это теряетъ всякую пикантность; и затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ открытій, приходится повторяться; и умъ, и искусство имѣютъ свои предѣлы; только для Бога и нѣсколькихъ геніевъ дорога расширяется по мѣрѣ того, какъ они по ней подвигаются. Таковъ, пожалуй, Буре, у него есть такія продѣлки, которыя заставляютъ меня, да, даже меня, высоко уважать его. Маленькая собачка, книга счастья, факелы по версальской дорогѣ—все такія вещи, которыя меня смущаютъ и унижаютъ; просто само ремесло дѣлается противно.

Я.—Что вы хотите сказать съ вашей маленькой собачкой?

Онъ.—Откуда вы взялись? Какъ вы въ самомъ дѣлѣ не знаете, какъ этотъ рѣдкій человѣкъ съумѣлъ отвадить отъ себя собаченку и привязать ее къ канцлеру, которому она понравилась.

Я.—Каюсь, не знаю.

Онъ.—Тѣмъ лучше. Превосходнѣе этого нельзя ничего вообразить, вся Европа была поражена, нѣтъ ни одного придворнаго, который-бы ей не позавидоваль. Вы, вотъ, не лишены ума, но какъ-бы вы вывернулись на его мѣстѣ? Подумайте, эта собака очень любила Буре; странный костюмъ министра пугаль животное; у него всего была только одна недѣля, чтобы справиться со всѣми трудностями. Надо знать всѣ условія задачи, чтобы хорошо понять всю заслугу ея рѣшенія. Что-же?

Я.—А то, что я принужденъ вамъ сознаться, что въ дѣлахъ такого рода самыя пустыя вещи ставятъ меня въ большое затрудненіе.

Онъ.—Послушайте (сказалъ онъ, слегка ударивъ меня по плечу—онъ фамиллярень), слушайте и восхищайтесь. Онъ заказываетъ себѣ маску, похожую на хранителя печатей, достаетъ отъ его лакея его обширную хламиду; надѣваетъ маску и хламиду. Подзываетъ собачку, ласкаетъ ее, кормить ее пирожками; потомъ, вдругъ, декорація перемѣняется, это уже не хранитель печатей, а Буре, онъ подзываетъ свою собачку и бьетъ ее. Послѣ двухъ или трехъ дней подобныхъ упражненій, продолжавшихся съ утра до вечера, собака приучилась убѣгать отъ Буре финансиста и бѣгать къ Буре хранителю печатей. Но я слишкомъ добръ: вы человѣкъ непосвященный, и вамъ не стоитъ объяснять чудеса, совершающіяся вокругъ васъ.

Я.—Но всё-таки, я попрошу объяснить книгу и факелы.

Онъ.—Нѣтъ, нѣтъ. Обращайтесь къ мостовой, пусть она вамъ это расскажетъ и пользуйтесь случаемъ узнать вещи, которыхъ никто не знаетъ кромѣ меня.

Я.—Вы правы.

Онъ.—Напяльте на себя платье и парикъ, я и забылъ о парикѣ хранителя печатей! заказать себѣ его маску! въ особенности, маска мнѣ кружить голову. Но за то онъ и пользуется самымъ высокимъ уваженіемъ; обладаетъ милліонами; есть люди, которые съ крестомъ св. Людовика умираютъ съ голоду; поэтому, къ чему гоняться за

крестомъ, рискуя надорваться; не лучше-ли обратиться къ занятію безопасному и никогда не остающемуся безъ вознагражденія? Вотъ, что называется широко шагать. Подобные примѣры приводятъ въ уныніе; самъ себѣ становишься жалокъ и впадаешь въ тоску. Маска! маска! Я-бы готовъ дать отрубить себѣ палецъ, чтобы выдумать маску.

Я.—Но, при вашемъ энтузіазмѣ къ великимъ вещамъ и при вашей удивительной находчивости, неужели вы ничего не выдумали сами?

Онъ.—Извините; на примѣръ, восхищенное положеніе спины, о которомъ я вамъ говорилъ; я на него смотрю, какъ на свое изобрѣтеніе, хотя его и оспариваютъ у меня. Пожалуй, его употребляли и раньше; но кто-же до меня вполне узналъ, какъ оно было удобно, чтобы изподтишка смѣяться надъ дерзкимъ, которымъ восхищаешься! У меня болѣе ста способовъ соблазнять молодую дѣвушку, въ присутствіи самой матери, и такъ, чтобы она не только ничего не замѣтила, но даже сдѣлалась моей сообщницей. Едва вступилъ я на эту дорогу, какъ съ презрѣніемъ отнесся ко всѣмъ пошлымъ способамъ передачи любовныхъ записокъ; у меня средствъ десять заставить ихъ у себя вырвать и, между ними, смѣю похвастаться, есть совсѣмъ новые. У меня особенно, талантъ ободрять скромнаго молодого человѣка, я помогъ добиться успѣха такимъ, у которыхъ не было ни ума, ни красоты. Будь все это написано, полагаю, что за мною признали-бы нѣкоторый геній.

Я.—Что доставило-бы вамъ оригинальную честь.

Онъ.—Я не сомнѣваюсь.

Я.—На вашемъ мѣстѣ, я набросалъ-бы все это на бумагу. Жаль, если все это пропадетъ.

Онъ.—Правда, но вы не подозреваете, какъ мало я обращаю вниманія на обычаи и законы. Тотъ, кому нуженъ протоколъ, никогда далеко не пойдетъ; геніи читаютъ мало, дѣйствуютъ много и сами себя формируютъ. Посмотрите на Цезаря, Тюренна, Вобана, на маркизу де-Тансенъ, ея брата кардинала, и на секретаря его, аббата Трюбле. А Буре? Кто давалъ уроки Буре? Никто, сама природа

формируетъ этихъ рѣдкихъ людей. Неужели вы полагаете, что исторія собаки и маска гдѣ-нибудь написаны?

Я.—Но, въ потерянные часы, когда тоска пустаго желудка, или утомленіе слишкомъ переполненнаго гонить сонъ...

Онъ.—Я объ этомъ подумаю. Лучше писать великія вещи, чѣмъ дѣлать мелкія. Тогда душа возвышается, воображеніе разгорается, воспламеняется и расширяется; напротивъ того, оно суживается, когда ограничивается разыгрываніемъ удивленія передъ маленькой Юсъ, по поводу упорныхъ апплодисментовъ глупой публики этой гримасницѣ Данжевилль, которая играетъ такъ плохо, ходитъ по сценѣ чуть не перегнувшись пополамъ, имѣетъ претензію глядѣть въ глаза тому, съ кѣмъ говоритъ, а сама смотритъ по сторонамъ и принимаетъ свои гримасы за нѣчто изящное, свою мелкую походку за грацію, или по поводу восхищенія этой напыщенной Клэронъ, болѣе принужденной, болѣе изысканной, болѣе напыщенной, чѣмъ то можно выразить. Этотъ нелѣпый партеръ хлопаетъ имъ что есть мочи и не замѣчаетъ, что въ насъ самихъ цѣлая масса прелестей (правда, что эта масса толстѣетъ немного, но что за дѣло), что у насъ самая прекрасная кожа, самые лучшіе глаза, самый хорошенькій ротикъ, мало внутренняго огня; правда, походка не совсѣмъ легкая, но ужъ и не такая неловкая, какъ говорить. Что-же касается до чувствъ, то нѣтъ никого, кого-бы мы не заткнули за поясъ.

Я.—Какъ это вы все говорите, съ проницей или искренно?

Онъ.—Бѣда въ томъ, что эти чертовскія чувства всѣ внутри и что ни одной ихъ капли не проникаетъ наружу; но я-то самъ хорошо ее знаю и знаю, что они у нея есть. Если они и не такія, какъ слѣдуетъ, то что-то въ этомъ родѣ. Надо видѣть, когда мы разозлимся, какъ тогда достается лакеямъ, какія плюхи получаютъ горничныя, какіе пинки получаетъ отъ насъ всякій, уклонившійся отъ должнаго намъ уваженія... А! да вы не знаете, какъ все это принимать?

Я.—Какуюсь, не могу разобрать, искренно-ли вы гово-

рите или злобно. Я человѣкъ простой; пожалуйста, оставьте всѣ ваши тонкости и говорите со мною проще.

Онъ.—Да, вѣдь, все это мы говоримъ о маленькой Юсь о Данжевилль и о Клэронъ, вставляя иногда словечки, которыя должны-бы освѣтить васъ. Я допускаю, чтобы вы принимали меня за негодяя, но не за дурака, а только дуракъ или человѣкъ пропавшій отъ любви могъ-бы серьезно говорить такія дерзости.

Я.—Но какъ-же рѣшаются ихъ говорить?

Онъ.—Это не дѣлается сразу; но входитъ понемногу въ привычку. *Ingenii largitor venter.*—

Я.—Надо, чтобы голодъ былъ чрезвычайно силенъ.

Онъ.—Можетъ быть; однако, какъ ни кажутся онѣ вамъ сильными, но повѣрьте, что тѣ, которымъ онѣ высказываются, болѣе привыкли ихъ слушать, чѣмъ мы ихъ говорить.

Я.—Неужели найдется кто-либо, у кого достанетъ мужества быть одного съ вами мнѣнія?

Онъ.—Что вы называете кѣмъ нибудь? Такъ думаетъ и говоритъ все общество.

Я.—Всякій изъ васъ, кто не негодяй, тотъ большой дуракъ.

Онъ.—Дуракъ, вотъ выдумали? Клянусь вамъ, что изъ насъ всѣхъ дуракъ только тотъ, кто кормитъ насъ, чтобы мы ему лгали.

Я.—Но какъ-же позволяютъ такъ нагло себя обманывать? Вѣдь, наконецъ, превосходство талантовъ Данжевилль и Клэронъ всѣми признано.

Онъ.—Ложь, которая намъ нравится, глотается большими глотками, а правда пьется по одной каплѣ. Къ тому-же, мы кажемся столь убѣжденными, столь правдивыми!

Я.—Полагаю, однако, что вамъ случалось грѣшить противъ принциповъ искусства и что у васъ нечаянно вырывались нѣкоторыя изъ тѣхъ горькихъ истинъ, которыя такъ оскорбляютъ, потому что, несмотря на вашу презрѣнную, низкую, отвратительную роль, я увѣренъ, что, въ сущности, душа ваша не грубая.

Онъ.—У меня? вовсе нѣтъ. Чортъ меня побери, если я знаю, что я такое. Вообще, умъ мой кругъ, какъ шаръ, а характеръ гибокъ, какъ ива. Никогда не лгу, если выгода заставляетъ меня быть правдивымъ, никогда не говорю правды, если мнѣ выгодно лгать. Я говорю то, что мнѣ взбредетъ на умъ: если умно, тѣмъ лучше; если дерзко, то на это не обращаютъ вниманія. Я широко пользуюсь прямою своею рѣчи. Никогда въ жизни я не обдумывалъ ни того, что долженъ сказать, ни того, что говорю, поэтому, я никого не оскорбляю.

Я.—Однако, ссербрили-же вы тѣхъ почтенныхъ людей, которые были такъ добры къ вамъ.

Онъ.—Что дѣлать? Это несчастіе, неудача, которыхъ такъ много въ жизни. Нѣтъ постояннаго счастья; мнѣ было слишкомъ хорошо, такъ не могло продолжаться. Какъ вы знаете, у насъ собирается общество самое многочисленное и самое отборное. Это школа гуманности, возрожденіе древняго гостепріимства: всѣ проваливающіеся поэты подбираются нами; у насъ былъ Палиссо, послѣ своей *Zarès*, Бретъ послѣ *Faux Générux*; всѣ неимѣвшіе успѣха музыканты, всѣ нечитающіеся писатели, всѣ освищенные актрисы, опиканные актеры, толпа несчастныхъ, пристыженныхъ паразитовъ, во главѣ которыхъ я имѣю честь находиться, храбрый вождь цѣлаго войска трусовъ. Когда они въ первый разъ въ домѣ, я упрашиваю ихъ ѣсть безъ церемоніи; я прошу для нихъ вина; они такъ застѣнчивы! Нѣсколько оборванныхъ молодыхъ людей, которые не знали гдѣ преклонить голову, но съ счастливою фізіономіей; нѣсколько мошенниковъ, ухаживающихъ и усыпляющихъ патрона, чтобы за его спиной подобраться къ патроншѣ. Мы кажемся веселыми; но, въ сущности, мы злы и голодны. Волки не голоднѣе насъ; тигры не болѣе жестоки. Мы пожираемъ какъ волки, проголодавшіеся послѣ длинной зимы; мы, какъ тигры, разрываемъ все, что имѣетъ успѣхъ. Иногда соединяются шайки Бертена, Мезанжа и Вильморена; тогда-то поднимается шумъ въ звѣринцѣ. Никогда еще не видано было собранія столькихъ ожесточенныхъ, злобныхъ,

ядовитыхъ и злыхъ звѣрей. Только и слышатся имена Бюффона, Дюкло, Монтескье, Руссо, Вольтера, д'Аламбера, Дидро. Одному Богу извѣстно, съ какими эпитетами! Умны только тѣ, кто такъ глупъ, какъ мы. Тамъ-то и зародился планъ комедіи Философы; сцену коробейника я предложилъ, подражая Теологіи въ скорлупѣ. Вы тамъ также не пощажены.

Я. — Тѣмъ лучше! мнѣ, быть можетъ, оказываютъ больше чести, чѣмъ я заслуживаю. Я-бы чрезвычайно оскорбился, если-бы тѣ, которые дурно говорятъ о столькихъ умныхъ и честныхъ людяхъ, вдругъ стали-бы хорошо отзываться обо мнѣ.

Онъ. — Намъ много и каждый хочетъ внести свою лепту; послѣ закланія крупныхъ животныхъ, мы принимаемся за другихъ.

Я. — Оскорблять науку и добродѣтель изъ за куса хлѣба, — слишкомъ онъ дорогъ вамъ достается!

Онъ. — Я уже вамъ говорилъ, что на насъ не обращаютъ вниманія; мы ругаемъ всѣхъ и не оскорбляемъ никого. Къ намъ заходитъ, иногда, тяжеловѣсный аббатъ д'Оливе, толстый аббатъ Ле-Бланъ, лицомѣръ Батте; толстый аббатъ золъ только до обѣда. Послѣ кофе онъ бросается въ кресло, протянувъ ноги на каминную доску и засыпаетъ, какъ попугай на своей жердочкѣ. Если шумъ слишкомъ усиливается, онъ зѣваетъ, потягивается, протираетъ глаза и говоритъ: «Въ чемъ дѣло, въ чемъ дѣло»?

— Да, вотъ, явился вопросъ, кто умнѣе Пиронъ или Вольтеръ?

— Послушайте, вы только объ умѣ говорите? не касаетесь вкуса? Потому что вашъ Пиронъ не имѣетъ о немъ никакого понятія.

— Нѣтъ...

И мы пускаемся въ разговоръ о вкусѣ. Пиронъ дѣлаетъ знакъ рукой, чтобы его слушали, такъ какъ онъ всего болѣе чванится своимъ вкусомъ. «Вкусъ, говоритъ онъ... вкусъ это вещь... «Но, право, я не знаю, какою вещью онъ его опредѣлилъ, да онъ и самъ знаетъ не болѣе меня.

Бываетъ у насъ также другъ Раббэ; онъ угощаетъ

насъ своими двусмысленными сказками, описаніемъ чудесъ изступленныхъ фанатиковъ, которыя онъ видѣлъ своими глазами, нѣсколькими пѣснями своей поэмы, сюжетъ которой онъ изучилъ вполнѣ. Я ненавижу его стиховъ, не люблю слушать, какъ онъ ихъ читаетъ: онъ похожъ на бѣсноватаго. Кругомъ всѣ кричатъ: «Вотъ, что называется поэтъ!»...

Говоря между нами, эта поэзія ничего болѣе какъ смѣсь всякаго рода неясныхъ звуковъ, варварская болтовня обитателей Вавилонской башни.

Заходитъ къ намъ также нѣкій дуракъ, на видъ пошлый и глупый, а на самомъ дѣлѣ умный какъ бѣсъ; хитростью своей онъ перещеголяетъ всякую обезьяну. Это одна изъ личностей, вызывающихъ насмѣшки и щелчки и которую Богъ сотворилъ для исправленія людей, судящихъ по одной наружности людей, которымъ ихъ зеркало должно-бы было сказать, что также легко быть человѣкомъ умнымъ и слыть за дурака, какъ скрывать свою глупость личиною умнаго человѣка. Обрекать добряка на забаву другихъ,—подлость очень обыкновенная; оттого-то всѣ и нападаютъ на него. Всякому новоприбывшему мы ставимъ эту ловушку и я не видалъ ни одного, кто-бы не попалъ въ нее...

Иногда меня поражала вѣрность, съ которою этотъ безумецъ судилъ людей и ихъ характеры и я ему это высказалъ.

Онъ.—Дѣло въ томъ,—отвѣчалъ онъ,—что изъ дурнаго общества можно иногда извлечь ту-же пользу, что изъ разврата: потеря невинности вознаграждается потерей предразсудковъ среди людей злыхъ, которые выказываютъ порокъ во всей его наготѣ; научаешься познавать ихъ; да я и читалъ кое-что.

Я.—Что вы читали?

Онъ.—Я читаю, читалъ и безпрестанно перечитываю Теофраста, Ла-Брюйера и Мольера.

Я.—Это прекрасныя книги.

Онъ.—Онѣ гораздо лучше, чѣмъ полагаютъ; но кто умѣетъ ихъ читать?

Я. — Всѣ, сообразно со степенью своего ума.

Онъ. — Почти никто. Можете вы мнѣ сказать, что въ нихъ ищутъ?

Я. — Забаву и поученіе.

Онъ. — Но какое поученіе? въ этомъ-то все и дѣло.

Я. — Изученіе своихъ обязанностей, любовь къ добру, ненависть къ пороку.

Онъ. — Что касается до меня, то я усвоиваю все, что слѣдуетъ дѣлать и все, что нужно умалчивать. И такъ, когда я читаю Скупца, я говорю себѣ: будь также скупъ, если хочешь, но берегись это высказывать. Читая Тартюфа, говорю: лицемеръ, если хочешь, но не говори, какъ лицемеръ. Имѣй пороки, которые тебѣ могутъ пригодиться, но берегись ихъ тона, ихъ наружнаго вида, которые могутъ тебя сдѣлать смѣшнымъ. Чтобы предохранить себя отъ этого тона и этого наружнаго вида, надо ихъ изучать; а эти писатели описали ихъ превосходно. Я таковъ, какъ есть и остаюсь такимъ, каковъ есть, но дѣйствую и говорю, какъ слѣдуетъ. Я не изъ числа людей, которые презираютъ моралистовъ; отъ нихъ можно многому научиться, въ особенности, отъ тѣхъ, которые излагаютъ мораль въ дѣйствиіи. Порокъ только изрѣдка оскорбляетъ людей; отличительныя его стороны оскорбляютъ съ утра до вечера. Пожалуй, лучше быть на самомъ дѣлѣ, нахаломъ, чѣмъ имѣть нахальную фізіономію; человекъ, нахальный по характеру, оскорбляетъ только отъ времени до времени, а нахальная фізіономія оскорбляетъ постоянно. Впрочемъ, недумайте, что я одинъ читаю такимъ образомъ; у меня только та заслуга, что я дѣлаю по системѣ то, что другіе дѣлаютъ по инстинкту. Отсюда вытекаетъ то, что чтеніе не дѣлаетъ ихъ лучше меня, а они, все-таки, остаются смѣшными, вовсе того не желая; я-же бываю смѣшенъ только когда захочу и тогда оставляю ихъ далеко позади себя; вѣдь, то-же искусство, которое учитъ меня избѣгать смѣшнаго, научаешь, когда нужно, какъ удачно имъ пользоваться. Тогда я припоминаю, что говорили другіе, что я самъ

читалъ и прибавляю къ этому еще многое изъ своей головы, необыкновенно плодovитой на подобныя выдумки.

Я.—Вы хорошо сдѣлали, что открыли мнѣ эти тайны, а то-бы я обвинилъ васъ въ противорѣчii.

Онъ.—Я нисколько не противорѣчу себѣ, потому что, на одинъ случай, когда надо избѣгать роли шута, есть сто, когда ее нужно разыгрывать. Среди людей высокопоставленныхъ, нѣтъ лучшей роли, какъ роль глупца. Долгое время существовало официальное званiе королевскаго шута, но никогда не бывало званiя королевскаго мудреца. Я—шутъ Бертена и многихъ другихъ, быть можетъ, вашъ въ эту минуту или вы мой; и такъ, мудрецъ не сталъ-бы держать шута; кто его держитъ, тотъ, значить, не мудръ, если онъ не мудръ, онъ шутъ, а, быть можетъ, онъ самъ шутъ своего шута. Не слѣдуетъ, впрочемъ, забывать, что въ такомъ измѣнчивомъ предметѣ, какъ нравы, нѣтъ ничего безусловнаго, необходимаго, вообще, вѣрнаго или ложнаго, кромѣ правила, что слѣдуетъ быть такимъ, какимъ приказываетъ быть расчетъ, хорошимъ или дурнымъ, мудрецомъ или шутомъ, приличнымъ или смѣшнымъ, честнымъ или порочнымъ. Еслибы добродѣтель вела къ богатству, то я, или былъ-бы добродѣтеленъ, или представлялся-бы такимъ, какъ многіе другіе; но, захотѣли, чтобы я былъ смѣшенъ, и я имъ сдѣлался; что-же касается порочности, то этимъ-то я обязанъ одной своей натурѣ. Когда я говорю порочный, то поддѣлываюсь къ вашему языку; если-же-бы мы объяснились, то, пожалуй-бы, вышло, что вы называете порокомъ то, что я считаю добродѣтелью, а добродѣтелью то, что порокомъ.

Бываютъ у насъ также авторы изъ Комической Оперы, ихъ актеры и актрисы и всего чаще ихъ импресаріи, Корби, Моеттъ, все люди со средствами и высокими достоинствами.

Я и забылъ упомянуть объ этихъ великихъ литературныхъ критикахъ всей этой сволочи, пишущей въ *l'Avant Coureur*, *les Petites-Affiches*, *l'Année*

litteraire, l'Observateur litteraire, le Censeur hebdomadaire.

Я.—L'Année littéraire! l'Observateur littéraire! Не можетъ быть; они ненавидятъ другъ друга.

Онъ.—Правда; но всѣ нище мирятся у суповаго котла. Этотъ проклятый *Observateur littéraire*, чтобы чортъ побралъ его печатные листы! Этотъ-то собачій, маленький, жадный попъ, этотъ вонищій ростовщикъ и былъ причиной моего несчастія. Вчера онъ появился въ первый разъ на нашемъ горизонтѣ; онъ явился какъ разъ въ то время, когда мы всѣ выльзаемъ изъ своихъ берлогъ, т. е., во время обѣда. Счастливъ тотъ изъ насъ, у кого въ дурную погоду найдется двадцать четыре су на фіакръ. Часто тотъ самый смѣется надъ сотоварищемъ, промокшемъ до костей и въ грязи до щеколотокъ, который вечеромъ возвращается къ себѣ въ такомъ-же видѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, у одного изъ нихъ, не помню именно у кого, вышла цѣлая схватка съ Савойцемъ, устроившемся у нашихъ воротъ: у нихъ были постоянные счета; кредиторъ требовалъ денегъ отъ должника, которыхъ у того не оказывалось, а между тѣмъ, онъ не могъ пройти наверхъ, не попавъ въ его лапы.

Подаютъ кушанье, аббата приглашаютъ къ столу, сажаютъ его на первое мѣсто. Я вхожу, вижу это! «Какъ аббатъ, говорю я, вы председательствуете? это прекрасно на сегодня, но завтра вы спуститесь на одинъ приборъ, послѣ завтра на другой, и такъ, съ прибора на приборъ, направо или налево, до мѣста, занимаемаго мною разъ до васъ, Фреронъ, разъ послѣ меня, Дора; разъ послѣ Фрерона, Палиссо разъ послѣ Дора, пока вы, наконецъ, не займете постоянное мѣсто подлѣ меня, такого-же жалкаго, пошлаго бездѣльника, какъ и вы, который *siedo sempre come un moestoso carro fra due i coglioni*».

Такъ какъ аббатъ добрый малый и все принимаетъ въ хорошую сторону, то онъ разсмѣялся; барышня, пораженная моимъ замѣчаніемъ и вѣрностью моего сравненія, засмѣялась тоже; всѣ, сидѣвшіе направо и налево отъ аб-

бата и которыхъ онъ передвинулъ на одинъ приборъ тоже засмѣялись; всѣ стали смѣяться, кромѣ хозяина, который разсердился и началъ говорить такія вещи, которыя-бы ничего не значили, еслибы мы были вдвоемъ: «Рамо, вы дерзки».

— Я это знаю и съ этимъ условіемъ вы сами приняли меня.

— Вы бездѣльникъ.

— Какъ всякій другой.

— Нищій.

— А то развѣ я-бы былъ здѣсь?

— Я васъ выгоню.

— Послѣ обѣда я самъ уйду.

— Совѣтую вамъ».

Пообѣдали; я ѣлъ за четверыхъ. Наѣвшись и напившись вдоволь (да и не могло быть иначе, такъ какъ господинъ желудокъ такая особа, на которую я никогда не дуюсь), я собрался уходить, я связалъ себя словомъ при столькихъ свидѣтеляхъ, что долженъ былъ сдержать его. Долго бродилъ я по комнатамъ, отыскивая свою трость и шляпу тамъ, гдѣ ихъ не могло быть, и разсчитывая, что патронъ разразится новымъ потокомъ брани, что кто-нибудь вступится и что послѣ хорошей ссоры мы, наконецъ, помиримся. Я вертѣлся, вертѣлся, потому что у меня ничего не было на сердцѣ, но патронъ мрачный и нахмуренный, какъ Гомеровскій Аполлонъ, мечущій стрѣлы въ греческое войско, въ своемъ колпакѣ еще болѣе обыкновеннаго надвинутомъ, ходилъ взадъ и впередъ подперевъ рукою подбородокъ. Барышня подошла ко мнѣ: «Да что-же случилось необыкновеннаго? былъ я сегодня не такимъ, какъ всегда?»

— Я хочу, чтобы онъ уходилъ вонъ.

— Я уйду... Но я не сдѣлалъ ему никакой неувѣжливости.

— Извините; приглашаютъ господина аббата, а вы...

— Онъ самъ унизилъ себя, пригласивъ аббата когда принимаетъ меня и со мною столько другихъ бездѣльниковъ...

— Послушайте, мой маленькій Рамо, надо извиниться передъ господиномъ аббатомъ.

— На что мнѣ его извиненіе.

— Полноте, полноте, все это уладится.

Меня берутъ за руку, тащатъ къ креслу аббата; я протягиваю руку, смотрю на аббата съ нѣкоторымъ восхищеніемъ, такъ какъ кто-же когда просилъ прощенія у аббата? «Аббатъ, говорю я ему, все это очень смѣшно, неправда-ли?» И я принимаюсь смѣяться и аббатъ тоже. Вотъ, я и прощенъ этой стороною; приходилось еще приступить къ другой и здѣсь разговоръ уже былъ совсѣмъ не тотъ. Я самъ не знаю какъ пробормоталъ свое извиненіе: «Милостивый государь, вотъ тотъ безумецъ»...

— Онъ уже слишкомъ долго досаждастъ мнѣ; я не хочу болѣе о немъ слышать.

— Онъ опечаленъ...

— Да и я очень опечаленъ.

— Этого съ нимъ болѣе не случится.

— Пока первый негодай»...

Не знаю, былъ-ли онъ въ такомъ расположеніи духа когда даже барышня боится подойти къ нему и осмѣливается дотронуться до него не иначе, какъ своими бархатными митенками, или онъ дурно разслышалъ мои слова, или я дурно выразился, но дѣло приняло еще худшій оборотъ. Чортъ возьми! развѣ онъ меня не знаетъ? развѣ онъ не знаетъ, что я похожъ на ребенка и что бываютъ случаи, когда я выбалтываю всякій вздоръ? И потомъ, я полагаю, да простить мнѣ Богъ, что у меня должны быть минуты отдыха. Вѣдь и стальная маріонетка скоро испорится, если держать за шнурокъ съ утра до вечера, съ вечера до утра. Я ихъ долженъ развлекать— таково условіе, но и я-же долженъ иногда позабавиться. Во время этой передраги мнѣ пришла въ голову роковая мысль, придавшая мнѣ увѣренность, придавшая мнѣ гордость и смѣлость: я вообразилъ, что безъ меня не могли обойтись, что я былъ человѣкъ необходимый.

Я. — Да, я полагаю, что вы имъ очень полезны, но что они вамъ еще полезнѣе. Вамъ нелегко найти дру-

гой такой домъ: они-же взамѣнъ одного шута найдутъ цѣлыхъ сто.

Онъ.—Сто шутовъ какъ я! господинъ философъ, ихъ совсѣмъ не такъ много. Пошлыхъ шутовъ, да. Къ глупостямъ относятся взыскательнѣе, чѣмъ къ таланту и добродѣтели. Я—рѣдкость въ своемъ родѣ, да, большая рѣдкость. Теперь, когда они меня потеряли, что они дѣлаютъ? Они тоскуютъ какъ собаки. Я неистощимый мѣшокъ дерзостей. У меня ежеминутно была готова выходка, заставлявшая ихъ смѣяться до слезъ: я одинъ замѣнялъ цѣлый домъ сумасшедшихъ.

Я.—За то у васъ были столъ, постель, одежда, кафтанъ и панталоны, башмаки и по золотому въ мѣсяцъ.

Онъ.—Это хорошая, выгодная сторона; но вы умалчиваете объ обязанностяхъ. Впервые, какъ только появился слухъ о новой пьесѣ, какъ несмотря на погоду приходилось рыскать по всѣмъ чердакамъ Парижа пока не отыщется ея авторъ; затѣмъ, я долженъ былъ непременно достать для прочтенія его рукопись и ловко намекнуть, что я знаю кого-то, кто-бы великолѣпно сыгралъ одну изъ его ролей.

— Кѣмъ-же?

— Кѣмъ? вотъ вопросъ! это сама грація, миловидность, изящество.

— Вы, вѣроятно, говорите о мадемуазель Данжевилль? Вы съ нею знакомы?

— Да, немного; но я говорю не о ней.

— О комъ-же?

Я шопотомъ называлъ:

— Она!

— Да, она, повторялъ я, немножко сконфузясь, потому и я чувствую иногда стыдъ; надо было видѣть, какъ при этомъ имени лицо поэта вытягивалось, а то такъ случалось, что онъ раздражался хохотомъ мнѣ въ лицо. Однако, такъ или иначе, а я долженъ былъ привести его обѣдать, онъ-же, боясь связать себя, отговаривался, благодарилъ. Надо было видѣть какъ со мною обращались, когда я не успѣвалъ въ своихъ приговорахъ!

я былъ и дуракъ, и болванъ, и осель, я ни на что не годился; я не стоилъ стакана воды, который мнѣ давали. Но гораздо хуже было во время представленія: среди свистковъ публики, которая, что-бы ни говорили, всегда судить вѣрно, я смѣло начиналъ аплодировать, и, такъ какъ аплодировалъ одинъ, то привлекалъ на себя общіе взгляды, чѣмъ избавлялъ иногда, актрису отъ свистковъ, но долженъ былъ выслушивать, какъ говорили подлѣ: «Это одинъ изъ переодѣтыхъ лакеевъ того, кто... Да замолчить-ли этотъ негодяй?...» Никто не знаетъ, что можетъ принудить такъ поступать; полагаютъ, что это тупоміе, между тѣмъ какъ на это есть причина, которая все извѣняетъ.

Я.—Даже нарушеніе гражданскихъ законовъ?

Онъ.—Однако, потомъ, меня уже всѣ знали: «А! это Рамо...» Я прибѣгалъ къ тому, что кидалъ въ толпу нѣсколько проницескихъ замѣчаній, которыя спасали отъ насмѣшекъ мои одинокія аплодисменты и ихъ объясняли въ противоположную сторону. Согласитесь, что только большая выгода можетъ заставить идти противъ всей публики и что каждый изъ такихъ вечеровъ стоилъ гораздо болѣе маленькаго экю?

Я.—Отчего-же вы не запасались помощниками?

Онъ.—И къ этому я иногда прибѣгалъ и кое-что на этомъ зарабатывалъ. Прежде, чѣмъ отправляться на мѣсто пытки, надо было хорошо запомнить блестящія мѣста, въ которыхъ я долженъ былъ подавать знакъ къ аплодированью. Если мнѣ случалось позабыть ихъ, или ошибиться, то я получалъ хорошую встряску по возвращеніи: начинался такой шумъ, какого вы себѣ и представить не можете. Кромѣ того, приходилось ухаживать за цѣлою сворой собакъ; правда, я имѣлъ глупость самъ взвалить на себя эту обузу. Еще на мнѣ лежалъ высшій надзоръ за кошками. Я считалъ себя на верху блаженства, если Микку удостоивала меня царапнуть и разорвать когтями манжетку: Крикетъ подвержена коликамъ; я растираю ей животъ. Сама барышня страдала прежде истерикой, теперь у нея разстроены нервы. Я уже не говорю о дру-

тихъ легкихъ нездоровьяхъ, которыми не стѣсняются при миѣ. Что до этого, пусть ихъ, я никогда не хотѣлъ ничего стѣснять; я гдѣ-то читалъ, что нѣкій принцъ, прозванный Великимъ, присутствовалъ даже иногда во время нѣкоторыхъ отпращиваній своей возлюбленной. Со своими домашними не стѣсняются, а въ такіе дни я былъ имъ болѣе, чѣмъ кто либо. Я—апостолъ фамиллярности и непринужденности; я ихъ проповѣдывалъ тамъ примѣромъ и никто этимъ не обижался; приходилось только оставлять меня. Я вамъ обрисовалъ патрона. Барышня начинаетъ тяжелѣть; стоитъ послушать сказки, которыя сочиняются по этому поводу.

Я.—Вы не принадлежите къ ихъ сочинителямъ?

Онъ.—Отчего-же нѣтъ?

Я.—Да оттого, что, по меньшей мѣрѣ, неприлично насмѣхаться надъ своими благодѣтелями.

Онъ.—Да развѣ не хуже сослаться на свои благодѣянія для униженія того, кому благодѣтельствуютъ?

Я.—Но если благодѣтельствуемый не былъ-бы низокъ самъ по себѣ, то ничто-бы не побуждало къ тому покровителя.

Онъ.—Но если-бы эти личности не были смѣшны сами по себѣ, то не могли-бы сдѣлаться сюжетами забавныхъ сказокъ. И развѣ я виноватъ, что они знаютъ со злоучью? что имъ измѣняютъ, ихъ хлещутъ? Кто рѣшается жить въ обществѣ подобныхъ намъ людей, тому простой здравый смыслъ долженъ сказать, что его ожидаютъ всевозможныя мерзости. Когда берутъ насъ въ домъ, то развѣ не знаютъ, что мы за люди, что мы корыстолюбивы, подлы, коварны. Если-же насъ знаютъ, то и отлично. Между нами существуетъ тайное соглашеніе, въ силу котораго намъ будутъ дѣлать добро, а мы рано или поздно отплатимъ зломъ. Развѣ подобное соглашеніе не существуетъ между человѣкомъ и его обезьяной или попугаемъ? Ле Бренъ громко жалуется, что его сотрапезникъ и другъ Палиссо написалъ на него куплеты. Палиссо долженъ былъ сочинить куплеты и Ле Бренъ былъ не правъ. Пуонсинэ громко жалуется, что Палиссо приписалъ ему эти куп-

леты. Палиссо долженъ былъ приписать эти куплеты Пуонсинэ, и Пуонсинэ не правъ. Маленькій аббатъ Рей громко жалуется, что его пріятель Палиссо подтибрилъ у него любовницу, къ которой онъ его ввелъ; но не слѣдовало вводить къ своей любовницѣ человѣка, подобнаго Палиссо, или рѣшиться потерять ее, и аббатъ Рей не правъ. Книгопродавецъ Давидъ громко жалуется, что его компаніонъ Палиссо добился или хотѣлъ добиться милости его жены: жена книгопродавца Давида громко жалуется, что Палиссо всѣмъ и каждому даетъ понять то, чего не было; какъ-бы то ни было, Палиссо исполнилъ свою роль, и Давидъ и жена его сами виноваты. Гельвецій громко жалуется, что Палиссо выставилъ его въ одной пьесѣ, какъ человѣка не честнаго, когда тотъ-же Палиссо еще долженъ ему деньги, взятые на поправленіе своего здоровья, своего костюма и своей пищи; но развѣ могъ ожидать Гельвецій другаго рода поступковъ отъ человѣка, который замаралъ себя всякими низостями, который, ради развлеченія, убѣдилъ своего друга перемѣнить религію, захватываетъ имущества своихъ компаніоновъ, у котораго нѣтъ ни чести, ни совѣсти, ни чувства, который старается разбогатѣть *per fas et nefas*, считаетъ дни по числу совершенныхъ имъ подлостей и который самъ вывелъ себя на сцену самымъ опаснымъ мошенникомъ—безстыдство, которому, я полагаю, нѣтъ, не было и не будетъ другаго примѣра. Нѣтъ, тутъ виновать не Палиссо, а Гельвецій.)

Если юный провинціалъ, придя въ версальскій звѣринецъ, просунетъ руку за рѣшетку клѣтки тигра или пантеры и оставитъ ее въ пасти хищника, то кто въ этомъ виновать? Все это изложено въ молчаливомъ условіи; тѣмъ хуже для того, кто его не знаетъ или забываетъ. Въ силу этого всеобщаго и священнаго условія, сколько людей напрасно обвиняются въ злости, когда слѣдуетъ винить себя въ глупости. Да, толстая графиня, вы сами виноваты, когда собираете вокругъ себя людей, которыхъ вы называете отродьями и когда эти отродья дѣлаютъ вамъ разныя мерзости, заставляють васъ дѣлать мерзости

и навлекають на васъ негодованіе честныхъ людей. Честные люди дѣлають то, что должны дѣлать, отродья тоже; и вы сами виноваты, если ихъ принимаете. Еслибы Бертенъ жилъ тихо и смирно съ своей любовницей; еслибы, благодаря своей порядочности и честности, они познакомились-бы и съ людьми порядочными, еслибы собирали вокругъ себя людей талантливыхъ, людей, извѣстныхъ своими достоинствами; еслибы они посвящали маленькому обществу, избранному и просвѣщенному, тѣ часы, которые отнимають отъ наслажденія быть виѣстѣ, любить другъ друга, высказывать это въ тиши уединенія, то полагаете-ли вы, что стали-бы на нихъ выдумывать дурныя или хорошія басни? Что же съ ними случилось? то, чего они заслуживали; они наказаны за свою неосмотрительность и само Провидѣніе предназначило насъ воздавать должное современнымъ Бертенамъ, а нашихъ потомковъ одного съ нами отродья — Мезанжамъ и Бертенамъ будущаго. Но въ это время, какъ мы приводимъ въ исполненіе эти справедливыя приговоры Провидѣнія надъ глупостью, вы исполняете его справедливыя приговоры надъ нами, изображая насъ такими, каковы мы на самомъ дѣлѣ. Что подумали-бы вы о насъ, еслибы мы, несмотря на постыдные нравы, вздумали претендовать на всеобщее уваженіе? Что мы сѣумашедшіе. А ожидающіе порядочныхъ поступковъ отъ людей, родившихся порочными, съ характеромъ подлымъ и низкимъ, умны они? Все въ этомъ мірѣ получаетъ свое возмездіе. Существуетъ два генеральныхъ прокурора, одинъ у вашей двери, наказывающій преступленія противъ общества, другой—сама природа. Она знаетъ всѣ пороки, ускользящіе отъ кары закона. Вы развратничаєте, значитъ не избѣжите водянки; пьянствуете и наживаете чахотку: открываете свои двери бездѣльникамъ и живете среди нихъ, и будете преданы, осмѣяны, презираемы; самое лучшее подчиниться справедливости этихъ приговоровъ и сказать себѣ: по дѣломъ; надо или встряхнуть ушами и исправиться, или оставаться такимъ, каковъ есть, но на вышеупомянутыхъ условіяхъ.

Я.—Вы правы.

Онъ.—Впрочемъ, я самъ не выдумалъ ни одной изъ этихъ плохихъ сказокъ; я ограничиваюсь ролью переносчика. Рассказываютъ, что нѣсколько дней тому назадъ, около пяти часовъ утра, поднялась, вдругъ, страшная суматоха: всѣ звонки пришли въ движеніе; слышались прерывистые и глухіе крики человѣка, котораго душатъ: «ко мнѣ... ко мнѣ... я задыхаюсь... умираю...» Крики эти раздавались изъ помѣщенія патрона *).

Я.—Вы повѣса. Поговоримъ о другомъ. Съ самаго начала нашего разговора у меня вертится на губахъ одинъ вопросъ.

Онъ.—Зачѣмъ-же было вамъ его тамъ такъ долго удерживать?

Я.—Да я боюсь, не будетъ-ли онъ нескроменъ?

Онъ.—Послѣ всего того, что я вамъ откровенно высказалъ, не понимаю, какой секретъ могу я имѣть отъ васъ.

Я.—Вы не имѣете никакихъ сомнѣній насчетъ моего мнѣнія о вашемъ характерѣ?

Онъ.—Никакихъ; въ вашихъ глазахъ я существо весьма гнусное, весьма презрѣнное, я бываю такимъ и въ своихъ собственныхъ, но рѣдко; чаще я горжусь своими пороками, чѣмъ порицаю; вы постоянно въ своемъ презрѣніи!

Я.—Правда; но зачѣмъ вамъ выказывать вашу низость?

Онъ.—Во-первыхъ, наиблаженнѣйшая ея часть вамъ уже извѣстна, а во-вторыхъ, я считалъ выгоднѣе для себя признаться вамъ въ другой.

Я.—Объясните, пожалуйста, почему-же?

Онъ.—Если важно быть великимъ въ чемъ-либо, такъ ужъ, конечно, въ злѣ. На мелкаго мошенника всѣ плюютъ, но нельзя отказать въ нѣкоторомъ уваженіи великому преступнику: его мужество васъ удивляетъ; его чудовищность заставляетъ васъ содрагаться. Во всемъ цѣните цѣльность характера.

Я.—Но вы, кажется, еще не достигли до этой почтенной цѣльности характера; я нахожу, что вы, иногда,

*) Пропускаемъ довольно скабранный анекдотъ.

колеблетесь въ своихъ принципахъ: трудно рѣшить, получили-ли вы ваши дурныя свойства отъ природы или приобрѣли ихъ путемъ изученія и довело-ли засѣ это изученіе до возможнаго совершенства.

Онъ.—Согласенъ; но я не жалѣлъ на это трудовъ. Не былъ-ли я настолько скромнѣе, чтобы признать нѣкоторыхъ людей совершеннѣе себя? Не говорилъ-ли я вамъ о Буре съ самымъ глубокимъ восхищеніемъ? Для меня Буре первый человѣкъ въ мірѣ.

Я.—Но непосредственно вслѣдъ за Буре, вы сами?

Онъ.—Нѣтъ.

Я.—Значить, Палиссо?

Онъ.—Палиссо, но не онъ одинъ.

Я.—Кто-же удостоился стать съ нимъ во второмъ ряду?

Онъ.—Авиньонскій ренегатъ.

Я.—Я никогда не слыхалъ объ этомъ Авиньонскомъ ренегатѣ, но, должно быть, это удивительный человѣкъ.

Онъ.—Онъ, дѣйствительно, таковъ.

Я.—Меня всегда интересовала исторія великихъ людей.

Онъ.—Еще-бы. Онъ жилъ у одного изъ добрыхъ и честныхъ потомковъ Авраама, обѣщанныхъ патріарху вѣрующихъ въ количествѣ, равнымъ количеству звѣздъ.

Я.—У еврея?

Онъ.—У еврея. Сначала онъ выжалъ состраданіе къ себѣ, потомъ расположеніе, наконецъ, самое полное довѣріе: вѣдь, такъ всегда случается: мы такъ много разсчитываемъ на свои благодѣянія, что рѣдко скрываемъ свои тайны отъ того, кого мы осыпаемъ своими милостями; возможно-ли не быть неблагодарнымъ, когда мы сами подвергаемъ человѣка соблазну быть имъ безнаказанно? Это то вѣрное замѣчаніе и не пришло въ голову нашему еврею. Онъ повѣдалъ ренегату, что совѣсть запрещаетъ ему ѣсть свинину. Вы сейчасъ увидите, какую пользу счумѣлъ извлечь изъ этого признанія плодовитый умъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, впродолженіи которыхъ нашъ ренегатъ сдѣлался вдвое услужливѣе; наконецъ, когда онъ убѣдился, что его еврей былъ совсѣмъ очарованъ,

побѣжденъ, вполне убѣжденъ, что не имѣетъ лучшаго друга во всѣхъ колѣнахъ Израиля... Восхищайтесь осмотрительностью этого человѣка! онъ не торопится; онъ даетъ грушѣ время дозрѣть и не трогаетъ вѣтку; слишкомъ большая горячность могла-бы испортить все дѣло. Дѣло въ томъ, что величіе характера зависитъ отъ природнаго равновѣсія нѣсколькихъ противоположныхъ качествъ.

Я.—Оставьте при себѣ свои размышленія и продолжайте вашу исторію.

Онъ.—Это невозможно; бываютъ дни, когда я долженъ разсуждать; это такая болѣзнь, которую надо предоста-вить своему ходу. На чемъ я остановился?

Я.—Но установившейся дружбѣ между евреемъ и ренегатомъ.

Онъ.—То его груша созрѣла... Но вы меня не слушаете, о чемъ вы думаете?

Я.—О неровности вашего тона: то вы его повышаете, то понижаете.

Онъ.—Развѣ тонъ человѣка порочнаго можетъ быть ровень? И такъ, однажды, вечеромъ, онъ вбѣгаетъ къ своему другу совсѣмъ разстроенный, голосъ его прерывается лицо блѣдно какъ смерть, руки и ноги дрожатъ.

«Что съ вами?

— Мы пропали.

— Пропали, какимъ образомъ?

— Пропали, говорю вамъ, совсѣмъ пропали.

— Объяснитесь.

— Сейчасъ, дайте мнѣ оправиться отъ испуга.

— Оправьтесь, оправьтесь, говорить ему еврей вмѣсто того, чтобы сказать: «ты отъявленный плутъ, не знаю, что ты мнѣ скажешь, но ты отъявленный плутъ и представляешься испуганнымъ».

Я.—Отчего-же онъ долженъ былъ такъ сказать ему?

Онъ.—Оттого, что онъ притворялся и махнулъ черезъ край, это для меня совершенно ясно и болѣе не прерывайте меня. «Мы пропали... пропали!.. безвозвратно пропали!» Развѣ вы не чувствуете лживости этихъ про-

пали, столько разъ повторяющихся?... «Какой-то предатель донесъ на насъ святой Инквизиціи, на васъ какъ на еврея, на меня какъ на ренегата, какъ на подлаго ренегата...» Замѣтите, что этотъ негодяй, не краснѣя употребляетъ самыя низкія выраженія. Надо имѣть болѣе храбрости, чѣмъ думаютъ, чтобы называть себя настоящимъ именемъ; вы не знаете, чего стоитъ дойти до этого.

Я.—Нѣтъ, разумѣется. Но этотъ подлый ренегатъ...

Онъ.—Онъ притворялся, но притворялся очень неловко. Еврей пугается, рветъ себѣ бороду, катается по полу, онъ уже видитъ сыщиковъ у своихъ дверей, ему кажется, что на него уже надѣли платье приговоренныхъ къ казни и что готовятъ для него костеръ. «Мой другъ, мой нѣжный другъ, мой единственный другъ, скажите, что намъ дѣлать?»

— Что дѣлать? вездѣ показываться, выказывать полное спокойствіе, вести себя какъ обыкновенно. Процедура этого суда тайная, но медленная; надо воспользоваться ея медленностью, чтобы все продать. Я найму или поручу нанять корабль; да, удобнѣе будетъ это сдѣлать черезъ третье лицо; мы сложимъ на него ваше имущество, потому что, главнымъ образомъ, имъ надо ваше состояніе, и мы съ вами отправимся искать подъ другимъ небомъ свободы служить нашему Богу и безопасно слѣдовать закону Авраама и нашей совѣсти. При настоящемъ опасномъ положеніи самое главное—опасаться оплошности.

Сказано—сдѣлано. Корабль нанять, снабженъ припасами и матросами, имущество еврея перенесено на бортъ завтра на разсвѣтъ они снимаются съ якоря и могутъ весело поужинать и спокойно выспаться, завтра они ускользнутъ отъ своихъ преслѣдователей. Ночью ренегатъ встаетъ, обираетъ у еврея его портфель, кошелекъ и брилліанты, идетъ на корабль и отчаливаетъ... И вы полагаете, что это все? вотъ еще! не тутъ-то было! Когда мнѣ рассказывали эту исторію, я угадалъ то, что умолчалъ теперь, чтобы испытать вашу проницательность. Вы хо-

рошо сдѣлали, что пошли по честной дорогѣ, изъ васъ-бы вышелъ только мелкій мошенникъ. До сихъ поръ ренегатъ не болѣе, какъ такой мошенникъ, презрѣнный плутъ, на котораго никто-бы не пожелалъ походить. Все величіе его продѣлки заключается въ томъ, что онъ самъ-же донесъ на своего добраго друга еврея, котораго святая Инквизиція схватила на другой день при его пробужденіи и котораго черезъ нѣсколько дней сожгли на кострѣ. Вотъ, такимъ-то образомъ ренегатъ спокойно завладѣлъ состояніемъ этого проклятаго потомка распявшихъ нашего Спасителя.

Я.— Не знаю, кто возбуждаетъ во мнѣ болѣе сильное отвращеніе, злодѣйство-ли вашего ренегата или тонъ съ которымъ вы о немъ говорите.

Онъ.— Вотъ именно, то, что я вамъ говорилъ: чудовищность поступка переноситъ васъ за предѣлы презрѣнія и вотъ причина моей искренности. Я хотѣлъ, чтобы вы знали до какого совершенства я дошелъ въ своемъ искусствѣ, я хотѣлъ вырвать у васъ признаніе, что я по крайней мѣрѣ оригиналенъ въ своей низости, поставитъ себя въ вашемъ мнѣніи на ряду съ великими негодяями и затѣмъ воскликнуть: *Vivat Mascarillus, furbum imperator!* Ну-же, веселѣе, господинъ философъ, воскликнемъ вмѣстѣ: *vivat Mascarillus, furbum imperator!*

Затѣмъ, онъ запѣлъ фугой что-то совсѣмъ необыкновенное; мелодія была то серьезна и полна величія, то легка и шаловлива; онъ пѣлъ то басомъ, то переходилъ къ одной изъ высокихъ партій; своими руками и вытянутой шеей онъ мнѣ указывалъ на мѣста, требующія поддержки. Онъ сочинилъ себѣ и самъ-же выполнялъ какую-то торжественную пѣснь, изъ которой можно было заключить, что хорошая музыка ему болѣе извѣстна, чѣмъ хорошіе нравы.

Я самъ не зналъ, слѣдовало-ли мнѣ оставаться или бѣжать, смѣяться или негодовать; я остался, надѣясь навести разговоръ на что-нибудь, что бы освободило душу мою отъ ужаса, которымъ она была переполнена. Я начиналъ съ трудомъ выносить присутствіе человѣка, раз-

бравшаго чудовищный поступокъ, отвратительное преступленіе, какъ любитель живописи или поэзіи разбираетъ красоты художественнаго произведенія, или какъ моралистъ или историкъ превозноситъ и во всемъ блескъ раскрываетъ героическій подвигъ. Я невольно сдѣлся мраченъ; онъ это замѣтилъ и сказалъ мнѣ:

Онъ.—Что съ вами? Вы не хорошо себя чувствуете?

Я.—Немного; но это пройдетъ.

Онъ.—У васъ озабоченный видъ человѣка, котораго мучить какая-то мрачная мысль.

Я.—Это такъ и есть...

Послѣ минутнаго молчанія, во время котораго онъ ходилъ по комнатѣ, что то насвистывая, я сказалъ ему, желая свести разговоръ на его талантъ.

Я.—Чѣмъ вы теперь занимаетесь?

Онъ.—Ничѣмъ.

Я.—Это очень утомительно.

Онъ.—Я уже былъ достаточно глупъ, чтобы слушать эту музыку Дюни и нашихъ другихъ молодыхъ композиторовъ, и это меня окончательно погубило.

Я.—Вы, значитъ, одобряете этотъ родъ?

Онъ.—Конечно.

Я.—И вы находите красоту въ этомъ новомъ пѣніи?

Онъ.—Нахожу-ли! еще-бы! какой речитативъ! какая правда! сколько выраженія!

Я.—Всякое подражательное искусство имѣетъ свой образецъ въ природѣ: что воспроизводитъ композиторъ, сочиняя пѣсню?

Онъ.—Отчего не разсмотрѣть вещи съ самаго ихъ источника? Что такое пѣсня?

Я.—Каюсь, что этотъ вопросъ выше моего пониманія. Вотъ мы все таковы: мы запоминаемъ только слова, думая, что ихъ понимаемъ, потому что часто ими пользуемся и даже кстати ихъ примѣняемъ; но въ умѣ сколько неясныхъ понятій! Произнося слово пѣсня у меня о ней столько-же неясное понятіе, какъ у большинства вамъ подобныхъ о репутаціи, порицаніи, че-

сти, добродѣтели, стыдливости, приличіи, позорѣ, ненависти.

Онъ.—Пѣніе—это подражаніе физическому шуму или голосу страсти, подражаніе, внушенное самой природой или придуманное искусствомъ, воспроизводимое голосомъ или инструментомъ, и вы видите, что немного измѣнивъ это опредѣленіе, оно одинаково подойдетъ къ живописи, краснорѣчію, скульптурѣ и поэзии. Теперь возвращусь къ вашему вопросу: какой, именно, образецъ въ природѣ беретъ музыкантъ или пѣвецъ? Декламація—образецъ живой и думающей; шумъ, если онъ неодушевленный. На декламацию надо смотрѣть, какъ на одну линію, а на пѣніе какъ на другую, изливающуюся по первой. Чѣмъ болѣе декламація, тотъ прототипъ пѣнія, будетъ сильнѣе и правдивѣе, тѣмъ въ большемъ количествѣ будетъ ее пересѣкать пѣніе; чѣмъ пѣніе будетъ естественнѣе, тѣмъ оно будетъ превосходнѣе, и это отлично поняли наши молодые музыканты. Когда вы слышите: *Je suis un pauvre diable*, вы сейчасъ узнаете, въ этомъ жалобу скупца; еслибы онъ не пѣлъ, то, повѣряя землѣ свое золото, сталъ-бы говорить ей въ томъ-же тонѣ: *O terre, reçois mon trésor*. А эта дѣвочка, прислушивающаяся къ біенію своего сердца, краснѣющая, смущенная и умоляющая его сіятельство отпустить ее, развѣ-бы она выразилась иначе? Во всѣхъ этихъ вещахъ есть всякаго рода характеры, безконечное разнообразіе декламации: это высоко, увѣряю васъ. Сходите послушать, какъ молодой человѣкъ, чувствуя приближеніе смерти, восклицаетъ: *mon cœur s'en va!* Прослушайте пѣніе, прослушайте симфонию, и вы мнѣ потомъ скажете есть-ли разница между настоящимъ голосомъ умирающаго и этимъ пѣніемъ и вы увидите, не совпадетъ-ли вполнѣ черта мелодіи съ чертою декламации. Я вамъ не говорю о тактѣ, который составляетъ одно изъ условій пѣнія; ограничиваюсь одной экспрессіей и нѣтъ ничего справедливѣе, какъ мысль, гдѣ-то мною вычитанная: *Musices seminarium accentus*, удареніе есть питомникъ мелодіи. Изъ этого можете судить, какъ трудно и какъ важно умѣть хорошо сочинять

речитативъ. Нѣтъ такой прекрасной аріи, изъ которой нельзя было-бы сдѣлать прекраснаго речитатива, и нѣтъ такого речитатива, котораго человѣкъ искусный не превратилъ-бы въ прекрасную арію. Я вовсе не хочу васъ увѣрить, что кто хорошо читаетъ, тотъ и хорошо поетъ; но я очень удивлюсь, если человѣкъ, хорошо поющій, не сдумѣетъ хорошо прочесть. Повѣрьте,—все, что я вамъ теперь говорю—сущія правда.

Я.—Я-бы очень желалъ вамъ вѣрить, еслибы меня не удерживало одно маленькое затрудненіе.

Онъ.—Что такое?

Я.—Если эта музыка такъ высока, то, значить, музыка божественнаго Люлли, Кампра, Детуша, Муре и даже, говоря между нами, также и милаго дядюшки, должна быть нѣсколько пошлой.

Онъ.—Нагнувшись къ моему уху. Я не желалъ-бы, чтобы меня слышали, потому что здѣсь многіе знаютъ меня; дѣло въ томъ, что она дѣйствительно такова. Я вовсе не боюсь милаго дядюшки, какъ вы его называете; это просто камень; я-бы могъ на его глазахъ вытянуть на футъ языкъ отъ жажды и онъ не подалъ-бы мнѣ стакана воды; но какъ бы онъ ни выдѣлывалъ при октавѣ, при септимѣ *hon, hon; hin, hin, tu, tu, tu, turlututu* съ дьявольскимъ шумомъ, но всѣ начинающіе кое-что понимать и не принимающіе шумъ за музыку, никогда съ этимъ не примирятся. Именнымъ приказомъ слѣдовало-бы запретить всякому, къ какому-бы классу общества онъ ни принадлежалъ, заставлять пѣть *Stabat Perголеза*. Этотъ *Stabat* надо было-бы сжечь рукою палача. Право, эти проклятые шуты съ своей *Servante Maîtresse*, своимъ *Tracallos*, намъ порядкомъ напакостили. Прежде *Tancrède, Issè, Europe galante, les Jndes, Castor, les Talents lyriques* давались по четыре, пяти, шести мѣсяцевъ; не дожدهшься, бывало, конца представленія *Армиды*; теперь все это на васъ валится одно за другимъ, точно картонныя куклы. Оттого-то Ребель и Франкеръ мечутъ громъ и молнію. Они говорятъ, что все потеряно, что они раззорены, и

что если будутъ еще дальще терпѣть эту поющую ярмарочную сволочь, то національная музыка пойдетъ къ черту, а королевская академія можетъ закрывать свою лавочку. Въ этомъ есть нѣкоторая доля правды. Старые парики, которые лѣтъ тридцать или сорокъ являются туда каждую пятницу, вмѣсто прежняго удовольствія находятъ тамъ одну скуку, зѣваютъ весь вечеръ, сами не зная отчего; спрашиваютъ себя и не знаютъ, что отвѣчать. Отчего они не обратятся ко мнѣ! пророчество Дюни исполнится и я готовъ умереть, если черезъ четыре или пять лѣтъ послѣ появленія *Reintre amoureaux de son modele*, хоть кошка зайдетъ въ знаменитый переулокъ! Милашки! они отказались отъ своихъ симфоній и принялись разыгрывать итальянскія. Они думали, что если и приучать къ нимъ свой слухъ, то это нисколько не отразится на ихъ вокальной музыкѣ, какъ будто симфонія, смотря по размѣру инструмента и подвижности пальцевъ, за немногимъ исключеніемъ, не также относится къ пѣнію, какъ пѣніе къ настоящей декламациі! Какъ будто скрипка не подражаетъ пѣвцу, который, въ свою очередь, когда трудное займетъ мѣсто прекраснаго, не будетъ подражать скрипкѣ! Первый, начавшій играть Локатели, былъ апостоломъ новой музыки. Насъ приучать къ подражанію голосу страсти или звукамъ самой природы, посредствомъ пѣнія, голоса или инструмента, чѣмъ и ограничивается вся область музыки и что мы все-таки будемъ находить прежнюю прелесть въ воровствѣ, въ пикахъ, въ славѣ, триумфахъ и побѣдахъ! Вотъ выдержали! Вообразили, что можно въ одно время плакать или смѣяться, въ комедіи или трагедіи, слушать звуки гнѣва, ненависти, ревности, правдивый и истинный голосъ любви, насмѣшки и шутки итальянскихъ и французскихъ драматурговъ и по прежнему, восхищаться *Ragonde* или *Platé*, что возможно безпрестанно чувствовать, съ какой легкостью, гибкостью, мягкостью, гармоніей, просодіей, эллипсисомъ итальянскій языкъ подходитъ къ искусству, движенію, экспрессіи, оборотамъ и размѣрамъ пѣнія, и все таки не знать, насколько ихъ

языкъ неповоротливъ, глухъ, тяжелъ, педантиченъ и монотоненъ. Да, да, они убѣдили себя, что послѣ того какъ они прольютъ слезы вмѣстѣ съ несчастной матерью, рыдающей надъ трупомъ своего сына, или послѣ ужаса, вызваннаго въ нихъ деспотомъ, приказывающимъ совершить убійство, они, по прежнему, станутъ восхищаться своими феріями, своей глупѣйшей мифологіей, своими маленькими слащавыми мадригалами, столь же доказывающими дурной вкусъ поэта, какъ и жалкое состояніе искусства, которое съ этимъ уживается. Милашки! да вѣдь это невозможно. Истинное, доброе, прекрасное имѣютъ свои права: ихъ оспариваютъ, но, наконецъ, ими восхищаются: все-же, что этимъ не отмѣчено, вызываетъ только восхищеніе временное, и затѣмъ одну скуку и зѣвоту. Зѣвайте-же, господа, зѣвайте сколько угодно, не стѣсняясь. Царство природы и моей троицы потихоньку упрочивается и двери ада останутся передъ нимъ безсильными: троица состоитъ изъ истины—отца, порождающаго добро, т. е. сына, изъ котораго исходитъ прекрасное, т. е. духъ святой. Чужеземный богъ смиренно становится на алтарь, рядомъ съ туземнымъ идоломъ, мало-по-малу упрочивается; въ одинъ прекрасный день онъ толкнетъ своего товарища и трахъ! идолъ на полу. Говорятъ, что іезуиты такимъ образомъ вводили христіанство въ Индію и Китаѣ; что-бы ни говорили объ іезуитахъ, но этотъ способъ, ведущій къ цѣли безъ шума, безъ пролитія крови, безъ мучениковъ, которой не вырвалъ ни одного волоска, кажется мнѣ самый лучшій.

Я.—Почти во всемъ, что вы говорите, есть много вѣрнаго.

Онъ.—Вѣрнаго? тѣмъ лучше. Чортъ-бы меня побралъ, если я этого хоть сколько нибудь добивался. Это выходитъ само собою. Я похожъ на тѣхъ музыкантовъ изъ переулка, когда появляется мой милый дядя. Если я попадаю ловко, тѣмъ лучше. Дѣло въ томъ, что всякій угольщикъ будетъ лучше говорить о своемъ ремеслѣ, чѣмъ цѣлая академія и всѣ Дюгамели на свѣтѣ.

И вдругъ онъ принялся расхаживать взадъ и впередъ по комнатѣ, напѣвая аріи изъ *l'Île des Fous*, *Peintre amoureux de son modèle*, *Maréchal ferrant*, *la Plaideuse*, повременамъ вскрикивая, поднимая руки къ небу: «Ну, не прекрасно ли это? не прекрасно ли? Какъ можно, имѣя пару ушей, задавать подобный вопросъ?» Онъ начиналъ воодушевляться, запѣлъ сначала тихо и возвышалъ голосъ по мѣрѣ того, какъ воодушевление увеличивалось; затѣмъ явились жесты, гримасы на лицѣ и судороги въ тѣлѣ; я сказалъ себѣ: «Пошло! разсудокъ помрачается и готовится какая-нибудь новая сцена...»

Дѣйствительно, онъ, вдругъ разразился громкимъ голосомъ: «*Jesuis un pauvre diable. Monseigneur, monseigneur, laissez moi partir. O terre!... reçois mon or, conserve bien mon trésor, mon âme, ma vie! O terre!.. Le voilà le petit ami, le voilà le petit ami! Aspettare e non venire... A Zerbina penserete Sempre in contrasti con te si sta...*» Онъ перемѣшивалъ до тридцати аріи итальянскихъ, французскихъ, комическихъ, трагическихъ, всевозможныхъ характеровъ. То съ баритона онъ спускался до самой преисподни, то дралъ себѣ горло, передразнивая фальцетъ и раздражался громкими криками, изображая походкой, манерами, жестами различныхъ пѣвцевъ, попеременно свирѣпый, смягченный, повелительный, хохочущій. Вотъ молодая, плачущая дѣвушка и онъ передаетъ всѣ ея мины; тамъ, священникъ, король, деспотъ; онъ угрожаетъ, повелѣваетъ, сердится; затѣмъ онъ рабъ; тогда онъ повинуется, успокаивается, скорбитъ, жалуется, смѣется; но никогда не детонируетъ, не выходитъ изъ такта, смысла, словъ и характера аріи.

Всѣ шахматные игроки оставили свои деревьяшки и окружили его; окна кафе наполнились зрителями, привлеченными его крикомъ. Отъ раскатовъ хохота дрожалъ потолокъ. Онъ продолжалъ, не замѣчая ничего, что вокругъ него происходило, точно пораженный умопомѣшательствомъ, восторгомъ, столь близкимъ къ безумію, что ка-

залось сомнительнымъ, чтобы онъ пришелъ совсѣмъ въ себя и чтобы не пришлось бросить его въ фіакръ и вести прямо въ сумасшедшій домъ, пока онъ будетъ распѣвать обрывки *Lamentations* Жомелли. Отчетливо, вѣрно и невѣроятно горячо передавалъ онъ лучшія мѣста изъ каждаго отрывка; прекрасный речитативъ, въ которомъ пророкъ обрисовываетъ отчаяніе Іерусалима, онъ сказалъ, обливаясь потокомъ слезъ, которыя вызвали ихъ изъ всѣхъ глазъ. Тутъ было все, и изящество пѣнія, и сила выраженія, и горе. Онъ упиралъ на мѣста, въ которыхъ музыкантъ особенно выказалъ свое великое мастерство. Оставляя партитуру пѣнія, онъ переходилъ къ инструментамъ, которые тоже внезапно бросалъ, чтобы вернуться къ первой, переплетая одну съ другой такъ, чтобы сохранить связь и единство цѣлаго; завладѣвъ нашими душами, онъ держалъ ихъ въ такомъ натянутомъ, странномъ состояніи, котораго я еще никогда не испытывалъ. Восхищался-ли я? Да, восхищался. Растрогалъ ли онъ меня? да, растрогалъ, но ко всѣмъ этимъ чувствамъ примѣшивался оттѣнокъ смѣшнаго и ихъ обезображивалъ.

Но вы-бы разразились страшнымъ хохотомъ, видя, какъ онъ передразнивалъ различные инструменты; надутыя щеки и хриплый и мрачный звукъ голоса изображалъ фаготъ и волторну; для гобоевъ онъ бралъ блестящій и носовой звукъ; съ невѣроятной быстротой ускорялъ онъ темпъ голоса для струнныхъ инструментовъ, отыскивая наиболѣе подходящія къ нимъ звуки; онъ свистѣлъ въ маленькія флейты, кричалъ, пѣлъ, извивался, какъ бѣсноватый, одинъ изображая танцоровъ, танцовщицъ, пѣвцовъ, пѣвицъ, цѣлый оркестръ, цѣлый лирическій театръ, изображая до двадцати различныхъ ролей; бѣгалъ, останавливался, точно помѣшанный, съ сверкающими глазами и пѣной на губахъ.

Жара была страшная и потъ, катившійся съ его лба и щекъ, примѣшивался къ пудрѣ его волосъ и смачивалъ его платье. Что онъ только не выдѣлывалъ? Плакалъ, смѣялся, вздыхалъ, казался то растроганнымъ, то спокойнымъ, то разъяреннымъ; онъ изображалъ женщину, видѣ себя

отъ боли, за тѣмъ бѣдняка въ полномъ отчаяніи; воздвигающійся храмъ, птицъ, замолкающихъ при заходящемъ солнцѣ; воды, журчащія въ уединенномъ и прохладномъ уголкѣ или потокъ, свергающійся съ вершины горъ, грозу, бурю, жалобы погибающихъ, смѣшивающіяся со свистомъ вѣтра и раскатами грома. То была ночь съ ея мракомъ и безмолвіемъ, такъ какъ и безмолвіе рисуется звуками. Онъ совсѣмъ потерялъ голову.

Въ полномъ изнеможеніи, точно очнувшись отъ глубокаго сна или придя въ себя послѣ долгой задумчивости, онъ оставался неподвижнымъ, оцѣпенѣвъ отъ удивленія; онъ осматривался кругомъ, какъ человѣкъ, который заблудился и старается узнать, гдѣ онъ; онъ ждалъ возвращенія своихъ силъ и машинально вытиралъ лицо. Какъ человѣкъ, при пробужденіи увидѣвшій свою кровать окруженною толпою людей, онъ вскричалъ въ полномъ невѣденіи или забвеніи того, что онъ сдѣлалъ: «Что случилось, господа?... Чему вы смѣетесь и удивляетесь? Что случилось?..» Затѣмъ прибавилъ: «Вотъ, что называется музыкой и музыкантомъ! Однако, господа, не надо презирать нѣкоторыхъ арій Люлли. Пусть-ка кто попробуетъ лучше его написать сцену *J'attendrai l'aurore*. Не измѣняя словъ держу пари, ни за что не написать. Не слѣдуетъ также презирать нѣкоторыхъ мѣстъ Кампра, арій для скрипки моего дяди, его гавотовъ, его музыки на шествіе солдатъ, священниковъ, жрецовъ. *Pales flâmbeaux, Jour plus affreux que les ténèbres. Dieu du tartare, Dieu de l'oubli*. (Тутъ онъ изъ всѣхъ силъ началъ вытягивать ноты; сосѣди подходили къ окнамъ, мы затыкали пальцами уши. Онъ прибавилъ:) Дѣло въ томъ, что для этого нужны легкія, большой голосъ, много воздуха. Но въ скоромъ времени, прощайте *l'Assomption, le Carême и les Rois*. Они еще не знаютъ, что надо перекладывать на музыку и, слѣдовательно, что свойственно музыканту. Лирическая поэзія еще не родилась; но они дойдутъ до нея, слушая Пергалезе, Саксонца, Терраделіаса, Траетта и другихъ; читая Метастаза, поневолѣ придешь къ ней.

Я. — Какъ! развѣ Кино, Ла-Мотъ, Фантенелль ничего въ ней не понимали?

Онъ. — Нѣтъ, что касается до новаго стиля. Въ ихъ прекрасныхъ поэмахъ не найдется и шести стиховъ къ ряду, которые-бы можно было положить на музыку. Это остроумныя сентенціи, мадригалы легкіе, нѣжныя, изящныя. Но чтобы убѣдиться, до какой степени они не примѣнимы къ нашему искусству, самому требовательному изъ всѣхъ, не исключая и искусства Демосоена, заставьте ихъ себѣ прочесть; они вамъ покажутся холодными, длинными, монотонными. Это оттого, что тамъ нѣтъ ничего, что могло-бы служить образцомъ для пѣнія; тоже самое, если-бы положить на музыку пословицы Ла-Рошфуко или мысли Паскаля. Только животный крикъ страсти годится для насъ: эти проявленія должны быстро слѣдовать одно за другимъ; фраза должна быть коротка, смыслъ ея отрывистъ, чтобы музыкантъ могъ располагать цѣлымъ и каждой изъ его частей, пропускать одно слово, или повторять его, вставлять то, котораго ему недостаетъ, вертѣть и переворачивать фразу, какъ полиль, не уничтожая ея; оттого-то французская лирическая поэзія гораздо труднѣе поэзіи языковъ, допускающихъ эту перестановку словъ, отчего всѣ эти преимущества являются сами собою. *Barbare, cruel, plonge ton poignard dans mon sein; me voilà prête à recevoir le coup fatal; frappe, ose... Ah! je languis, je meurs... Un feu secret s'allume dans mes sens... Cruel amour, que veut tu de moi?... Laisse moi la douce paix dont j'ai joui... Prends moi la raison...* Надо, чтобы страсти были сильны; нѣжность музыканта и лирическаго поэта должна быть чрезмѣрна... арія почти всегда заключаетъ сцену. Намъ нужны восклицанія, остановки, прерыванія, утвержденія, отрицанія; мы призываемъ, умоляемъ, кричимъ, стонемъ, плачемъ, искренно смѣемся. Не нужно ни ума, ни эпиграммъ, ни красивыхъ мыслей; все это слишкомъ далеко отъ простой природы. Не воображайте, что игра актеровъ и ихъ декламация могутъ служить намъ образцомъ. Вотъ еще! Намъ

нужны образцы болѣе энергичные, менѣе жеманные, болѣе правдивые; простая рѣчь, обыкновенный голосъ страсти тѣмъ для насъ необходимѣе, чѣмъ языкъ монотоннѣе, чѣмъ онъ бѣднѣе удареніями; крикъ животнаго или страстнаго человѣка придаетъ...

Пока онъ говорилъ все это, окружающая насъ толпа понемногу разошлась или ничего не понимая, или не интересуясь тѣмъ, что онъ говорилъ, ибо, ребенокъ, какъ и взрослый, взрослый и ребенокъ предпочитаютъ забаву поученію. Всѣ принялись за свою игру и мы остались одни въ своемъ углу. Сѣвъ на скамейку, онъ прислонилъ голову къ стѣнѣ, свѣсивъ руки, полузакрывъ глаза и сказалъ мнѣ:

Онъ.—Не знаю, что со мною случилось: придя сюда, я былъ свѣжъ и бодръ, и вотъ теперь я подавленъ, разбитъ, словно прошелъ десять верстъ: это вдругъ нашло на меня.

Я.—Не хотите-ли чѣмънибудь освѣжиться?

Онъ.—Охотно. Я чувствую себя охрипшимъ, обезсиленнымъ; у меня немного болитъ грудь. Это со мной случается почти ежедневно, самъ не знаю отчего.

Я.—Что вамъ угодно?

Онъ.—Мнѣ все равно; я не взыскателенъ; нищета приучила меня быть всѣмъ довольнымъ.

Намъ подали пива, лимонаду; онъ выпилъ два или три большихъ стакана; затѣмъ, какъ человѣкъ, возстановившій свои силы, онъ откашлялся, вытянулся и продолжалъ:

Онъ.—Не кажется-ли вамъ страннымъ, господинъ философъ, что иностранецъ, итальянецъ, какой-нибудь Дюни, является учить насъ придавать удареніе нашей музыкѣ и приспособлять наше пѣніе ко всевозможнымъ движеніямъ, тактамъ, интерваламъ, ко всѣмъ декламаціямъ, не искажая при этомъ просодіи? Однако, вѣдь это не было такъ трудно. Кто только слышалъ нишаго, просящаго на улицѣ милостыню, или мужчину въ порывѣ гнѣва, женщину ревнивую и разъяренную, любовника въ отчаяніи, льстеца, да, льстеца, смягчающаго тонъ, растягивающаго слова

медовымъ голосомъ, однимъ словомъ какую-бы то ни было страсть, только-бы по своей силѣ она заслуживала служить образцомъ музыканту, тотъ долженъ былъ замѣтить двѣ вещи: первую—что слоги длинные или короткіе не имѣютъ никакой опредѣленной продолжительности, даже никакого опредѣленнаго отношенія между своей продолжительностью; что страсть распоряжается просодіей, почти какъ ей угодно; что она выполняетъ почти самые большіе интервалы и что вскрикивающій въ самомъ сильномъ порывѣ горя: «О! что я за несчастный!» поднимаетъ слогъ восклицанія на самый высокій и на самый рѣзкій тонъ, а другіе спускаетъ на тонъ болѣе серьезный и низкій, дѣлая октаву или даже еще большій интервалъ и придавая каждому звуку тактъ, подходящій къ мелодіи, причемъ ухо нисколько не страдаетъ, и длинный слогъ, какъ и короткий не сохраняютъ ни длину, ни краткость спокойной рѣчи. Какой путь прошли мы съ тѣхъ поръ, какъ приводили точно чудо музыкальной декламации вводное предложеніе изъ *Armide*: *Le vainqueur de Renaud si quelqu'un le peut être... l'Obeissonssans balancer...* изъ *Indes galantes*! Теперь подобныя чудеса заставляютъ меня пожимать плечами отъ жалости. Судя по быстротѣ, съ которой идетъ впередъ искусство, я не знаю до чего оно дойдетъ. Пока выпьемъ по стакану.

Онъ выпилъ два, три стакана, самъ не зная что дѣлаетъ. Теперь онъ-бы также потопилъ себя, какъ прежде изнурялъ, не замѣчая этого, если-бы я не переставилъ бутылки, которую онъ искалъ по разсѣянности. Тогда я сказалъ ему:

Я.—Какимъ образомъ, при такомъ тонкомъ вкусѣ, при столь сильно развитой чувствительности къ красотамъ музыки, вы такъ слѣпы къ красотамъ нравственнымъ, такъ нечувствительны къ прелестямъ добродѣтели?

Онъ.—Вѣроятно оттого, что для этого требуется чувство, котораго у меня нѣтъ, требуется особая фибра, которой мнѣ не дано, а если и дано, то она такъ слаба и вяла, что, какъ ее не щипли, она не задрожитъ;

можетъ быть и оттого, что я всегда жилъ среди хорошихъ музыкантовъ и дурныхъ людей, отчего слухъ мой сдѣлался очень тонкимъ, а сердце глухимъ. Кромѣ того, тутъ есть кое-что родовое. Кровь моего отца тоже, что и кровь дяди; моя кровь тоже, что и моего отца: отцовское сѣмячко было жестко и грубо, а это проклятое первое сѣмячко поглотило все.

Я. — Любите вы вашего ребенка?

Онъ. — Еще-бы не любить этого маленькаго дикаря! я безъ ума отъ него.

Я. — Неужели вы серьезно не займетесь тѣмъ, чтобы остановить въ немъ дѣйствіе проклятаго отцовскаго сѣмени?

Онъ. — Полагаю, что мой трудъ будетъ совсѣмъ бесполезенъ. Если ему предназначено сдѣлаться порядочнымъ человѣкомъ, то оно ему не повредитъ; но, если сѣмячко захочетъ, чтобы онъ сдѣлался такимъ-же негодяемъ, какъ и его отецъ, то мои старанія, сдѣлать изъ него человѣка честнаго, сильно ему повредятъ. Направленіе воспитанія, будетъ безпрестанно встрѣчаться съ направленіемъ сѣмячка, онъ очутится между двухъ противоположныхъ силъ и онъ-бы пошелъ по стезѣ жизни зигзагами, какъ это дѣлаетъ безконечное множество людей, столь-же неловкихъ въ добрѣ, какъ и въ злѣ. То, что мы называемъ отродьями — названіе самое страшное, ибо оно обозначаетъ посредственность и послѣднюю степень презрѣнія. Великій негодяй остается великимъ негодяемъ, но онъ не отродье. Прежде чѣмъ отцовское сѣмячко возьметъ въ ребенкѣ верхъ и доведетъ его до полнѣйшей низости, до которой достигъ я, потребовалось-бы слишкомъ много времени и онъ потерялъ-бы свои лучшіе годы; теперь я ни во что не мѣшаюсь, предоставляю его самому себѣ, изучаю его. Онъ уже жаденъ, вкрадчивъ, лѣнивъ, лживъ; боюсь, что онъ весь выйдетъ въ отца.

Я. — И вы сдѣлаете изъ него музыканта, чтобы сходство было совсѣмъ полное.

Онъ. — Музыканта! музыканта! Иногда я смотрю на него и скрежещу зубами, говоря: если когданибудь ты

будешь знать хотя одну ноту, то кажется я готовъ буду свернуть тебѣ шею.

Я.—Это отчего?

Онъ.—Музыка ни къ чему не ведетъ.

Я.—Она ведетъ ко всему.

Онъ.—Да, если дойдешь въ ней до совершенства. Есть десять тысячъ шансовъ противъ одного, что онъ будетъ такимъ же несчастнымъ скрипачемъ, какъ и я. Знаете-ли, что гораздо легче найти ребенка, способнаго сдѣлаться великимъ государственнымъ дѣятелемъ, великимъ королемъ, чѣмъ великимъ скрипачемъ!

Я.—Мнѣ кажется, что у народа, нравы котораго испорчены, развратъ и роскошь вошли въ обычай, всякій человѣкъ съ пріятнымъ, хотя и посредственнымъ, талантомъ быстро дѣлаетъ блестящую карьеру. Я самъ слышалъ слѣдующій разговоръ между чѣмъ-то въ родѣ покровителя и чѣмъ-то въ родѣ просителя, который обратился къ первому, какъ къ человѣку обязательному и могущему оказать ему услугу: «Что-же вы знаете?»

— Я знаю порядочно математику.

— Ну, что-же, давайте уроки математики, и, послѣ десяти или двѣнадцати лѣтняго шлянья по парижской мостовой у васъ будетъ рента въ триста или четыреста ливровъ.

— Я изучалъ законы и хорошо знакомъ съ правомъ.

— Если-бы Пуффендорфъ и Гроціусъ встали изъ могилъ, они-бы умерли съ голода.

— Я очень хорошо знаю исторію и географію.

— Если-бы существовали родители, которые-бы близко къ сердцу принимали воспитаніе своихъ дѣтей, то вы-бы могли составить себѣ состояніе; но такихъ родителей не существуетъ.

— Я порядочный музыкантъ.

— Что-же вы этого раньше не говорили? Чтобы показать вамъ, до какой степени выгоденъ этотъ талантъ, я вамъ вотъ что скажу: у меня есть дочь: приходите ежедневно отъ семи часовъ вечера до девяти; вы будете давать ей уроки и получите отъ меня двадцать пять лив-

доровъ въ годъ; вы будете съ нами завтракать, обѣдать, закусывать, ужинать; весь остальной день останется въ вашемъ распоряженіи и вы можете дѣлать что вамъ угодно.

Онъ.—Что-же изъ него вышло?

Я.—Будь онъ уменъ, онъ-бы сдѣлалъ карьеру, вотъ что только. повидимому, вы имѣли въ виду.

Онъ.—Конечно, давайте золота, золота; золото—это все, а все остальное безъ него—ничто. Поэтому, вмѣсто того, чтобы вбивать ему въ голову прекрасныя правила, которыя, во избѣжаніе нищеты, лучше всего забыть, я, когда у меня есть лунддоръ, что случается не часто, усаживаюсь передъ нимъ, вынимаю лунддоръ изъ кармана, показываю его ему съ восторгомъ, поднимаю глаза къ небу, цѣлую лунддоръ и, чтобы лучше дать ему уразумѣть всю важность священной монеты, я словами и жестами указываю ему на все, что можно на нее пріобрѣсти прекрасную шпагу, красивую шапку, вкусный бисквитъ; затѣмъ кладу монету въ карманъ, гордо расхаживаю по комнатѣ, поднимаю полу своего камзола, хлопаю рукою по карману; такимъ образомъ, я даю ему понять, что всю мою увѣренность въ себѣ придаетъ мнѣ тотъ-же лунддоръ.

Я.—Ничего нельзя было лучше придумать, но еслибы случилось, что, глубоко проникнутый цѣнностью лундора, онъ вдругъ?..

Онъ.—Я васъ понимаю. На это надо смотрѣть сквозь пальцы, нѣтъ нравственнаго принципа, который-бы не имѣлъ своихъ неудобствъ. Въ крайнемъ случаѣ, придется пережить непріятную минуту и только.

Я.—Именно, на основаніи столь мужественныхъ и мудрыхъ взглядовъ, я настаиваю, что хорошо-бы было сдѣлать изъ него музыканта. Я не знаю болѣе быстрого средства сближенія съ людьми вліятельными, лучшей возможности поддѣлываться подъ ихъ пороки и извлекать пользу изъ своихъ.

Онъ.—Правда, но у меня есть проектъ успѣха еще болѣе быстрого и вѣрнаго. Ахъ! еслибы это была дочь! но, такъ какъ не всегда приходится дѣлать то, что желаешь, то надо довольствоваться тѣмъ, что есть, стараться извлечь изъ него наибольшую пользу и не слѣдо-

вать примѣру большинства родителей, которые, еслибы и нарочно хотѣли сдѣлать зло своимъ дѣтямъ, то не придумали-бы лучшаго средства, какъ дать парижанину воспитаніе лакедемонянина; если мое воспитаніе окажется дурнымъ, то виноваты въ этомъ нравы моеѣ націи, а не я. Пусть отвѣчаетъ за это кто можетъ; я хочу, чтобы сынъ мой былъ счастливъ, т. е. чтобы былъ уважаемъ, богатъ, вліятеленъ. Я нѣсколько знакомъ съ наиболѣе легкими путями для достиженія этой цѣли и я заблаговременно познакомлю его съ ними. Если, вамъ подобные, мудрецы и станутъ осуждать меня, то толпа и успѣхъ меня оправдаютъ. У него будетъ золото, это я вамъ говорю; если-же его будетъ много, то онъ ни въ чемъ не потерпитъ недостатка, даже въ вашемъ уваженіи и почтеніи.

Я.—Вы можете ошибиться.

Онъ.—Въ такомъ случаѣ онъ обойдется и безъ вашего уваженія, подобно многимъ другимъ.

Во всемъ этомъ было много такихъ вещей, которыя часто приходятъ въ голову, которыми руководствуются въ жизни, но которыхъ не высказываютъ. Вотъ, въ сущности, въ чемъ заключается самая рѣзкая разница между моимъ героемъ и большинствомъ обыкновенныхъ людей. Онъ признавался въ своихъ порокахъ и въ чужихъ, но не былъ лицемеромъ. Онъ не былъ также отвратителенъ, какъ они, но только былъ искреннѣе, послѣдовательнѣе ихъ, а иногда и очень глубокъ въ своей испорченности. Я содрагался при мысли, что должно выйти изъ его сына при такомъ наставникѣ. Нельзя было сомнѣваться, что съ понятіемъ о воспитаніи, такъ хорошо приспособленнымъ къ нашимъ нравамъ, онъ долженъ былъ пойти далеко, если только преждевременно не остановить его на пути.

Онъ.—О, не бойтесь ничего: главная и самая трудная задача всякаго хорошаго отца заключается не въ томъ, чтобы развить въ ребенкѣ пороки, которые могли-бы его обогатить, или смѣшныя странности, которыя-бы сдѣлали его драгоценнымъ для людей знатныхъ—вѣдь это всякій

сѣмѣть сдѣлать, если не по системѣ, какъ я, то хотя глядя на примѣры и слушая наставленія; но вся задача въ томъ, чтобы показать ему настоящую мѣру, научить его умѣнью увернуться отъ позора, безчестія и законовъ: это все феномены въ общественной гармоніи и ихъ надо умѣть кстати помѣстить, приготовить, спасти. Нѣтъ ничего безцвѣтнѣе ряда совершенно правильныхъ аккордовъ: надо, чтобы что-нибудь возбуждало, разсѣкало лучъ свѣта и разбрасывало его лучи.

Я.—Прекрасно; этимъ сравненіемъ вы меня опять переводите отъ нравовъ къ музыкѣ, отъ которой я уклонился, и я благодарю васъ за это, потому что, говоря откровенно, я предпочиталъ въ васъ музыканта моралисту.

Онъ.—А между тѣмъ, я очень плохъ въ музыкѣ и гораздо выше въ морали.

Я.—Сомнѣваюсь; но, во всякомъ случаѣ, я человѣкъ честный и ваши принципы не мои.

Онъ.—Тѣмъ хуже для васъ. Ахъ! еслибы у меня были ваши таланты.

Я.—Оставимъ мои таланты и вернемся къ вашимъ.

Онъ.—Еслибы я умѣлъ выражаться какъ вы! Но у меня дьявольская, смѣшная болтовня, болтовня, похожая и на свѣтскихъ людей, и на литераторовъ и на рыночныхъ торговцевъ.

Я.—Я говорю плохо; я умѣю только говорить правду, что не всегда правится, какъ вы знаете.

Онъ.—Но я желалъ-бы имѣть ваши таланты вовсе не для того, чтобы говорить правду, а напротивъ, чтобы хорошо высказывать ложь. Еслибы я умѣлъ писать, строчить книги, сочинять посвященія, ловко отуманить дурака превознесеніемъ его достоинствъ, втираться къ женщинамъ.

Я.—Все это вы умѣете дѣлать въ тысячу разъ лучше меня; я не стою быть вашимъ ученикомъ.

Онъ.—Сколько пропало великихъ качествъ, с цѣнъ которыхъ вы и не знаете!

Я.—Я получаю отъ нихъ то, во что ихъ цѣню.

Онъ.—Еслибы это такъ было, то на васъ-бы не было этого грубаго платья, этого этиминаваго камзола, этихъ шерстяныхъ чулковъ, толстыхъ башмаковъ и стариннаго парика.

Я.—Положимъ; но надо быть ужъ очень неловкимъ, чтобы не добиться богатства, если позволяешь себѣ все для его достиженія; но есть такіе люди, какъ я, которые не смотрятъ на богатство какъ на самую драгоценную вещь въ жизни; люди странные.

Онъ.—Весьма странные; съ такимъ складомъ ума нельзя родиться; его себѣ прививаютъ, потому что онъ не въ природѣ.

Я.—Человѣка?

Онъ.—Человѣка; все, что живетъ, не исключая и его, стремится къ благосостоянію насчетъ тѣхъ, отъ кого оно зависитъ, и я увѣренъ, что оставъ я расти своего маленькаго дикаря безъ всякаго руководства, онъ, всетаки, захотѣлъ бы богато одѣваться, прекрасно ѣсть, захотѣлъ-бы чтобы его цѣнили мужчины, любили женщины и, однимъ словомъ, чтобы всѣ блага жизни падали на него.

Я.—Еслибы маленькій дикарь, предоставленный самому себѣ и сохранившій все свое слабоуміе, присоединилъ-бы къ неразумію груднаго младенца силу страстей тридцатилѣтняго мужчины, то онъ свернулъ-бы шею отцу и обезчестилъ-бы свою мать.

Онъ.—Это доказываетъ необходимость хорошаго воспитанія; но кто-же ее оспариваетъ? и не то-ли воспитаніе хорошо, которое ведетъ ко всякаго рода довольству безъ опасностей и неудобствъ?

Я.—Я почти согласенъ съ вами; но постараемся не входить въ объясненія.

Онъ.—Почему?

Я.—Потому что я опасаясь, что мы согласны другъ съ другомъ только съ виду и что если пустимся въ обсужденіе опасностей и неудобствъ, которыхъ надо избѣгать, то перестанемъ понимать другъ друга.

Онъ.—Что-же за бѣда въ томъ?

Я.—Оставимъ это, говорю вамъ; мнѣ не научить васъ

тому, что я самъ знаю на этотъ счетъ, а вамъ гораздо легче научить меня тому, чего я не знаю въ музыкѣ, а вы знаете. Право, милый Рамо, поговоримъ о музыкѣ и скажите мнѣ, какъ это случилось, что, при всей вашей легкости пониманія, при вашей удивительной памяти и и умѣннѣ передавать лучшія мѣста великихъ мастеровъ съ энтузіазмомъ, который они сами вамъ внушаютъ и который вы передаете другимъ, вы не сдѣлали ничего, чтобы заслуживало...

Вмѣсто отвѣта, онъ сталъ качать головой и, указывая пальцемъ на небо, воскликнулъ: «О! свѣтило! свѣтило! Когда природа создала Лео, Винчи, Пергалеза, Дюни, она улыбнулась; затѣмъ, приняла важный и серьезный видъ, создавая моего дорогаго дядю Рамо, котораго лѣтъ десять будутъ величать великимъ Рамо, а потомъ совсѣмъ забудутъ. Когда-же она состряпала его племянника, то сдѣлала гримасу, еще гримасу и еще гримасу. (Говоря это онъ выдѣлывалъ всевозможныя гримасы, выражая то презрѣніе, то пренебреженіе, то иронію; въ то-же время онъ будто мѣсилъ руками кусокъ тѣста, улыбаясь смѣшнымъ формамъ, которыя придавалъ ему; затѣмъ, онъ точно далеко отбросилъ эту уродливую куклу и сказалъ:) Вотъ, такъ она создала меня и бросила рядомъ съ другими куклами, изъ которыхъ однѣ были съ большими морщинистыми животами, короткими шеями, большими глазами на выкатъ, съ расположеніемъ къ апоплексіи, а другіе съ искривленными шеями; были и сухощавые, съ быстрыми глазами и крючковатыми носами; увидя меня, всѣ покатались со смѣху, а я, увидѣвъ ихъ, ухватился за бока и тоже покатался со смѣху, ибо дураки, глупцы и шуты забавляются, глядя другъ на друга; они ищутъ другъ друга и чувствуютъ взаимное влеченіе. Еслибы, являсь туда, я не нашелъ уже готовой пословицы, что деньги глупцовъ — достояніе людей умныхъ, то самъ-бы ее выдумалъ. Я почувствовалъ, что природа вложила мое законное наслѣдство въ кошельки фигуръ и сталъ придумывать тысячи средствъ, чтобы завладѣть имъ.

Я.—Я знаю эти средства, вы мнѣ о нихъ говорили и

я восхищался ими; но почему, пробуя столько средств, вы не подумали написать что нибудь хорошее?

Онъ.—Тоже самое сказалъ, разъ, одинъ свѣтскій человѣкъ аббату Ле-Блану. Аббатъ сказалъ: «Маркиза Помпадуръ беретъ меня за руку, доводитъ до самаго порога академіи, тамъ выдергиваетъ свою руку, а я падаю и ломаю обѣ ноги». Свѣтскій человѣкъ отвѣчалъ ему: «Ну, что-же, аббатъ, надо встать и проломить дверь головой».—«Я такъ и сдѣлалъ,—возражалъ аббатъ,—и знаете, что изъ этого вышло? Шишка на лбу...»

Послѣ этого анекдота, онъ принялся ходить съ опущенной головой, съ задумчивымъ и унылымъ видомъ; онъ вздыхалъ, плакалъ, сокрушался, поднималъ кверху глаза и руки, изо всѣхъ силъ колотилъ кулакомъ по головѣ, потомъ прибавилъ: «Мнѣ, всетаки, кажется, что тамъ что-то есть; но какъ я ни колочу, ни встряхиваю, ничего не выходитъ...» Затѣмъ опять началъ колотить себя по лбу и трясти голову, говоря: «Или тамъ никого нѣтъ, или не хотятъ отвѣчать».

Минуту спустя, онъ принялъ горделивый видъ, поднялъ голову, приложилъ правую руку къ сердцу и, расхаживая, говорилъ: «Я чувствую, да, я чувствую...»

Онъ представлялъ человѣка, который сердится, негодуетъ, умиляется, повелѣваетъ, умоляетъ и, безъ приготовленія, произноситъ цѣлыя рѣчи, полныя гнѣва, состраданія, ненависти, любви; онъ обрисовывалъ страстные характеры съ удивительной тонкостью и правдой; затѣмъ прибавилъ: «Такъ, кажется? вотъ, что значитъ найти акушера, который умѣетъ возбудить, ускорить боли и выгнать ребенка. Когда я бываю одинъ, то беру перо, намѣреваюсь писать; кусаю себѣ ногти, ломаю голову; нѣтъ, слуга покорный, ничего не выходитъ, бога нѣтъ; я вообразилъ, что у меня есть гений, но, написавъ строчку, увидалъ, что я дуракъ, дуракъ, дуракъ. Да есть развѣ возможность чувствовать, возвышаться духомъ, мыслить, ярко обрисовывать, когда видишься съ людьми, которые необходимы для того, чтобы было что поѣсть; когда не видишь и не слышишь другихъ разговоровъ,

кромѣ слѣдующаго: «Сегодня бульваръ былъ прелестенъ. Слышали вы маленькую Мармоттъ? она играетъ восхитительно. У господина такого-то была самая лучшая пара сѣрыхъ съ яблоками, какую только можно себѣ вообразить. Красавица такая-то начинаетъ блекнуть; развѣ въ горахъ пять лѣтъ можно носить подобную прическу? Молоденькая такая-то вся покрыта брилльянтами, которые ей ничего не стоятъ».

— Вы хотите сказать, что они ей стоятъ дорого?

— Совсѣмъ нѣтъ.

— Гдѣ вы ее видѣли?

— Въ театрѣ, когда давали *l'Enfant d'Arlequin perdu et retrouvé*.

— Сцена отчаянія была разыграна такъ, какъ никогда. У ярмарочнаго Полишинеля есть горло, но нѣтъ ни тонкости, ни души. У г-жи такой-то родились двойни; у каждаго отца будетъ по ребенку... И вы полагаете, что ежедневно повторяя и слушая подобный вздоръ, можно вдохновиться и написать что-нибудь великое?

Я.—Нѣтъ, уже лучше запереться у себя на чердакѣ, пить воду, ѣсть черствый хлѣбъ и ограничиться своимъ собственнымъ обществомъ.

Онъ.—Можетъ быть, но у меня не хватитъ на это мужества. И притомъ, жертвовать счастьемъ еще для невѣрнаго успѣха! А имя, которое я ношу? Рамо!... прозываться Рамо довольно стѣснительно. Талантъ не то, что дворянство, знаменитость котораго растеть переходя отъ дѣда къ отцу, отъ отца къ сыну, отъ сына къ внуку, причемъ вовсе не требуется, чтобы прадѣдъ передавалъ какое-нибудь изъ своихъ достоинствъ своему потомку; старый родъ пускаетъ многочисленное колѣно глупцовъ, но что-же такое? Не то бываетъ съ талантомъ. Чтобы только добиться извѣстности отца, надо быть гораздо искуснѣе его; надо наслѣдовать его жилку... У меня не хватило жилки, но кисть выправилаь, смычекъ ходить и горшокъ кипятить: если это и не слава, то бульонъ.

Я.—На вашемъ мѣстѣ я-бы на этомъ не остановился; я-бы попробовалъ.

Онъ. — А вы думаете, я не пробовалъ? Мнѣ еще не было пятнадцати лѣтъ, когда я въ первый разъ сказалъ себѣ: что съ тобою, Рамо? ты мечтаешь; о чемъ ты мечтаешь? О какомъ-нибудь подвигѣ, который возбудилъ-бы восхищеніе всей вселенной... Что-же, стоитъ только дохнуть и пошевелить пальцами, стоитъ только открыть ротъ и утка поймана. Въ болѣе зрѣломъ возрастѣ я задавалъ себѣ тотъ-же вопросъ; теперь я его повторяю снова и все стою у статуи Мемнона.

Я. — Что вы хотите сказать съ вашей статуей Мемнона?

Онъ. — Это, кажется, понятно. Вокругъ статуи Мемнона было множество другихъ статуй, на которыя одинаково падали лучи солнца; но отозвалась одна только его статуя. Кто поэтъ? — Вольтеръ, а еще кто? Вольтеръ; а третій? Вольтеръ; четвертый? Вольтеръ. Кто музыкантъ? Ринальдо де-Кануа, Гассъ, Пергалезе, Альберти, Тартини, Локатели, Терраделья, мой дядя, маленькій Дюни, который ни красивъ, ни статенъ, но который чувствуетъ, чортъ его побери, у котораго есть пѣніе и экспрессія. Все остальное, въ сравненіи съ этимъ небольшимъ количествомъ Мемноновъ, все равно что уши, воткнутые на палку: и бѣдны-же мы и убоги, такъ убоги, что Боже упаси. О! господинъ философъ, нищета вещь страшная. Она мнѣ представляется скрюченной, съ открытымъ ртомъ, чтобы воспользоваться нѣсколькими каплями ледяной воды, вытекающими изъ бочки Данаидъ. Не знаю, насколько она обостряетъ умъ философа, но она дьявольски охлаждаетъ голову поэта; подъ этой бочкой хорошо не запоешь. Еще счастливъ тотъ, кому удастся тутъ пріютиться! Я тамъ былъ и не сумѣлъ остаться. Я уже разъ сдѣлалъ эту глупость. Я былъ въ Богеміи, въ Германіи, въ Швейцаріи, въ Голландіи, во Фландріи, у чорта на куличкахъ.

Я. — Подъ бездонной бочкой?

Онъ. — Подъ бездонной бочкой. Это было у еврея богатаго и расточительнаго, который любилъ музыку и мои дурачества. Я ему игралъ какъ попало; дурачился и ни въ чемъ не нуждался. Мой еврей отлично зналъ законы

и примѣнялъ ихъ съ неумолимой страстью къ друзьямъ иногда, къ постороннимъ всегда. Онъ попалъ въ непріятное дѣло, которое я вамъ расскажу, потому что оно забавно.

Въ Утрехтѣ жила прелестная куртизанка. Христіанка очаровала его; онъ послалъ къ ней стараго хрыча съ векселемъ на довольно значительную сумму. Причудливое созданіе отвергло предложеніе. Еврей пришелъ въ отчаяніе. Старый хрычъ сказалъ ему: «Чего вы такъ огорчаетесь? Если вамъ хочется сблизиться съ хорошенькой женщиной, то нѣтъ ничего легче это устроить и даже съ женщиной гораздо красивѣе этой; это моя жена, которую я вамъ уступлю за ту-же сумму». Сказано, сдѣлано. Старый хрычъ беретъ себѣ вексель, а мой еврей ухаживаетъ за его женой. Наступаетъ срокъ платежа; еврей позволяетъ его протестовать и отказывается отъ него. Начался процессъ; еврей говоритъ себѣ: «Никогда этотъ негодяй не посмѣетъ признаться, за что получилъ мой вексель, и я его не уплачу». Во время засѣданія онъ обращается къ хрычу: «Отъ кого получили вы этотъ вексель?

— Отъ васъ.

— Данъ онъ на занятія деньги?

— Нѣтъ.

— За доставленные товары?

— Нѣтъ.

— За оказанныя услуги?

— Нѣтъ; но не въ этомъ дѣло, онъ у меня, вы его подписали и уплатите.

— Я не подписывалъ.

— Значить я поддѣлалъ подпись?

— Вы, или кто другой, кого вы состоите агентомъ.

— Я подлець, но вы мошенникъ. Повѣрьте, не доводите меня до крайности, я все выскажу; обезчещу себя, но и опозорю васъ»...

Еврей не обратилъ вниманія на угрозу, а въ слѣдующее засѣданіе хрычъ рассказалъ, какъ было дѣло. Оба получили строгое внушеніе, а жиды приговорили къ уплатѣ

векселя въ пользу бѣдныхъ. Такъ я съ нимъ разстался и вернулся сюда.

Что дѣлать? приходилось или гибнуть отъ нищеты, или дѣлать что-нибудь. Мнѣ приходили въ голову всякаго рода проекты. То я намѣревался на другой-же день броситься въ провинціальную трушу, все равно для сцены или для оркестра. На другой день уже думаль о томъ, чтобы заказать себѣ одну изъ тѣхъ картинъ, прикрѣпленныхъ къ полкѣ и которыхъ выставляютъ въ переулкахъ, гдѣ-бы я кричалъ во все горло: «Вотъ городъ въ которомъ онъ родился; и вотъ онъ прощается съ своимъ отцемъ аптекаремъ, вотъ онъ приходитъ въ столицу, ищетъ домъ своего дяди. Вотъ онъ на колѣняхъ передъ своимъ дядей, который его гонить... Вотъ онъ съ евреемъ, и т. д. и т. д.» На слѣдующій день я принималъ твердое рѣшеніе присоединиться къ уличнымъ пѣвцамъ. Это не самое худшее, что я могъ придумать; мы-бы пошли давать концертъ подъ окнами дядюшки, который-бы лопнулъ со злости. Я выбралъ другое...

Здѣсь онъ остановился сталъ сначала въ позу чело-вѣка со скрипкой и изъ всей силы сжимающаго ея струны, потомъ перешелъ къ позѣ бѣдняка, умирающаго отъ усталости, обезсиленнаго, съ подкашивающимися ногами, который вотъ сейчасъ умретъ, если ему не дадутъ куска хлѣба; крайнюю нужду обозначалъ онъ, направляя палецъ въ полукруглый ротъ; потомъ прибавилъ:

Онъ.—Конечно; мнѣ бросали куски; насъ было трое или четверо, которые вырывали ихъ другъ у друга... И какія великія мысли, какія хорошія вещи могутъ являться при подобной нищетѣ!

Я.—Трудновато.

Онъ.—Со ступени на ступень, я попалъ туда; тамъ я катался какъ сыръ въ маслѣ. Ушелъ оттуда. Теперь придется пилить дрова и снова направить свой палецъ въ открытый ротъ. Нѣтъ ничего прочнаго въ этомъ мірѣ: сегодня на вершинѣ колеса, завтра внизу. Проклятый случай руководить нами и руководить весьма скверно...

Выпивъ послѣдній стаканъ, остававшійся въ бутылкѣ, онъ обратился къ сосѣду:

— Сжальтесь, милостивый государь, маленькую щепотку. У васъ прекрасная табакерка. Вы не музыкантъ?

— Нѣтъ.

— Тѣмъ лучше для васъ, такъ какъ всѣ они бѣдныяки—весьма жалкіе. Судьбѣ было угодно, чтобы и я былъ имъ, тогда какъ на одной изъ Монмартрскихъ мельницъ есть, быть можетъ, мельникъ или его работникъ, который никогда ничего не услышитъ, кромѣ стука жернова, и который-бы пожалуй написалъ самый лучший романъ. Рамо! на мельницу, на мельницу, тамъ твое мѣсто.

Я.—Чѣмъ-бы человѣкъ не занимался, всегда окажется, что сама природа его къ тому предназначила.

Онъ.—Она дѣлаетъ престранные промахи. Что касается до меня, то я не смотрю съ той высоты, откуда все слышится; откуда нельзя различить человѣка, подрѣзывающаго ножницами дерево отъ червяка, гложащаго листья, а виднѣются только два различныхъ насѣкомыхъ, каждое за своимъ дѣломъ. Вскарabкайтесь на Меркурія а оттуда какъ Рамсаръ распредѣляйте вы классъ мухъ по отдѣламъ, на портнихъ, надзирательницъ, жницъ; а вы людей на столяровъ, плотниковъ, кровельщиковъ, танцовщиковъ, пѣвцевъ; это ваше дѣло и я въ него не мѣшаюсь. Я принадлежу этому міру и остаюсь въ немъ. Но, такъ какъ въ природѣ вещей имѣть аппетитъ,—я постоянно возвращаюсь къ аппетиту, какъ ощущенію никогда меня не оставляющему,—и нахожу, что не хороши порядки, при которыхъ не всегда можно его удовлетворить. Что за дьявольское устройство! одни сыты по горло, а другіе, съ неменѣе требовательнымъ желудкомъ, точно также повторяющимся голодомъ, не знаютъ, что перекусить. Хуже всего натянутая поза, въ которой насъ постоянно держать нужда. Человѣкъ нуждающійся не ходитъ какъ всякій другой; онъ прыгаетъ, пресмыкается, кривляется, ползаетъ, всю жизнь только и дѣлаетъ, что принимаетъ различныя позы.

Я.—Что такое позы?

Онъ.—Спросите объ этомъ Новерра. Въ мірѣ ихъ найдется гораздо болѣе, чѣмъ сколько можетъ подражать его искусство (танцы).

Я.—Вотъ и вы, употребляя ваше выраженіе или, скорѣе, выраженіе Монтэня, вскарабкались на эпикль Меркурія и оттуда разсматриваете различныя пантомимы человѣческаго рода.

Онъ.—Нѣтъ, увѣряю васъ; я слишкомъ тяжелъ, чтобы подняться такъ высоко. Я предоставляю журавлямъ обитать въ облакахъ, а самъ хожу по землѣ. Смотрю вокругъ себя, принимаю позы, или забавляюсь, глядя на позы другихъ; я отличный пантомимъ, какъ вы сейчасъ увидите.

Онъ сталъ улыбаться, представлять человѣка восхищающагося, умоляющаго, услужливаго; правую ногу поставилъ впередъ, лѣвую назадъ, согнулъ спину, поднималъ голову, взоръ точно устремилъ на другіе взоры, открылъ ротъ, протянулъ руки къ какому-то предмету; ждетъ приказанія, получаетъ его, летитъ какъ стрѣла, возвращается; приказаніе исполнено, онъ даетъ отчетъ; внимателенъ ко всему; поднимаетъ что падаетъ, подставляетъ скамейку или подушку подъ ноги, держитъ блюдечко, подвигаетъ стулъ, отворяетъ двери, запираетъ окно, спускаетъ занавѣсы; наблюдаетъ за хозяиномъ и хозяйкой; то станетъ неподвижно, вытянувъ руки по швамъ, сдвинувъ ноги; то слушаетъ, старается прочесть мысли на лицахъ, затѣмъ прибавляетъ: Вотъ моя пантомима, почти то-же, что и всѣхъ льстецовъ, царедворцевъ, лакеевъ и нищихъ.

Буффонады этого человѣка, сказка аббата Галіани, и смѣшныя выходки Рабелэ заставляли меня иногда глубоко задумываться. Это три складочныхъ мѣста, откуда я запасался смѣшными масками, которыя надѣваю на лица людей самыхъ важныхъ и тогда въ прелатѣ вижу Панталона, въ президентѣ — сатира, въ пустынный — борова, въ министрѣ — страуса, въ первомъ секретарѣ — гуся.

Я.—Однако, сказалъ я ему, если судить по вашему, то окажется, что этотъ міръ полонъ бѣдняками, и я не

знаю никого, кто-бы не продѣлывалъ нѣкоторыхъ па изъ вашего танца.

Онъ.—Вы правы. Въ цѣломъ королевствѣ ходитъ только одинъ человѣкъ—король; всѣ остальные принимаютъ позы.

Я.—Король? Да и противъ этого можно кое-что возразить. Не полагаете-ли вы, что подлѣ него случается очутиться маленькой ножкѣ, хорошенькой головкѣ, маленькому носику, который заставитъ его продѣлать легкую пантомиму? Всякій, заискивающий въ другомъ—есть человѣкъ нуждающийся и принимаетъ позу. Король принимаетъ позу передъ своей любовницей и выдѣлываетъ пантомиму, когда молится Богу. Министръ выдѣлываетъ передъ королемъ па царедворца, льстеца, лакея и нищаго. Толпа честолюбцевъ выдѣлываетъ передъ министромъ ваши позы, искажая ихъ на сто ладовъ, изъ которыхъ одинъ подлѣе другого. Знатный аббатъ въ своихъ брызжахъ и длинной мантии еженедѣльно выдѣлываетъ тоже передъ распорядителемъ бенефицій. Да вѣдь то, что вы называете пантомимой нищихъ, есть великая мірская суетня; у каждаго есть своя маленькая Юсь и свой Бертенъ.

Онъ.—Это меня утѣшаетъ.

Въ то время, какъ я говорилъ, онъ преуморительно передразнивалъ тѣ личности, о которыхъ я упоминалъ. Напримѣръ, чтобы представить маленькаго аббата, онъ будто держалъ шляпу подъ мышкой и требникъ въ лѣвой рукѣ; правой приподнималъ шлейфъ мантии и подвигался впередъ, немного наклонивъ голову на бокъ, опустивъ глаза и такъ хорошо изображая лицемѣра, что мнѣ представилось, будто я вижу самого автора *Réfutations* передъ епископомъ Орлеанскимъ. Когда дѣло шло о льстецахъ, честолюбцахъ, онъ разстилался на полу; это былъ генеральный контролеръ Буре.

Я.—Это представлено въ совершенствѣ; однако, есть существо, не нуждающееся въ пантомимѣ. Это философъ, у котораго ничего нѣтъ и которому ничего не надо.

Онъ.—Да гдѣ-же такое животное? Если у него нѣтъ

ничего, онъ страдаетъ; если ничего не просить, то и ничего не получить... и будетъ вѣчно страдать.

Я.—Нѣтъ; Діогенъ смѣялся надъ нуждами.

Онъ.—Однако, надо быть одѣтымъ.

Я.—Нѣтъ, онъ ходилъ голымъ.

Онъ.—Иногда въ Аѣинахъ бывало холодно.

Я.—Менѣе, чѣмъ здѣсь.

Онъ.—И тамъ надо было ѣсть.

Я.—Конечно.

Онъ.—На чей счетъ?

Я.—На счетъ природы. Къ кому обращается дикарь? Къ землѣ, животнымъ, рыбамъ, деревьямъ, травамъ, корнямъ, ручьямъ.

Онъ.—Плохой столъ.

Я.—Онъ обширенъ.

Онъ.—Но дурно приготовленъ.

Я.—Однако-же, его-же кушаньями уставляютъ наши.

Онъ.—Но вы, вѣдь, согласитесь, что искусство нашихъ поваровъ, пирожниковъ, трактирщиковъ, кондитеровъ значительно его измѣняетъ. При подобной строгой діетѣ, вашъ Діогенъ долженъ былъ имѣть не особенно прихотливыя органы.

Я.—Ошибаетесь. Образъ жизни циника былъ когда-то образомъ жизни нашихъ монастырей и отличался тѣми-же добродѣтелями. Циники въ Аѣинахъ были тоже, что наши кормелиты и кордельеры.

Онъ.—Ловлю васъ на словахъ. Діогенъ, значить, тоже выдѣлывалъ пантомиму, если не передъ Перикломъ, то передъ Лаисой или Фриной?

Я.—Вы опять ошибаетесь; остальные очень дорого платили куртизанкѣ, которая отдавалась ему даромъ, изъ одного удовольствія.

Онъ.—Но если случалось, что куртизанка бывала занята...

Я.—Циникъ уходилъ въ свою бочку и обходился безъ нея.

Онъ.—И вы совѣтуете мнѣ ему подражать.

Я.—Я готовъ умереть, если это не лучше, чѣмъ ползать, уничтожаться и продаваться.

Онъ.—Но, вѣдь, мнѣ необходима мягкая постель, хорошій столъ, прохладное платье лѣтомъ, отдыхъ, деньги и пропасть всякаго рода вещей, которыя я предпочитаю получать отъ благотворителей, чѣмъ добывать ихъ своимъ трудомъ.

Я.—Оттого, что вы лѣнны, жадны, низки и грязны душой.

Онъ.—Я уже, кажется, вамъ сознавался въ этомъ.

Я.—Удобства жизни имѣютъ, конечно, свою цѣну, но вы забываете, какой цѣной ихъ получаете. Вы дѣлаете, выдѣлываете, выдѣлывали и будете выдѣлывать подлую пантомиму.

Онъ.—Это правда; но мнѣ она мало стоила и впредь не будетъ стоить дороже; поэтому, было-бы, съ моей стороны, неблагоразумно принять другую позу, которая-бы меня стѣсняла и которую я-бы долго не выдержалъ. Но изъ всего, что вы мнѣ говорите, я вижу, что моя бѣдная женка была въ своемъ родѣ философъ; она была отважна, какъ левъ; намъ случалось сидѣть безъ куска хлѣба и безъ гроша денегъ въ карманѣ; все старое тряпье было уже продано. Я бросался на кровать, ломая голову надъ тѣмъ, у кого-бы занять эку, котораго никогда не отдашь. Она, веселая, какъ жаворонокъ, садилась за фортепьяно и пѣла, сама себѣ аккомпанируя: у нея было соловьиное горло и я жалѣю, что вы ее не слышали. Когда я участвовалъ на концертахъ, то всегда бралъ ее съ собою; дорогой я говорилъ ей: «Смотрите-же, сударыня, заставьте собою восхищаться, покажите ваши таланты и ваши прелести, увлекайте, преклоняйте передъ собою...» Являемся. Она пѣла, увлекала, преклоняла. Увы! я потерялъ ее, бѣдняжку! Кромѣ тонкости, у нея былъ ротикъ, въ который едва можно было просунуть мезинецъ; зубы—рядъ жемчуга; глаза, ножки, кожа, щечки! походка, какъ у лани, всѣ формы, какъ у статуи. Рано или поздно она непременно заполучила-бы генеральнаго

откупщика. У нея была такая походка, такая спина, Боже, какая спина!»

И вотъ, онъ опять принялся представлять походку своей жены. Онъ дѣлалъ маленькіе шаги, закидывалъ голову назадъ, игралъ вѣеромъ и вертѣлъ задомъ; это была самая забавная и самая оригинальная карриатура нашихъ кокетокъ. Затѣмъ, возвратясь къ своему разсказу, онъ прибавилъ:

«Я водилъ ее всюду, въ Тюльери, въ Пале-Рояль, на бульвары. Нечего было и разсчитывать, чтобы она у меня осталась. Когда утромъ она шла по улицѣ безъ шляпы и въ коротенькой кофточкѣ, вы остановились-бы, чтобы посмотрѣть на нее и могли-бы обхватить ея талію, нажимая четырьмя пальцами. Всякій, кто замѣчалъ, какъ она быстро перебирала своими маленькими ножками и какъ легкія юбочки обрисовывали ея пышныя формы, непременно ускорялъ шаги, чтобы догнать ее; она позволяла къ себѣ подойти, потомъ вдругъ оборачивалась и устремляла свои большіе, черные блестящіе глаза, которые заставляли его останавливаться, потому что лицевая сторона медали не обезображиваетъ ея изнанки. Но, увы! я ее потерялъ, а съ нею и всѣ мечты о богатствѣ. Я и женился на ней только для этого; я повѣрилъ ей свои планы и она была достаточно проницательна, чтобы не быть увѣренной въ ихъ успѣхъ и достаточно благоразумна, чтобы ихъ не одобрить.»

Онъ зарыдалъ и, затѣмъ, проговорилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, я никогда не утѣшусь. Съ тѣхъ поръ я живу, какъ монахъ.

Я.—Отъ горя.

Онъ.—Пожалуй, но скорѣе всего, чтобы быть самому себѣ головой... Но который часъ, вѣдь, мнѣ надо идти въ оперу.

Я.—Что даютъ?

Онъ.—Пьесу Давернья. Въ его музыкѣ есть довольно хорошія вещи; жаль, что не онъ ихъ первый выдумалъ. Между этими покойниками всегда есть такіе, которые приводятъ въ отчаяніе живыхъ. Что будешь дѣлать? *Quisque*

suos patimur maues. Но уже половина шестаго; я слышу колоколь, призывающій къ вечернѣ аббата Каннейскаго и моей. Прощайте, господинъ философъ, не правда-ли, что я всегда тотъ же?

Я.—Увы! къ несчастію, да.

Онъ.—Пусть только это несчастье продлится еще сорокъ лѣтъ: *Rira bien qui rira le dernier.*

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ СОЧИНЕНІЯ ГЕТЕ.

Дидро и его сочиненіе: Племянникъ Рамо *).

Это интересное сочиненіе, переводъ котораго я недавно (1805 г.) предложилъ нѣмецкой публикѣ, принадлежитъ, по моему мнѣнію, къ самымъ замѣчательнымъ произведеніямъ своего автора.

Французскіе Аристархи, признавая за Дидро крайнюю энергію мысли, блескъ изложенія и находя въ его сочиненіяхъ блестящія подробности и восхитительныя страницы, въ то-же время утверждали, что онъ не обладаетъ въ такой-же высокой степени даромъ творчества, и что онъ былъ неспособенъ приводить въ порядокъ всѣ части сочиненія хорошо задуманнаго, прекрасно выполненнаго и совершеннаго въ цѣломъ.

Этотъ міръ такъ богатъ голосами и въ немъ такъ много эхо, что безпрестанно повторяемые пошлыя обвиненія, наконецъ, совсѣмъ упрочиваются. Люди, наиболѣе просвѣщенные и которые всего менѣе должны были-бы подвергаться обману, подчиняться общему предразсудку,

*) Этотъ отрывокъ взятъ изъ сочиненія Гете, напечатаннаго въ Лейпцигѣ въ 1805 году, подъ заглавіемъ: О знаменитыхъ людяхъ Франціи въ восемнадцатомъ столѣтіи и о состояніи литературы и искусствъ въ ту-же эпоху.

сами начинаютъ повторять то, что постоянно слышать; мнѣнія дураковъ переходятъ въ уста людей умныхъ. Изъ снисхожденія къ признанному всѣми заблужденію, они начинаютъ находить въ сочиненіяхъ ошибки, которыхъ тамъ вовсе нѣтъ; признаютъ воображаемыя погрѣшности писателя, таланту котораго, родись онъ въ другое время и въ другой странѣ, весь литературный міръ воздасть-бы при жизни всевозможныя чествованія, а послѣ смерти воздвигъ-бы статуи и алтари.

Я не буду говорить объ Энциклопедіи, этомъ памятникѣ ума, мудрое веденіе которой доказываетъ, до какой степени всѣ человѣческія знанія были связаны и расположены въ обширномъ пониманіи Дидро; я займусь здѣсь только его литературными произведеніями. Тѣ, которые не признаютъ въ немъ творческаго таланта и составили объ этомъ великомъ человѣкѣ столь поверхностное мнѣніе, значить, не читали его *Jacques le Fataliste*, а если и читали, то только одними глазами! Его Племянникъ Рамо даетъ имъ не менѣе полное опроверженіе. Какой другой писатель могъ придать подобному сочиненію печать столь оригинальной и неподражаемой оригинальности? но въ особенности какой другой ~~выполнялся-бы~~ предметомъ столь легкимъ и, повидимому, придуманнымъ капризнымъ воображеніемъ, чтобы сдѣлать изъ него полное произведеніе, такъ умно выполненное, и нарисовать цѣльную картину, такъ полно, такъ вѣрно рисующую все человѣческое общество?

Истина всѣмъ извѣстная, которую признаютъ какъ друзья, такъ и враги Дидро — что въ разговорѣ это былъ самый удивительный человѣкъ своего вѣка. Самый краснорѣчивый и наиболѣе обрабатывающій свои рѣчи ораторъ стушевался-бы предъ нимъ, когда онъ произносилъ свои блестящія импровизаціи: говоря съ увлекательнымъ жаромъ, глубоко затрогивая всевозможныя предметы, быстро переходя отъ одного къ другому неожиданно и, при томъ, естественно, наивный безъ пошлости, великій безъ усилій, полный прелести безъ аффектаціи и энергій, безъ грубости; говорилъ-ли онъ разсудку, чувству или воображенію; — на

всемъ лежала всегда печать генія. Свѣтскій человѣкъ получалъ отъ него развитіе; художникъ — вдохновеніе. Никто такъ не дѣйствовалъ на умъ своихъ слушателей; никто такъ не подчинялъ себѣ душу могуществомъ своей рѣчи. Въ торжествѣ этого рода у него не было образцовъ и онъ не оставилъ послѣ себя преемниковъ.

Поэтому, понятно, что выбравъ для Племянника Рамо форму разговора свободнаго и оживленнаго, Дидро занялъ самую выгодную для себя позицію; онъ выбралъ рамку наиболѣе подходящую къ характеру своего таланта: изъ счастливаго соединенія оригинальнаго замысла и искуснаго выполненія вышло произведеніе, на которое я смотрю какъ на одну изъ лучшихъ вещей своего автора; произведеніе поучительное для философа, полезное для человѣка честнаго; если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно и кажется безнравственнымъ, то только тому, кто на книгу кладетъ отпечатокъ своей собственной безнравственности и злится, со стыдомъ узнавая себя въ описаніи порока, чѣмъ и становится своимъ собственнымъ обвинителемъ.

Дѣйствительно, это живое зеркало такъ вѣрно, что всякій невольно припоминаетъ, что въ дѣйствительности видѣлъ все то, что оно изображаетъ. Самъ Дидро — это олицетвореніе философа, человѣка честнаго, рѣдкіе экземпляры котораго все-таки иногда встрѣчаются; Рамо бѣдняга и мошенникъ, которыхъ такъ много на свѣтѣ. Всѣ картины, начертанныя этимъ великимъ художникомъ, носятъ ему одному свойственную печать; его выводы глубоки и живы; они знакомятъ насъ съ людьми и вещами, точно мы изучали ихъ въ продолженіе ста лѣтъ.

Его цѣль, болѣе важная чѣмъ какою она кажется сначала, захватываетъ всѣ соціальные вопросы, могущіе интересоваться человѣка: онъ то распространяется, то останавливается на истинахъ новыхъ и мало извѣстныхъ; съ быстротою молніи касается всѣмъ извѣстныхъ истинъ и тѣхъ, знать которыя призваны не всѣ и которыя онъ не хочетъ, чтобы всѣ знали изъ опасенія, чтобы не сдѣлали изъ нихъ дурнаго употребленія. Черта — достойная похвалы и характеризующая настоящаго философа. Съ самаго

начала этого разговора, умъ его раскрывается передъ нами во всей своей широтѣ, во всей своей силѣ; его рамка сейчасъ-же наполняется; появляется цѣлая толпа паразитовъ, любимцевъ, шутовъ, низкихъ льстецовъ, свита людей богатыхъ и вліятельныхъ, которые имъ платятъ и ихъ презираютъ. Лицемѣръ и писатель продажный, то ползающій лстець, то острый сатирикъ, не ускользаютъ отъ него: онъ тѣмъ менѣе щадить ихъ, что признаетъ въ нихъ какъ своихъ Зоиловъ, такъ и Зоиловъ философіи. Только сверхъестественное усиліе могло-бы заставить геніальнаго человѣка забыть своихъ враговъ; когда онъ описываетъ враговъ вообще генія, Дидро ихъ не забываетъ; онъ о нихъ помнитъ и мститъ имъ; враговъ своихъ онъ наказываетъ самымъ ужаснымъ для нихъ способомъ — истиной.

Далѣе онъ высказываетъ свои взгляды на теорію музыки столь-же новые, сколько и богатые результатами.

Съ перваго взгляда, кажется, что онъ могъ-бы и не вводить этого посторонняго элемента въ свое произведеніе и что эта часть стоитъ совсѣмъ особю; нравственныя истины составляютъ самую существенную часть книги но, хорошенько пораздумавъ, увидимъ, что его музыкальныя отвлеченія совсѣмъ нелишни, и что онѣ-то и составляютъ главную пружину всего сочиненія, приводящую въ дѣйствіе всѣ его части. По своему значенію, нравственная идея, развиваемая авторомъ, занимаетъ, конечно, первое мѣсто; но за то сторона музыкальная составляетъ основу сочиненія; все остальное только присоединяется къ ней и, изъ анализа звуковъ и удареній страстей въ музыкѣ, выведены всѣ разсужденія о правахъ. Судя по характеру, приписываемому главному лицу, и не могло быть иначе. Авторъ описываетъ въ Рамо человѣка, глубоко испорченнаго воспитаніемъ и примѣромъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, одареннаго большимъ талантомъ къ подражательному искусству, выражающему всѣ чувства, всѣ наклонности, какъ лучшія такъ и самыя худшія, какія только можетъ вмѣстить въ себѣ человѣческое сердце. Съ этихъ поръ всякій разговоръ о музыкѣ, изображающій

страсти, приводить къ разсужденіямъ или объ этихъ самыхъ страстяхъ, или о позорныхъ наклонностяхъ, которыя всякій порядочный человѣкъ умѣетъ заглушать въ душѣ своей въ ихъ зародышѣ или ихъ обуздывать, но которыя Рамо вовсе не желаетъ ни уничтожить, ни сковывать; или, для контраста, къ разсужденіямъ о тѣхъ великодушныхъ страстяхъ, свойственныхъ великимъ сердцамъ, но о которыхъ Рамо, къ своему несчастію, не имѣетъ понятія.

И такъ, эти отвлеченія въ теоретическую сторону искусствъ, несмотря на всю прелесть и на весь интересъ, разливаемый на нихъ авторомъ, служатъ ему не цѣлю, а только средствомъ. Онъ прибѣгаетъ къ нимъ только для того, чтобы придти къ болѣе важнымъ результатамъ; для него это только усѣянная цвѣтами дорога, ведущая въ храмъ мудрости. Если онъ останавливаетъ насъ на картинѣ прискорбной порочности, то чтобы только яснѣе выставить блескъ добродѣтели; онъ заставляетъ насъ опѣнить самую важную изъ всѣхъ—сильную волю, которая помогаетъ намъ управлять самими собою и дѣлаетъ насъ верховными распорядителями нашего сердца.

Дѣйствительно, читая эту книгу и невольно сравнивая себя съ Рамо, нельзя не испытать нѣкотораго удовольствія, уваженія къ самому себѣ и чувства удовлетворенія при видѣ громадной разницы между собой и человѣкомъ, до такой степени безчестнымъ. Но отчего происходитъ наше превосходство и его униженіе? Дидро это намъ сообщаетъ: дѣло въ томъ, что мы приобрѣли счастливую привычку бороться съ своими наклонностями, что намъ чаще чѣмъ Рамо удавалось побѣждать ихъ; между тѣмъ какъ порочныя наклонности всегда брали верхъ надъ нимъ и увлекали его, мы были себѣ господами, а онъ оставался всегда себѣ рабомъ. Пораженные полезнымъ ужасомъ при видѣ униженія, до котораго можетъ дойти человѣческая природа, мы еще живѣе начинаемъ чувствовать цѣну нашей единственной нравственной поддержки, цѣну той твердой воли, которая насъ защищаетъ, поддерживаетъ, возвышаетъ. Дидро произвелъ-бы на насъ

менѣ впечатлѣнія, еслибы не такъ сильно обрисовалъ отвратительныя черты своего страннаго героя. Но онъ зналъ, что когда дѣло касается постановленій, то недостаточно только просвѣтить, надо повліять на чувства и что краснорѣчіе кромѣ свѣта должно заключать въ себѣ и силу.

Изъ этого полезнаго очерка авторъ выводитъ двойную выгоду, онъ учитъ насъ быть строгими къ самимъ себѣ и снисходительными къ другимъ. Поучая насъ, что только одна твердая воля поддерживаетъ насъ на нѣкоторой нравственной высотѣ, обнаруживая передъ нами эту пружину которая и есть двигатель всего честнаго въ нашихъ сердцахъ, онъ учитъ насъ не слишкомъ подавлять нашимъ презрѣніемъ тѣхъ, которымъ неизвѣстна эта тайна, тѣхъ которые заслуживаютъ не столько осужденія, сколько сожалѣнія, и которые не довольно желаютъ, потому что недостаточно знаютъ, что надо желать. Мы начинаемъ смотрѣть на ихъ низость только какъ на несчастный продуктъ ихъ невѣжества и, такъ какъ ошибки учатъ насъ болѣе цѣнить себя и имѣть тѣ преимущества, которыя они потеряли, то справедливость требуетъ, чтобы, взявъ этого благотворнаго знанія, они получили отъ насъ снисхождение и состраданіе.

Нельзя достаточно похвалить автора за его стараніе смягчить чувство отвращенія и отчужденія, внушаемаго всегда существомъ нравственно упавшимъ, съ какимъ искусствомъ онъ представляетъ намъ Рамо полнаго глубокихъ знаній въ своемъ искусствѣ, краснорѣчиваго, когда онъ развиваетъ его принципы, одареннаго, въ этомъ отношеніи, самымъ изящнымъ вкусомъ и самою рѣдкою проницательностью! Этимъ, онъ насъ развлекаетъ и облегчаетъ. Мы чувствуемъ, что человѣкъ, столь тонко понимающій прекрасное, былъ-бы способенъ и на доброе; намъ приятно сознавать, что въ человѣческой душѣ не все одна низость: что человѣкъ, унижающій себя своимъ поведеніемъ, возвышается своими талантами, что если ночь царитъ въ его сердцѣ, то по крайней мѣрѣ, въ мысли царитъ день.

Если, отъ этихъ замѣчаній о сущности сочиненія мы перейдемъ къ его формѣ, то сколько красотъ найдемъ въ немъ! какая связь въ діалогахъ! тѣ, которые вздумали-бы найти отрывочность и безсвязность простаго разговора, сильно ошибутся. Они найдутъ здѣсь только его живость и неопредѣленность; въ немъ все связано цѣпью невидимой и притомъ дѣйствительной. Пусть читатель попробуетъ разорвать одно кольцо и онъ увидитъ, что сейчасъ живая цѣпь порвется и нельзя будетъ ее связать. Подъ покровомъ остротъ и пикантныхъ выходокъ, покровомъ, повидимому, столь тонкомъ, авторъ скрылъ цѣлый рядъ тѣсно связанныхъ разсужденій, похожихъ на стальную цѣпь, закрытую отъ насъ гирляндой цвѣтовъ.

Съ какою правдою авторъ обрисовываетъ свои характеры и съ какою ловкостью выставляетъ контрасты! Какъ онъ выдерживаетъ характеръ философа, изъ котораго природа и образованіе сдѣлали человѣка честнаго, и который имъ остаться и по чувству, и по убѣжденію! и характеръ человѣка испорченнаго, брошеннаго судьбою въ нищету, нищетою въ мошенничество и который, наконецъ, самъ сталъ помогать своему злему року и сдѣлался самъ виновникомъ своего несчастія!

Предоставляю судить всѣмъ, знакомымъ съ духомъ французскаго ума и съ тономъ парижскихъ кружковъ, справедливо-ли авторъ изобразилъ его манеры, языкъ, странности. Не знаю, найдутъ-ли у него нѣкоторое преувеличенія; что касается до меня, то я напрасно искалъ ихъ; чѣмъ болѣе я изучаю это оригинальное произведеніе, тѣмъ болѣе я убѣждаюсь, что подъ смѣлыми и странными формами оно скрываетъ великолѣпное основаніе ума и правды; даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ эта смѣлость намъ кажется чрезмѣрной, и гдѣ нашъ умъ не смѣетъ слѣдовать за авторомъ, виноваты мы, а не онъ. Онъ пошелъ далѣе насъ, онъ знаетъ дорогу, знаетъ гдѣ онъ; наши сомнѣнія доказываютъ только наше невѣжество и то, на сколько мы стоимъ ниже его.

Если существуетъ другая копія племянника Рамо, что мнѣ неизвѣстно, я желалъ-бы, чтобъ ея собственникъ

не оставался ревнивымъ обладателемъ подобнаго сокровища, но рѣшился-бы подѣлиться имъ съ французскою публикой. Этотъ діалогъ, равно замѣчательный какъ по своему содержанію, такъ и по слогу, появился-бы тогда во всемъ своемъ блескѣ: потому что въ моемъ переводѣ онъ долженъ былъ потерять, по крайней мѣрѣ, половину своей прелести; для ея полного сохраненія надо было-бы поручить его переводъ писателю, который-бы лучше меня владѣлъ двумя самыми богатыми и самыми красивыми изъ всѣхъ новыхъ языковъ.

Только довольно пустое любопытство можетъ заставить стараться съ точностью опредѣлить время, когда Дидро написалъ эту вещь. Вѣроятно, она была написана около 1760 г., потому, что онъ говоритъ въ ней, какъ о новости о комедіи Палиссо Философы, которая давалась въ первый разъ въ Парижѣ 2-го мая этого года. Это была сатира, направленная противъ Дидро, д'Аламбера и другихъ наиболѣе знаменитыхъ представителей французской литературы. Легко себѣ представить, какія волненія она возбудила, какъ среди ихъ друзей, такъ и среди ихъ враговъ: какъ она должна была подстрекнуть любопытство публики, одинаково жаждущей всего, что возбуждаетъ живыя впечатлѣнія, все-равно, будетъ-ли это произведеніе искусства или скандальная брошюра.

Въ Германіи зависть (общая всѣмъ странамъ), пускала иногда въ ходъ свое подлое оружіе, выпуская пасквили противъ людей достойныхъ, или выводя ихъ на сцену. Подобнаго рода нападки производили всегда мало впечатлѣнія, если только осмѣянный писатель, изъ слишкомъ чувствительнаго самолюбія, не обращалъ на своихъ враговъ вниманія публики, которая сама всегда отъ нихъ отвертывалась. Этимъ мы отличаемся отъ французовъ и эта разница дѣлаетъ намъ честь. Во Франціи, сатирикъ, обнаруживающій передъ публикой маленькія странности великаго писателя, его недостатки, непріятности, принимается всегда съ жаднымъ любопытствомъ, съ глухою горячностью, какъ будто-бы есть что-то необыкновенное въ томъ, что человѣкъ подверженъ различ-

нымъ случайностямъ *). Напротвъ того, въ Германіи, личная сатира никогда не достигаетъ цѣли; человѣкъ съ извѣстными заслугами никогда не дѣлается ея жертвою; всѣ знаютъ, что онъ, какъ и всякій другой человѣкъ, можетъ имѣть недостатки въ характерѣ, семейныя непріятности и т. д.; но никто не старается ихъ разузнать, не осчастливленъ ихъ обнаруженіемъ; всѣ интересуются его произведеніями, но не его личностью. Отъ него хотятъ только того, что онъ даетъ публикѣ а онъ даетъ то, что у него есть лучшаго, свои чувства, мысли, свое нравственное существо. Всѣ, совершенно резонно, удовлетворяются абстрактными отношеніями автора къ писателю. Прибавьте къ этому, что нѣмцы доводятъ восторгъ къ своимъ національнымъ талантамъ до идолопоклонства. Столь-же расточительные къ выказыванію своего уваженія къ великимъ писателямъ, насколько французы скупы, мы всѣ гордимся славой нашего согражданина. Въ своихъ великихъ писателяхъ мы видимъ живое богатство родины. У насъ сатирики возбуждаютъ только самое глубокое презрѣніе; тогда какъ во Франціи они увѣрены въ хорошемъ приѣмѣ. У насъ человѣкъ гениальный становится общимъ другомъ и защищать его считается дѣломъ чести. Но, для французскаго читателя восхищеніе всегда бываетъ невыносимымъ игомъ; французъ всегда готовъ встать на сторону зависти и великій писатель долженъ въ немъ видѣть союзника своихъ недруговъ.

И въ Германіи знаменитые люди подвергались гоненіямъ, ибо въ какой-же странѣ зависть совсѣмъ щадитъ славу? Иногда случалось, что могущественныя и завистливыя руки поднимали бурю надъ знаменитыми головами, но общественное мнѣніе оставалось на сторонѣ заслугъ. Публика не дѣлалась ни эхомъ, ни соумышлен-

*) Французскій читатель чрезвычайно признателенъ всѣмъ разоблачающимъ эти личныя обстоятельства. Ему очень пріятно узнать, что д'Аламберъ былъ незаконнымъ сыномъ канонессы, и что Поппе былъ горбатъ.

никомъ гонителей; и послѣ бури, слышался только одоб-
рительный ропотъ похвалъ, которыя, падая со всеѣхъ сто-
ронъ, какъ благодѣтельный дождь, оплодотворяють силу
таланта и увеличивають его цвѣты и плоды.

Къ тому-же, эти несправедливости были всегда рѣдки,
у насъ всего чаще можно пользоваться славой безнака-
занно и безопасность бываетъ спутницей генія. Какъ
только нѣмецкій писатель честно и искренно сообщилъ
своему народу плоды своихъ трудовъ, какъ только роль
его кончается и на сцену выступаютъ его читатели—онъ
становится извѣстнымъ, безъ интригъ, безъ покровитель-
ства. Онъ можетъ отдыхать отъ своихъ трудовъ съ утѣ-
шительною мыслью, что, еще при его жизни, они будутъ
оцѣнены съ такою-же справедливостью, какъ и благосклон-
ностью; онъ можетъ даже обращать болѣе вниманія на
глубину мысли, чѣмъ на крайнюю ясность выраженій.
Онъ имѣетъ дѣло съ публикой не лѣнливою умственно, ко-
торая не боится быть внимательной, принимать участие
въ работѣ и стремиться на встрѣчу истины, черезъ лег-
кія облака, ея затемняющія. Наши писатели благородно
пользуются свободою мысли и слова, которая въ Германіи
шире, чѣмъ гдѣ нибудь, потому что права самыя священ-
ныя и сохраненіе которыхъ человѣку всего дороже почита-
ются въ ней съ благоговѣніемъ, личная свобода обезпечена,
на нарушеніе правъ семейнаго очага смотрять съ ужа-
сомъ; въ своемъ городѣ, своемъ дворцѣ, своей хижинѣ,
каждый живетъ, мыслить, дѣйствуетъ, пишетъ незави-
симо. Писателю нечего бояться ни безпокойнаго надзора
подозрительнаго правительства, ни мрачныхъ махинацій
подлой полиціи, способной убить геній тѣмъ страхомъ,
который она внушаетъ. Если даже онъ и впадетъ въ за-
блужденіе, то публика всегда оцѣнитъ благородное чув-
ство, его воодушевляющее, его стремленіе къ распростра-
ненію знаній, къ улучшенію судьбы человѣческаго рода.
И такъ, будь его страна въ войнѣ или мирѣ, царствуютъ
ли вокругъ него тишина или буря, онъ, съ неизмѣн-
нымъ постоянствомъ можетъ идти по дорогѣ, открытой

геніемъ, не обращая вниманія на событія матеріальнаго міра, его окружающаго.

Во Франціи совсѣмъ не такъ; тамъ писатели не имѣютъ дѣла съ такой благосклонной публикой; чтобы заслужить ея милость, надо трудиться не надъ однимъ родомъ произведеній и заботиться о своемъ успѣхѣ еще болѣе, чѣмъ о своемъ трудѣ. Но если французскій писатель не герой всего общества, какъ нѣмецкій, то онъ глава своего кружка. Въ маленькомъ кругу своей партіи онъ рѣшаетъ, вліяетъ, имѣетъ верховную власть. Во Франціи наиболѣе просвѣщенная часть общества раздѣлялась всегда на извѣстное количество этихъ партій, оспаривающихъ другъ у друга скипетръ общественнаго мнѣнія и желающихъ навязать большинству націи иго своихъ рѣшеній и поклоненіе своимъ идоламъ. Ихъ взаимныя нападки, ихъ успѣхи, превратности отражаются въ этомъ подвижномъ зеркалѣ и держатъ общественное мнѣніе въ постоянномъ колебаніи.

Это возвращаетъ насъ къ комедіи Философовъ. Эта драматическая сатира была направлена пртивъ одного изъ самыхъ блестящихъ, самыхъ вліятельныхъ кружковъ Парижа; всѣ его члены отличались талантами и личнымъ значеніемъ; многіе занимали важныя мѣста и высокое социальное положеніе. Можно судить о негодованіи, обрушившемся со всѣхъ сторонъ на автора, попробовавшаго ихъ унижить, на театрѣ выставить ихъ манеры, нравы, частную жизнь: нападки всегда непріятныя, даже для самыхъ достойныхъ людей.

Дѣйствительно, можно утверждать, что никогда вся публика, въ общей массѣ, не составляетъ себѣ точнаго понятія о человѣкѣ, выходящемъ изъ общаго уровня, потому что публика, вообще, состоитъ изъ людей ограниченныхъ, до такой степени погруженныхъ въ узкій кругъ мелкихъ интересовъ, что уже теряется всякая возможность проникать въ высшую сферу человѣческаго мышленія: имъ извѣстно, что существуютъ великія мысли, высокія познанія, но извѣстно только по наслышкѣ; ихъ уваженіе къ людямъ геніальнымъ заключается единственно въ весьма неопредѣленномъ, смутномъ сознаніи ихъ пре-

восходства, но совѣмъ не въ ясномъ и полномъ пониманіи, въ чемъ оно состоитъ. Этотъ анализъ, этотъ разборъ уже не по силамъ обыкновенной публикѣ.

Что-же касается до нравовъ, обычаевъ, частной жизни, то во всемъ этомъ человѣкъ выдающійся совѣмъ подходитъ къ обыкновеннымъ людямъ; тутъ они его компетентные судьи; поэтому его враги не забываютъ ничего, чтобы могло его привлечь и заставить спуститься съ его высокой и возвышенной сферы въ этотъ мелкій кругъ, гдѣ онъ подвергался бы приговору мнѣнія свѣта, и даже иногда осужденіямъ властей политическихъ и судебныхъ.

Эта мелкая сторона совершенно отодвигаетъ и сглаживаетъ все то, что у геніальнаго человѣка есть важнаго и заслуживающаго уваженія, всѣ его труды для увеличенія просвѣщенія и благосостоянія человѣчества: общественное вниманіе совѣмъ отъ этого отворачивается и исключительно обращается на обыкновенныя стороны необыкновеннаго человѣка, стороны часто отвратительныя, именно благодаря самому таланту, который часто совѣмъ измѣняетъ человѣка и придаетъ ему особенный оттѣнокъ въ обыкновенныхъ условіяхъ жизни: онъ не поступаетъ какъ другіе, потому что смотритъ на все совѣмъ иначе. Съ его высоты, всѣ предметы ему кажутся совѣмъ не такими, какъ намъ. Замѣчайте эти странности, но берегитесь осуждать ихъ слишкомъ поспѣшно. Человѣкъ необыкновенный долженъ быть заранѣе оправданъ во всѣхъ глазахъ, какъ онъ оправданъ въ своихъ собственныхъ; какъ-бы странны ни казались его мнѣнія, но, разъ они искренни, онъ имѣетъ право на наше полное уваженіе. Онъ не принадлежитъ міру, какъ существо нравственное. Въ своемъ самомъ интимномъ мышленіи онъ не зависитъ отъ другихъ; онъ обязанъ дать отчетъ только своему Богу и себѣ самому. У него только два непогрѣшимыхъ судьи: Богъ послѣ смерти и онъ самъ при жизни.

Онъ принадлежитъ вселенной только какъ существо мыслящее, своею мыслительною дѣятельностью, имѣюще глубокое вліяніе на судьбы остальныхъ людей; и, какъ

я уже сказалъ, эта сила происходитъ болѣе отъ вліянія на умы, чѣмъ отъ общаго сознанія силы, ихъ себѣ подчиняющей. Умы скорѣе увлекаются, чѣмъ просвѣщаются; они живо чувствуютъ то, чего не цѣнятъ; такъ какъ умъ обыденный не цѣнитъ ума возвышеннаго, то и не можетъ подняться до его высоты. И умъ возвышенный, точно также, не можетъ встать на мѣсто ума обыденнаго; онъ не можетъ спуститься до него. Общее правило: людей могутъ дѣйствительно судить только имъ равные; люди посредственные—людей посредственныхъ; великіе люди—людей великихъ.

Впрочемъ, когда человѣкъ необыкновенный своей обыденной стороною даетъ матеріалъ для сатиры, то всѣ посредственности въ восторгѣ; это въ порядкѣ вещей; это первое движеніе человѣческаго сердца. Кто-бы повѣрилъ? Причина этого, въ сущности, гораздо почтеннѣе для насъ, чѣмъ это кажется сначала: она заключается въ тайномъ желаніи умственно возвышаться, желаніи неразрывно присущемъ человѣку, и, если чувство это не удовлетворено, то переходитъ въ досаду противъ тѣхъ обладателей подобнаго преимущества, о которомъ мы всѣ мечтаемъ, даже когда не можемъ его приобрести. Очевидно, что это чувство происходитъ отъ возвышенности и величія нашей интеллектуальной природы.

Но перестанемъ погружаться въ эти совсѣмъ необычныя разсужденія и вернемся къ занимающему насъ предмету, мелкой войнѣ мелкихъ умовъ съ великими умами восемнадцатаго столѣтія: вернемся къ комедіи Философы, къ Племяннику Рамо и къ Дидро. Палиссо напалъ на его поведеніе и его нравы: Дидро мститъ ему тѣмъ-же оружіемъ; онъ представляетъ, въ свою очередь, Палиссо, какъ существо безнравственное, вредное, ужасное, изгнанное изъ порядочнаго общества, съ погибшей репутаціей, и т. д. и онъ ничего не забываетъ, чтобы отбросить на своего Зоила гнусныя краски, которыми тотъ хотѣлъ его очернить.

Сила, съ которою написана эта часть, заставляетъ предполагать, что Дидро находился въ то время въ

полномъ разгарѣ своей ненависти и досады и что его Племянникъ Рамо былъ написанъ какъ разъ во время скандала, произведеннаго комедіей Философы. Онъ упоминаетъ о Рамо дядѣ, какъ о еще живущемъ на свѣтѣ (Рамо дядя умеръ въ 1764 г.). Въ это-же время появились *la Fausse Confiance* Брета и многія другія вещи, теперь совсѣмъ забытыя и о которыхъ Дидро даетъ намъ, какъ-бы извѣстія послѣ ихъ смерти.

Въ это-же время обѣ стороны обмѣнялись еще нѣсколькими сатирическими стрѣлами. Изъ всѣхъ этихъ памфлетовъ, я упомяну только о *Vision de Charles Palissot*, авторомъ котораго былъ аббатъ Мореллэ. Многіе памфлеты, весьма смѣлые, ходили по рукамъ въ рукописяхъ и не были напечатаны; эта-же причина заставила также и Дидро не печатать своего Племянника Рамо, на котораго я смотрю, какъ на самую важную вещь, написанную по поводу этихъ распри и какъ на единственную ихъ пережившую, потому что пламя гнѣва она соединяетъ съ пламенемъ генія, бросающаго болѣе долговѣчный блескъ.

Впрочемъ, постараемся не считать Палиссо такимъ дурнымъ человѣкомъ, какимъ онъ выставленъ въ этой книгѣ; у него была долгая и не безуспѣшная литературная жизнь; онъ съ честью продержался во все время французской революціи: онъ можетъ еще живъ въ ту минуту *), какъ я это пишу. Онъ смѣется, вспоминая старыя распри и гнусныя обвиненія, которыя онъ съ Дидро, не скупясь взваливали другъ на друга. Если смѣется, то и хорошо дѣлаетъ; особенно, во Франціи, можно всегда рассчитывать имѣть смѣхъ на своей сторонѣ и если только удастся имъ заручиться, то побѣда уже недолго заставитъ себя ждать.

*) Палиссо умеръ 1813 году.

ЭТО НЕ СКАЗКА.

Сказку всегда рассказываютъ тому, кто ее слушаетъ и если она нѣсколько длинна, то слушатель обыкновенно перерываетъ рассказчика. — Вотъ, почему въ этотъ рассказъ, совсѣмъ не сказку, или, если вы въ этомъ сомнѣваетесь, плохую сказку я ввелъ лицо которое изображаетъ изъ себя читателя; затѣмъ я приступаю:

— И вы изъ этого заключаете?

— Что такой интересный предметъ долженъ былъ-бы всѣхъ позабавить; въ продолженіе цѣлаго мѣсяца занять всѣ кружки города; со всѣхъ сторонъ тамъ разбираться до нелѣпости; подать поводъ къ тысячѣ ссоръ, по крайней мѣрѣ, къ двадцати брошюркамъ и нѣсколькимъ сотнямъ стихотвореній за или противъ; и, несмотря на всю тонкость, всѣ знанія и умъ автора, вещь его посредственна и весьма посредственна, она не возбудила никакого броженія.

— Но мнѣ кажется, что мы ему, всетаки, обязаны весьма пріятно проведеннымъ вечеромъ и что это чтеніе привело...

— Какъ! родъ истасканныхъ исторій, всѣмъ извѣстныхъ и въ которыхъ повторялась вещь, извѣстная во всѣ времена, что мужчина и женщина—два существа, весьма зловредныя.

— Однако, эпидемія захватила и васъ и вы заплатили вашу дань, какъ и всякій другой.

— Да, вѣдь, волей-неволей поддаешься извѣстному тону; входя въ общество, всякій старается принять даже

то выраженіе, которое видитъ у другихъ; представляется веселымъ, когда печаленъ, печальнымъ, когда хочется быть веселымъ; литераторъ говоритъ о политикѣ; политикъ о метафизикѣ; метафизикъ морализируетъ; моралистъ говоритъ о финансахъ, финансистъ о литературѣ или геометріи и вмѣсто того, чтобы слушать или молчать, всякій болтаетъ о томъ, чего не знаетъ и всѣ скучаютъ изъ-за глупаго тщеславія или вѣжливости.

— Вы не въ духѣ.

— Какъ и всегда.

— А я полагаю, что было-бы лучше оставить мой рассказецъ до болѣе благопріятнаго времени.

— То есть, вы хотите дожидаться моего ухода.

— Совсѣмъ нѣтъ.

— Или вы боитесь, что я менѣе буду снисходителенъ къ вамъ съ глазу на глазъ, чѣмъ къ первому встрѣчному въ обществѣ.

— Совсѣмъ нѣтъ.

— Будьте-же такъ добры сказать мнѣ, въ чемъ тутъ дѣло?

— Дѣло въ томъ, что мой рассказъ не доказательнѣе тѣхъ, которые такъ вамъ надобли.

— Ничего; все-таки, расскажите.

— Нѣтъ, нѣтъ; съ васъ достаточно и тѣхъ.

— Знаете-ли, изъ всѣхъ способовъ обѣсить меня, вашъ способъ самый антипатичный.

— Какой это мой?

— Заставлять себя упрашивать сдѣлать то, что вамъ до смерти хочется сдѣлать. И такъ, другъ мой, я васъ прошу, васъ умоляю доставить себѣ это удовольствіе.

— Доставить мнѣ удовольствіе!

— Начинайте, Бога ради, начинайте.

— Постараюсь быть короче.

— Это будетъ нелишнее.

Тутъ, нѣсколько изъ хитрости, я откашлялся, плюнулъ, медленно развернулъ свой платокъ, высморкался, открылъ табакерку, взялъ щепотку табаку, между тѣмъ какъ онъ бормоталъ сквозь зубы: «Если исторія коротка,

то прелиминаріи длинны...» Мнѣ захотѣлось позвать слугу подъ предлогомъ какого нибудь приказанія; но я этого не сдѣлалъ и сказалъ:

— Надо сознаться, что есть мужчины очень добрые и женщины очень злыя.

— Это можно видѣть ежедневно и даже, иногда, не выходя изъ дому. Далѣе?

— Далѣе? Я знавалъ красавицу Альзасску, но красавицу такую, что старики за нею бѣгали, а юноши останавливались, какъ вкопанные.

— И я знавалъ ее; ее звали м-мъ Реймеръ.

— Нѣкто Танье, правда, юноша, только-что приѣхавшій изъ Нанси, до безумія влюбился въ нее. Онъ былъ бѣденъ, принадлежа къ разряду тѣхъ потерянныхъ дѣтей, которыхъ выгоняетъ изъ дому жестокость родителей, обремененныхъ большою семьею и которые бросаются въ свѣтъ, не зная, что съ ними будетъ, изъ ложнаго инстинкта, говорящаго имъ, что ихъ судьба будетъ не хуже той, отъ которой они бѣгутъ. Танье, влюбленный въ м-мъ Реймеръ, возбужденный страстью, которая поддерживала его мужество и облагораживала въ его глазахъ все его поступки, безъ отвращенія брался за самыя тяжелыя и самыя низкія работы, только бы кое-какъ прокормить свою возлюбленную. Днемъ онъ работалъ въ гаваняхъ; вечеромъ просилъ милостыню на улицахъ.

— Это было прекрасно;—но не могло долго длиться.

— Оттого-то Танье, утомленный борьбой съ нуждой или скорѣе не желая далѣе удерживать въ нищетѣ прелестную женщину, окруженную богачами, умолявшими ее прогнать этого голяка Танье...

— Что она сама-бы сдѣлала черезъ двѣ недѣли, много черезъ мѣсяцъ.

— И принять ихъ богатства, рѣшилъ покинуть ее и отправиться искать счастья въ далекія страны, для чего выхлопоталъ себѣ даровой проѣздъ на королевскомъ кораблѣ. Настала минута отъѣзда. Онъ идетъ прощаться съ м-мъ Реймеръ. «Другъ мой, говоритъ онъ ей, я не хочу болѣе употреблять во зло вашу любовь. Я рѣшилъ

и уѣзжаю.—Вы уѣзжаете!—Да...—Куда вы ѣдете?—На острова. Вы стоите другой участи, я не хочу вамъ болѣе мѣшать достигнуть ее.

— Добрый Танье!..

— Но что-же вы хотите, чтобы со мною случилось?

— Измѣнница!..

— «Вы окружены людьми, которые стараются понравиться вамъ. Я освобождаю васъ отъ вашихъ обѣщаній и клятвъ. Выберите того изъ нихъ, который вамъ болѣе другихъ нравится, согласитесь на его просьбы, я самъ умоляю васъ въ этомъ...—А! Танье, вы мнѣ это предлагаете...»

— Избавляю васъ отъ пантомимъ м-мъ Реймеръ. Я ее вижу и знаю..

«— Уѣзжая, я требую у васъ одной милости—не связывать себя ничѣмъ, что бы могло насъ навѣки разлучить. Поклянитесь мнѣ, моя дорогая. Въ какой-бы странѣ я ни жилъ, надо, чтобы я былъ очень несчастливъ если черезъ годъ не дамъ вамъ доказательствъ моей нѣжной привязанности. Не плачьте...

— Онѣ вѣдь плачутъ когда того захотятъ.

— «...И не противьтесь намѣренію, на которое я, наконецъ, рѣшился, благодаря упрекамъ моего сердца и къ которому они опять приведутъ меня.» И вотъ Танье уѣхалъ въ Санъ-Доминго.

— И уѣхалъ во время, какъ для себя, такъ и для м-мъ Реймеръ.

— Какъ это вы знаете?

— Я знаю такъ хорошо, какъ только можно знать, что когда Танье посоветовалъ ей сдѣлать выборъ, то онъ уже былъ сдѣланъ.

— Какъ!

— Продолжайте вашъ рассказъ.

— Танье былъ уменъ и ловокъ въ дѣлахъ. Онъ не замедлилъ приобрѣсти извѣстность, сдѣлался членомъ верховнаго совѣта Капштадта. Онъ отличался тамъ своими знаніями и справедливостью. Онъ вовсе не хотѣлъ богатства громаднаго; но желалъ его приобрѣсти честно и

скоро. Каждый годъ онъ посылалъ часть м-мъ Реймеръ. Онъ вернулся лѣтъ черезъ девять, десять: нѣтъ, не думаю, чтобы его отсутствіе длилось дольше... и вручилъ своему другу маленькій бумажникъ, съ продуктами его добродѣтелей и трудовъ... Къ счастью Танье, это было въ ту минуту, когда она разсталась съ послѣднимъ изъ его преемниковъ.

— Съ послѣднимъ?

— Да.

— У него ихъ, значить, было нѣсколько?

— Конечно.

— Продолжайте, продолжайте.

— Но, быть можетъ, вы все это сами знаете лучше меня.

— Ну, такъ что-жь, всетаки продолжайте.

— М-мъ Реймеръ и Танье занимали довольно красивую квартиру въ улицѣ св. Маргариты, рядомъ со мною. Я очень уважалъ Танье, часто бывалъ у него и видѣлъ, что если онъ жилъ не роскошно, то съ полнымъ довольствомъ.

— А я могу васъ увѣрить, хотя и не считалъ съ Реймеръ, что у нея было болѣе пятнадцати тысячъ годового дохода до возвращенія Танье.

— Отъ котораго она скрывала свое богатство?

— Да.

— Отчего?

— Оттого, что она была скупа и жадна.

— Допустимъ жадна, но скупа! скупая куртизанка! Пять или шесть лѣтъ они прожили въ наилучшемъ согласіи.

— Благодаря чрезвычайной хитрости одной и безграничному довѣрію другаго.

— О! совершенно вѣрно, что и тѣнь подозрѣнія не могла закрасться въ столь честную душу, какая была у Танье. Единственная вещь, которую я замѣтилъ, была та, что м-ме Реймеръ вскорѣ забыла свою прежнюю нищету; что она терзалась страстью къ роскоши

и богатству; что ей казалось унижительнымъ, что такая красавица должна ходить пѣшкомъ.

— Отчего-же она не держала кареты?

— И что блескъ порока скрывалъ отъ нея всю его низость. Вы смѣтаетесь?... Въ это-то самое время г. Морепавздумалъ основать торговый домъ на сѣверѣ. Успѣхъ этого предпріятія зависѣлъ отъ человѣка дѣятельнаго и умнаго. Онъ вспомнилъ о Таньѣ, которому поручалъ веденіе нѣсколькихъ важныхъ дѣлъ во время его пребыванія въ Капштадтѣ, и который всегда ихъ оканчивалъ къ полному удовольствію министра. Эта честь привела Таньѣ въ отчаяніе. Онъ былъ такъ счастливъ, такъ доволенъ подлѣ своего прекраснаго друга! Онъ любилъ; былъ, или считалъ себя, любимымъ.

— Хорошо сказано.

— Что золото могло прибавить къ его счастью? Ничего. Между тѣмъ министръ настаивалъ. Надо было рѣшиться и сказать о всемъ т-те Реймеръ. Я пришелъ къ нимъ въ концѣ этой прискорбной сцены. Бѣдный Таньѣ заливался слезами. «Что съ вами, другъ мой?» сказалъ я ему. Онъ отвѣчалъ мнѣ рыдая: «Вотъ эта женщина!» М-мъ Реймеръ спокойно занималась какимъ-то вышиваньемъ. Таньѣ вскочилъ и вышелъ. Я остался наединѣ съ его подругой, которая не замедлила мнѣ сообщить то, что она называла безразсудствомъ Таньѣ. Она постаралась мнѣ преувеличить скромность своихъ средствъ; для своей защиты употребила все искусство, которымъ умѣетъ облекать софизмы тщеславія. «Въ чемъ все дѣло? Въ разлукѣ года на два, самое большое на три».

— Это порядочно для человѣка, котораго вы любите и который васъ любитъ, какъ самаго себя.

— Онъ меня любитъ? Если-бы онъ любилъ меня, то развѣ сталъ-бы колебаться, чтобы угодить мнѣ?

— Но, сударыня, отчего-бы вамъ не ѣхать съ нимъ?

— Мнѣ! я туда ни за что не поѣду; и ему самому, не смотря на все его сумасбродство, не пришло въ голову это предложить мнѣ. Сомнѣвается онъ во мнѣ?

— Не думаю.

— Послѣ того, какъ я ждала его двѣнадцать лѣтъ, можно вѣдь довѣрить моему слову года на два, на три. Послушайте, вѣдь это одинъ изъ такихъ случаевъ, которые представляются только разъ въ жизни; и я не хочу чтобы онъ потомъ сталъ раскаяваться и быть можетъ упрекать меня, что упустилъ его изъ-за меня. — Танье ни о чемъ не можетъ сожалѣть, пока будетъ имѣть счастье вамъ нравиться. — Прекрасно; но будьте увѣрены, что онъ будетъ очень радъ богатству, когда я состарѣюсь. Женщины грѣшатъ тѣмъ, что никогда не думаютъ о будущемъ; но я не такова...» Министръ былъ въ Парижѣ. Отъ его отеля до улицы Св. Магдалины было нѣсколько шаговъ. Танье пошелъ къ нему и условился. Онъ вернулся съ сухими глазами, но съ сжатымъ сердцемъ. «Сударыня, сказалъ онъ, я видѣлся съ г. Морена; я далъ ему слово. Я уѣду, уѣду, вы останетесь довольны. — О! другъ мой... М-мъ Реймеръ роняетъ свое шитье, бросается къ Реймеру, обхватываетъ его шею руками, осыпаетъ его ласками и нѣжными словами. «Да! вотъ теперь-то я вижу, какъ я дорога для васъ». Танье холодно отвѣчалъ ей: «Вы хотите быть богатой».

— Она и была богата, мошенница, въдесятеро богаче, чѣмъ того заслуживала...

— И вы будете богаты. Такъ какъ вы любите золото, то приходится ѣхать доставать вамъ его. Это было въ среду, а министръ назначилъ отъѣздъ на пятницу. Я пришелъ съ нимъ проститься и засталъ его въ борьбѣ съ самимъ собою, когда онъ старался вырваться изъ объятій прекрасной, недостойной и жестокой Реймеръ. Это былъ полный умственный беспорядокъ, отчаяніе, агонія, другаго примѣра которыхъ я уже никогда не видалъ. Это была не жалоба, но очень долгій крикъ. М-мъ Реймеръ была еще въ постели. Онъ держалъ ея руку, не переставая повторять: о жестокая женщина! жестокая женщина! чего тебѣ еще надо посреди довольства, которымъ ты окружена и имѣя такого друга, какъ я? Я ѣздили доставать ей богатство въ жгучія страны Африки; она хочетъ, чтобы я теперь отправлялся за ними въ холодныя

страны Сѣвера. Другъ мой, я чувствую, что эта женщина глупа; я чувствую, что я безумный; но мнѣ легче умереть, чѣмъ ее огорчить. Ты хочешь, чтобы я разстался съ тобой; я и разстанусь». Онъ стоялъ на колыняхъ подлѣ ея кровати, прильнувъ губами къ ея рукѣ и уткнувъ лицо въ одѣяло, отъ чего его заглушенные рыданія казались еще печальнѣе и страшнѣе. Дверь комнаты отворилась; онъ мгновенно поднялъ голову и увидѣлъ почтальона, пришедшаго объявить, что лошади готовы. Онъ вскрикнулъ и снова спряталъ лицо въ одѣяло. Послѣ минутнаго молчанія онъ всталъ и сказалъ своему другу: «Поцѣлуйте меня; поцѣлуй меня еще разъ, потому что ты меня болѣе не увидишь». Его предчувствіе вполнѣ оправдалось. Онъ уѣхалъ. Приѣхавъ въ Петербургъ, онъ черезъ три дня заболѣлъ лихорадкой, а на четвертый умеръ.

— Я все это зналъ.

— Вы, пожалуй, были однимъ изъ преемниковъ Танье?

— Вы угадали; и съ этой-то отвратительной красавицей я разстроилъ свои дѣла.

— Бѣдняга Танье!

— Есть люди, которые назовутъ его глупцомъ.

— Я его не стану защищать; но въ глубинѣ сердца пожелаю, чтобы злая судьба патолкнула ихъ на женщину столь-же прекрасную и столь-же лукавую, какъ и-мъ Реймеръ.

— Вы жестоки въ мщеніи.

— Да, притомъ, если есть злыя женщины и очень добрые мужчины, то есть и женщины очень добрыя, а мужчины очень злые; и то, что я теперь прибавлю, также дѣйствительно случилось, какъ и то, что уже рассказалъ.

— Я въ томъ увѣренъ.

— Г. д'Ерувилль...

— Который еще живъ? генераль-лейтенантъ королевской гвардіи, женившійся на прелестной Лолотѣ?

— Онъ самый.

— Это прекрасный человѣкъ, другъ наукъ.

— И ученыхъ. Онъ долго занимался общей исторіей войны во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ.

— Планъ обширный.

— Для приведенія его въ исполненіе, онъ собралъ вокругъ себя нѣсколькихъ молодыхъ людей съ выдающимися способностями, какъ, напримѣръ, г. де-Монтьюкла, автора Исторіи математики.

— Чортъ побери! и было у него много такихъ?

— Но, Гардейль, герой происшествія, которое я хочу вамъ рассказать, не уступалъ ему по своей части. Благодаря рвенію къ изученію греческаго языка, завязалось у меня съ Гардейлемъ знакомство, которое время, обоюдные совѣты, любовь къ уединенію и, въ особенности, возможность часто видѣться, перевели въ довольно тѣсную дружбу.

— Вы жили тогда на Эстрападѣ.

— Онъ на улицѣ Saint Hyacinthe, а его подруга, м-ль де-Шо на площади S. Michel. Я ее называю ея настоящимъ именемъ потому, что бѣдняжка уже умерла, а ея жизнь можетъ только внушить къ ней уваженіе всѣмъ благомыслящимъ людямъ и заслужить ей восхищеніе, сожалѣніе и слезы тѣхъ, которыхъ природа наградила или наказала маленькой частицей ея чувствительности.

— Но вашъ голосъ прерывается и вы, кажется, плачете.

— Мнѣ кажется, что я еще вижу ея большіе черные глаза, блестящіе и кроткіе, а ея трогательный голосъ еще раздается въ моихъ ушахъ и смущаетъ мнѣ сердце! Созданье прелестное! созданье единственное! тебя уже нѣтъ болѣе! Уже около двадцати лѣтъ, какъ тебя не стало; а сердце мое все еще сжимается при воспоминаніи о тебѣ.

— Вы любили ее?

— Нѣтъ. О де-Шо! о Гардейль! Вы оба были необыкновенны; вы—идеаль женской нѣжности; вы—мужской неблагодарности. М-ль де-Ла-Шо была изъ хорошей, честной семьи. Она бросила своихъ родныхъ, чтобы броситься

въ объятія Гардейля. У Гардейля не было ничего; у м-ль Ла-Шо было нѣкоторое состояніе, разумѣется, совершенно пожертвованное нуждамъ и прихотямъ Гардейля. Она не жалѣла ни о потери состоянія, ни о запятнанной чести. Ея возлюбленный замѣнялъ ей все.

— Этотъ Гардейль былъ, значить, очень привлекателенъ, очень любезенъ?

— Совсѣмъ нѣтъ. Маленькій человѣчекъ, ворчунъ, упрямъ и ядовитъ; лицо сухое, смуглое; въ общемъ—маленькая, худощавая фигурка; дурень, если можетъ быть дурень мужчина съ умнымъ лицомъ.

— И вотъ, что вскружило голову прелестной дѣвушкѣ?

— И васъ это удивляетъ?

— Всегда.

— Васъ?

— Меня.

— Да, развѣ вы забыли свое приключеніе съ Дешанъ и ваше глубокое отчаяніе, когда она выгнала васъ отъ себя?

— Оставимъ это; продолжайте.

— Я вамъ говорилъ: «Она, значить, очень хороша?» А вы мнѣ печально отвѣчали: «Нѣтъ.—Она, значить, очень умна?—«Это дура.»—«Такъ ея таланты такъ привлекаютъ васъ?»—«У нея только одинъ и есть.»—«И этотъ рѣдкій, превосходный, чудесный талантъ?» Заставлять меня испытывать въ своихъ объятіяхъ, такое счастье, какого я не ощущалъ ни съ одной женщиной». И м-ль де-Ла-Шо, честная, чувствительная м-ль де-Ла-Шо, въ глубинѣ сердца обѣщала себѣ, инстинктивно и безсознательно, то самое счастье, которое вамъ хорошо извѣстно и которое заставляло васъ говорить о Дешанъ: «Если эта несчастная, эта негодница будетъ продолжать гнать меня отъ себя, я возьму пистолетъ и пущу себѣ пулю въ лобъ въ ея передней». Говорили вы это, да или нѣтъ?

— Говорилъ; и даже теперь не знаю, почему я этого не исполнилъ.

— Согласитесь-же.

— Согласенъ со всѣмъ, что вамъ угодно.

— Другъ мой, самый мудрый изъ насъ весьма счастливъ, если не встрѣтилъ женщину красивую или некрасивую, умную или глупую, которая-бы его довела до сумасшедшаго дома. Будемъ горячо сожалѣть мужчинъ и мягко осуждать ихъ; посмотримъ на прожитые нами годы, какъ на столько-то минутъ, выхваченныхъ у преслѣдующей насъ злобы, и только съ дрожью будемъ глядѣть на силу привлекательности и очаровательности нѣкоторыхъ натуръ, въ особенности, для горячей души и пылкаго воображенія. Искра, падающая на боченокъ съ порохомъ, не производитъ болѣе страшнаго дѣйствія. Палецъ, готовый бросить на васъ или на меня эту роковую искру, уже, быть можетъ, поднять.

Г. д'Ерувилль, желая скорѣе кончить свое сочиненіе, заваливалъ работой своихъ сотрудниковъ. Здоровье Гардейля оттого пострадало. Чтобы имѣть возможность помогать ему, м-ль де-Ла-Шо выучилась по еврейски. Настало время обратиться къ греческимъ писателямъ; м-ль де-Ла-Шо посигѣшила усовершенствоваться и въ этомъ языкѣ, такъ какъ уже немного знала его, и пока Гардейль спалъ, она переводила и переписывала отрывки изъ Ксенофонта и Фукидида. Кромѣ греческаго и еврейскаго языковъ, она выучилась итальянскому и англійскому. Послѣднимъ она такъ хорошо владѣла, что могла переводить на французскій первые опыты метафизики Юма, трудность самаго предмета которыхъ еще безконечно увеличивалась трудностью языка. Когда серьезныя занятія истощали ея силы, она бралась за музыку. Опасаясь, чтобы Гардейль не соскучился, она принималась ему пѣть. Я ничего не преувеличиваю, можете справиться у доктора Камюса, который утѣшалъ ее въ горѣ, помогалъ ей въ нищетѣ, оказывалъ ей постоянныя услуги, послѣдовалъ за нею на чердакъ, куда бѣдность загнала ее и закрылъ ей глаза, когда она умерла. Но я забываю одно изъ ея первыхъ испытаній. Преслѣдованіе родныхъ, возмущенныхъ ея скандальною и публичною любовью. Чтобы овладѣть ею, самымъ подлымъ образомъ была пущена въ ходъ

и правда, и ложь. Родные и попы преслѣдовали ее изъ квартала въ кварталъ, изъ дома въ домъ, и заставили ее въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ жить одной, скрываясь. Дни она проводила за работой для Гардейля. Мы являлись къ ней ночью; при видѣ возлюбленнаго исчезало и горе, и безпокойство.

— Какъ! молодая, запуганная, окруженная такими непріятностями, она была еще счастлива?

— Счастлива! конечно, она перестала быть ею только тогда, когда Гардейль оказался неблагодарнымъ.

— Но невозможно, чтобы за такія рѣдкія качества за столько доказательствъ любви, столько жертвъ всякаго рода, было отплачено неблагодарностью.

— Ошибаетесь, Гардейль былъ неблагодаренъ. Насталъ день, когда м-ль де-ла-Шо очутилась одна на свѣтѣ, опозоренная, безъ состоянія, безъ поддержки. Впрочемъ не совсѣмъ такъ; я остался у нея на нѣкоторое время, докторъ Камюсъ навсегда.

— О, мужчины! мужчины!

— О комъ вы говорите?

— О Гардейлѣ.

— Вы смотрите на злого, и не обращаете вниманія на добраго. Въ этотъ день горя и отчаянія она прибѣжала ко мнѣ. Это было утромъ. Она была блѣдна, какъ смерть. Она узнала свою участь только наканунѣ, и на лицѣ ея лежалъ отпечатокъ долгихъ страданій. Она не плакала; но видно было, что уже много плакала прежде. Бросилась на кресло, ничего не говорила, да и не могла говорить, протягивала ко мнѣ руки и вскрикивала. «Что случилось? спросилъ я. Умеръ онъ?..—Хуже: онъ меня не любитъ, меня бросаетъ»...

— Продолжайте-же.

— Не могу; я ее вижу, слышу, и глаза мои наполняются слезами. «Онъ васъ не любитъ?..—Нѣтъ.—Бросаетъ васъ!—Да, послѣ всего, что я сдѣлала!.. Послушайте, голова моя путается; сжальтесь надо мною; не покидайте меня...» Говоря это, она схватила меня за руку и крѣпко сжимала ее, точно подлѣ нея стоялъ

кто-то, кто хотѣлъ ее схватить и утащить... «Ничего не бойтесь, мадамъазель.—Я боюсь только себя.—Что надо для васъ сдѣлать?—Во-первыхъ, меня спасти отъ себя самой... Онъ меня болѣе не любить! я его утомляю! вывожу изъ терпѣнія! ему надоѣдаю! онъ меня ненавидитъ! онъ меня бросаетъ! меня оставляетъ! оставляетъ!» Послѣ этого слова, нѣсколько разъ повтореннаго, настало молчаніе, которое прерывалось взрывами конвульсивнаго хохота, въ тысячу разъ болѣе страшнаго, чѣмъ стоны отчаянія или хрипъ агоніи. Затѣмъ послѣдовали слезы, крики, безсвязныя слова, взоры, обращенныя къ небу, съ трепещущими губами, цѣлый потокъ горя, который надо было предоставить своему теченію; что я сдѣлать и началъ урезонивать ее только когда увидѣлъ, что она совсѣмъ убита и измучена. Тогда я началъ: «Онъ васъ ненавидитъ, васъ бросаетъ! кто-же это вамъ сказалъ?—Онъ самъ.—Всетаки, немного надѣйтесь и мужайтесь. Вѣдь онъ не чудовище...—Вы его не знаете; но узнаете. Это такое чудовище, какихъ никогда не было, какихъ никогда не будетъ.—Я не могу этому повѣрить.—Вы увидите.—Любитъ онъ кого-нибудь?—Нѣтъ!—Вы не подали ему никакого подозрѣнія, не сдѣлали ему никакой непріятности?—Ничего, никакой.—Въ чемъ-же дѣло?—Моя бесполезность. У меня болѣе ничего нѣтъ. Я ни на что не годна. Его тщеславіе; онъ всегда былъ тщеславенъ. Потеря моего здоровья, моей красоты я столько страдала и такъ утомлялась; скука, отвращеніе.—Когда любовь исчезаетъ, остается дружба!—Я сдѣлалась для него невыносимой; мое присутствіе тяготитъ его, мой видъ огорчаетъ и оскорбляетъ. Еслибы вы знали, что онъ мнѣ сказалъ! Да, онъ мнѣ сказалъ, что еслибы его приговорили провести со мною двадцать четыре часа, то онъ бросился-бы въ окошко.—Но такое отвращеніе являлось не вдругъ.—Почемъ я знаю? Онъ всегда такъ пренебрежителенъ! такъ равнодушенъ! такъ холоденъ! Такъ трудно понимать подобную душу! и такъ не хочется читать свой смертный приговоръ! Онъ мнѣ объявилъ его, и какъ жестоко!—Я тутъ ничего не пони-

маю.—У меня къ вамъ есть просьба, и для этого-то я и пришла: исполните вы мнѣ ее?—Какая-бы она ни была.—Послушайте. Онъ васъ уважаетъ; вы знаете все, чѣмъ онъ мнѣ обязанъ. Можетъ быть, ему стыдно станеть показаться вамъ такимъ, какъ есть. Нѣтъ, я не думаю, чтобы у него настолько хватило нахальства и силы. Я только женщина, но вы мужчина.—Человѣкъ нѣжный, честный, справедливый можетъ простыдить. Вы его притыдите. Дайте мнѣ руку и не откажитесь пойдти со мной къ нему. Я хочу говорить съ нимъ при васъ. Кто знаетъ, какъ подѣйствуетъ на него мое горе и ваше присутствіе? Вы пойдете со мной?—Весьма охотно.—Пойдемте...»

—Сомнѣваюсь, чтобы ея горе и ея присутствіе могло что нибудь сдѣлать. Отвращеніе! это страшная вещь въ любви, и еще къ женщинѣ!...—Я послалъ за носилками, потому что она совсѣмъ не была въ состояніи идти пѣшкомъ. Мы приходимъ къ Гардейлю, въ этотъ большой новый домъ, единственный на правой сторонѣ улицы Hyacinthe, идя съ площади St.-Michel. Носильщики останавливаются, отворяютъ. Я жду. Она не выходитъ. Подхожу и вижу передъ собою женщину дрожащую съ головы до пятокъ; зубы ея щелкали, какъ въ лихорадкѣ, колѣна стукались одно о другое. «Одну минуту, извините, я не могу... Что я тамъ буду дѣлать? Я напрасно оторвала васъ отъ занятій, мнѣ это очень непріятно, пожалуйста, простите меня...»

Я всетаки протянулъ ей руку. Она взяла ее, попробовала встать, и не могла. «Еще минуту, сказала она; вамъ меня жалко, вы за меня страдаете»... Наконецъ, она немного оправилась, и, выходя изъ носилокъ тихо прибавила: «Надо выйти; надо его увидѣть. Кто знаетъ? можетъ быть, я тамъ умру...» Вотъ и дворъ перейденъ; вотъ дверь квартиры; вотъ мы и въ кабинетѣ Гардейля. Онъ сидѣлъ у письменнаго стола, въ халатѣ и ночномъ колпакѣ. Сдѣлавъ мнѣ рукою знакъ привѣтствія, онъ продолжалъ начатую работу. Потомъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Я прошу у васъ тысячу извиненій за сума-

сбродныя выходки мадемуазель». Обратясь къ бѣдному созданью, полуживому отъ отчаянія, прибавилъ: «Что вамъ еще надо отъ меня? Полагаю, что послѣ моего яснаго и точнаго объясненія все должно быть покончено между нами. Я вамъ сказалъ, что болѣе не люблю васъ; я сказалъ это вамъ наединѣ; вы очевидно желаете, чтобы я повторилъ это при свидѣтеляхъ: извольте: я васъ болѣе не люблю. Чувство любви къ вамъ совсѣмъ погасло въ моемъ сердцѣ; и прибавлю, если это можетъ васъ утѣшить, ко всякой другой женщинѣ.

— Но скажите, отчего вы меня болѣе не любите?— Я не знаю: только, что началъ любить не зная за что, и кончилъ тоже не зная за что и что чувствую, что эта страсть уже не можетъ воскреснуть. Это болѣзнь, отъ которой я отвязался и льщу себя надеждой, что навсегда излечился.—Въ чемъ я провинилась?—Ни въ чемъ.—Есть у васъ какія-нибудь скрытыя замѣчанія насчетъ моего поведенія?—Ни малѣйшаго; вы были женщиною самою постоянною, самою честною, какую только можетъ пожелать мужчина.—Пренебрегла я чѣмъ-нибудь, что должна была сдѣлать?—Ничѣмъ.—Не пожертвовала-ли я для васъ своими родными?—Совершенно вѣрно.—Своимъ состояніемъ?—Къ моему величайшему сожалѣнію.—Своимъ здоровьемъ?—Весьма возможно.—Своею честью, репутаціей, спокойствіемъ.—Все, что вамъ угодно.—А я тебѣ ненавистна!—Это тяжело говорить, тяжело слышать, но, разъ это такъ, приходится сознаться.—Я ему ненавистна!.. Я это чувствую и презираю себя!.. Ненавистна! о! боги!..» При этихъ словахъ она поблѣднѣла какъ полотно; губы ея поблѣзли; капли холоднаго пота, выступившія на щекахъ, смѣшались со слезами, глаза ея были закрыты; голова опрокинулась на спинку кресла; зубы стиснулись, всѣ члены дрожали; за дрожаньемъ наступило изнеможеніе, и я подумалъ, что уже сейчасъ случится то, на что она надѣялась у воротъ этого дома. Продолжительность этого состоянія испугала меня. Я снялъ съ нея мантилью; распустилъ шнурки ея платья и юбокъ и обрызгалъ лицо свѣжею водою. Глаза ея полу-

открылись; въ горлѣ слышалась глухая жалоба; она хотѣла произнести: «я ему противна» но выговорила только послѣдніе слоги этого слова и потомъ пронзительно вскрикнула. Вѣки опустились и обморокъ возобновился. Гардейль, холодно сидя въ своемъ креслѣ, облокотясь на столъ и поддерживая рукою голову, равнодушно смотрѣлъ на нее и предоставлялъ мнѣ ухаживать за нею. Я нѣсколько разъ повторялъ ему: «Да вѣдь она умираетъ... надо-бы послать за докторомъ». Онъ мнѣ отвѣчалъ улыбаясь и пожимая плечами: «Женщины живучи; онѣ не умираютъ изъ за такихъ пустяковъ; это ничего, пройдетъ. Вы ихъ не знаете; онѣ дѣлаютъ изъ своего тѣла все, что имъ вздумается.—Она умираетъ, говорю вамъ.» Дѣйствительно, тѣло ея было точно безсильно и безжизненно; она скатывалась съ кресла и упала-бы на полъ, еслибы я не поддержалъ ее. Между тѣмъ, Гардейль вскочилъ съ мѣста и ходя взадъ и впередъ по комнатѣ, говорилъ съ нетерпѣніемъ и досадой: «Я-бы прекрасно могъ обойтись безъ этой непріятной сцены; надѣюсь, что она будетъ послѣдней. Чего еще надо этой женщинѣ? Я любилъ ее; чтобы я ни дѣлалъ, но прошлаго не воротить. Все кончено. — Нѣтъ, не все кончено. Какъ! вы полагаете, что порядочный человѣкъ можетъ совершенно обобрать женщину и потомъ ее бросить!—Чего вы хотите отъ меня? я также бѣденъ, какъ она.—Чего я отъ васъ хочу? чтобы вы соединили свою нищету съ нищетою, до которой вы ее довели.—Это вамъ легко говорить.—Ей отъ этого было-бы не лучше, а мнѣ гораздо хуже.—Поступили-бы вы также съ другомъ, который-бы для васъ всею пожертвовалъ?—Другомъ! другомъ! у меня нѣтъ большой вѣры въ друзей, а этотъ опытъ научилъ меня не довѣрять и любви. Весьма прискорбно, что я не зналъ этого ранѣе.—Значить, такъ и слѣдуетъ, чтобы эта несчастная была жертвою заблужденія вашего сердца?—А кто вамъ говорить, что мѣсяць или день позже, я самъ также жестоко не сдѣлался-бы ея жертвою? Кто мнѣ говорить? все, что она для васъ сдѣлала и состояніе, въ которомъ вы ее видите. Что она для меня сдѣлала!...

Право, это достаточно вознаградилось потерей моего времени.—О! господинъ Гардейль, какъ можно сравнивать ваше время со всѣми неоцѣнимыми вещами, которыя вы у нея отняли!—Я ничего еще не сдѣлалъ, я ничто, мнѣ тридцать лѣтъ; настало время теперь или никогда думать о себѣ и оцѣнить всѣ эти нелѣпости по достоинству...»

Между тѣмъ, бѣдная дѣвушка немного пришла въ себя. На эти послѣднія слова она возразила довольно живо: «Что онъ говорилъ о потерѣ своего времени? Я изучила четыре языка, чтобы помогать ему въ его работахъ; прочла тысячу томовъ, писала, переводила, переписывала дни и ночи; я истощила свои силы, испортила глаза, сожгла кровь; я получила непріятную болѣзнь, отъ которой, быть можетъ, не отдѣлаюсь никогда. Причина его отвращенія, онъ не смѣетъ признаться въ ней, но вы ее узнаете». Въ ту же минуту она сбрасываетъ свой платокъ, спускаетъ рукавъ, обнажаетъ плечо и показываетъ мнѣ рожистое пятно: «Вотъ причина его перемѣны, говоритъ она, вотъ; вотъ слѣдствіе моихъ бессонныхъ ночей. Утромъ онъ приходилъ съ свертками пергамента. Г. д'Ерувилль, говорилъ онъ, торопитесь узнать, что тутъ есть; надо, чтобы эта работа была окончена къ завтрашнему дню; и она бывала окончена...» Въ эту минуту мы услышали чьи-то шаги, направлявшіеся къ двери, это былъ лакей съ докладомъ о приходѣ г. д'Ерувилля. Гардейль поблѣднѣлъ. Я предложилъ м-ль де-Ла-Шо оправиться и уйти... «Нѣтъ, сказала она, я остаюсь. Я хочу сбросить маску съ негоднаго. Я подожду г. д'Ерувилля и поговорю съ нимъ.—Къ чему же это послужить? Ни къ чему, отвѣтила она мнѣ, вы правы.

— Завтра же вы-бы сами стали каяться. Пусть вся вина остается на его сторонѣ; это мѣсть достойная васъ.— Но достойна-ли она его? Развѣ вы не видите, что этотъ человѣкъ не... Уйдемте, скорѣе уйдемте, а то я не отвѣчаю ни за то, что сдѣлаю, ни за то, что скажу... М-ль де-Ла-Шо въ одинъ мигъ поправила безпорядокъ своего туалета и какъ стрѣла бросилась вонъ изъ кабинета Гардейля. Я послѣдовалъ за нею, услышалъ шумъ, съ кото-

рымъ захлопнулась за нами дверь. Я потомъ узналъ, что привратнику сказаны были ея примѣты.

Я проводилъ ее къ ней, гдѣ нашелъ доктора Ле Камюса, насъ ждавшего. Его любовь къ этой молодой дѣвушкѣ походила на ея привязанность къ Гардейлю. рассказалъ ему всѣ подробности нашего визита; и, сквозь гнѣвъ, горе, негодованіе...

— Не трудно было разгадать на его лицѣ, что ваша неудача была ему не совсѣмъ не по сердцу.

— Правда.

— Вотъ вамъ мужчина, онъ весь тутъ.

— За этимъ разрывомъ послѣдовала сильная болѣзнь, во время которой добрый, честный, нѣжный и деликатный докторъ ухаживалъ за нею такъ, какъ-бы не сталъ ухаживать за самою знатною дамой Франціи. Онъ приходилъ три, четыре раза въ день. Пока была опасность, онъ спалъ въ ея комнатѣ, на жесткой кровати. Болѣзнь большое счастье при великомъ горѣ.

— Приближая насъ къ самимъ себѣ, она удаляетъ память о другихъ. И потомъ, благодаря ей, можно показывать свое горе безъ стѣсненія и нескромности.

— Это размышленіе, хотя и совершенно вѣрное, былъ не примѣнимо къ м-ль де-Ла-Шо.

Во время ея выздоровленія, мы позаботились пріискать ей занятія. У нея былъ умъ, воображеніе, вкусъ, знанія, болѣе чѣмъ сколько требовалось, чтобы попасть въ академію надписей. Она столько наслышалась отъ насъ философствованья, что самые абстрактные предметы сдѣлали ей знакомы, первой ея литературной попыткой былъ переводъ Опытовъ человѣческаго пониманія Юма. Я просмотрѣлъ переводъ, и, по правдѣ сказать, мнѣ пришлось сдѣлать весьма мало поправокъ. Этотъ переводъ былъ напечатанъ въ Голландіи и хорошо принятъ публикою.

Мое Письмо о глухонѣмыхъ появилось почти въ то-же время. Нѣсколько весьма тонкихъ замѣчаній, ею мнѣ сдѣланныхъ, дали поводъ къ прибавленію, которое я и по-

святилъ ей. Это прибавленіе принадлежитъ не къ самымъ худшимъ моимъ вещамъ.

Прежняя веселость м-ль де-Ла-Шо немного вернулась. Докторъ давалъ намъ иногда обѣды и они далеко не были скучны. Съ удаленія Гардейля, любовь Ле-Камюса сдѣлала удивительные успѣхи. Однажды за обѣдомъ, во время десерта, послѣ его объясненія, сдѣланнаго съ благородствомъ, чувствомъ, наивною ребенка и остроуміемъ человѣка умнаго, она сказала ему съ откровенностью, которая чрезвычайно понравилась мнѣ, но, быть можетъ, не понравится другимъ: «Докторъ, моему уваженію къ вамъ нѣтъ предѣловъ. Я осыпана вашей добротой; и я была-бы черна, какъ чудовище улицы Нуасинте, если-бы я не была проникнута къ вамъ самой глубокой благодарностью. Умъ вашъ мнѣ чрезвычайно нравится. Вы говорите мнѣ о своей любви, такъ деликатно и мило, что, право, мнѣ весьма будетъ прискорбно, если вы о ней замолчите. Одной мысли лишиться вашего общества или потерять вашу дружбу достаточно, чтобы сдѣлать меня несчастной. Вы человѣкъ хорошій, какихъ мало. Ваша доброта и кротость вашего характера ни съ чѣмъ несравнимы. Не думаю, чтобы сердце могло понасть въ лучшія руки. Я съ утра до вечера склоняю свое въ вашу пользу; но, напрасно убѣждать того, кто не хочетъ васъ слушать. Я все-таки не подвигаюсь впередъ. А вы страдаете, что меня жестоко огорчаетъ. Я не знаю никого, кто-бы болѣе васъ заслуживалъ счастья, котораго вы у меня просите и я не знаю, на что-бы я рѣшилась, чтобы васъ осчастливить, на всевозможное, безъ исключенія. Послушайте, докторъ, я готова... да, готова даже отдаться вамъ. Желаете вы этого? стоитъ вамъ сказать одно слово. Вотъ все, что я могу для васъ сдѣлать; но вы хотите любви, а этого-то я и не могу сдѣлать».

Докторъ ее слушалъ, бралъ ея руку, цѣловалъ ее, орошалъ слезами; а я, я не зналъ плакать-ли я былъ долженъ, или смѣяться. М-ль де-Ла-Шо хорошо знала доктора, и когда на другой день я сказалъ ей: «А если-бы докторъ поймалъ васъ на словѣ?» она мнѣ отвѣтила:

«Я-бы сдержала свое обѣщаніе. но этого не могло случиться; мое предложеніе было не таково, чтобы его могъ принять такой человѣкъ, какъ онъ...—Отчего-же нѣтъ? Мнѣ кажется, что на мѣстѣ доктора я-бы сталъ надѣяться, что остальное явится потомъ.—Да, но будь вы на мѣстѣ доктора, м-ль де-Ла-Шо не сдѣлала-бы вамъ подобнаго предложенія».

Переводъ Юма не доставилъ ей большихъ денегъ. Голландцы согласны печатать сколько угодно, только-бы ничего не платить.

— Къ нашему счастью; потому что если-бы, при теперешнемъ стѣсненіи у насъ мысли, они стали бы еще платить, то перетасили-бы къ себѣ всю книжную торговлю.

— Мы посовѣтывали ей написать что нибудь болѣе легкое, что доставило-бы ей меньше чести, но болѣе выгодъ. Она занялась этимъ мѣсяца четыре или пять, а затѣмъ принесла мнѣ маленькій историческій романъ: Три фаворитки. Слогъ его былъ легкій, онъ отличался остроуміемъ и интересомъ; помимо ея воли, такъ какъ она была неспособна ни къ какому ехидству, онъ былъ испещренъ множествомъ чертъ, примѣнимыхъ къ любовницѣ короля, маркизѣ Помпадуръ. Я не скрылъ отъ нея, что какую-бы жертву она не принесла, смягчивъ или уничтоживъ эти мѣста, но книга ея не могла появиться безъ опасности для нея самой и непріятности испортить то, что было хорошо не могло предохранить ее отъ другой.

Она поняла всю справедливость моего замѣчанія и сильно огорчилась. Добрый докторъ предупреждалъ всѣ ея нужды; но она пользовалась его благотворительностью съ тѣмъ большею сдержанностью, что чувствовала себя неспособной на благодарность, на которую онъ могъ разсчитывать. Къ тому-же, докторъ былъ тогда не богатъ, да и не очень способенъ имъ сдѣлаться. Отъ времени до времени она вынимала свою рукопись изъ портфеля и грустно говорила мнѣ: «Ну, что-же, если нѣтъ возможности

что-нибудь изъ нея сдѣлать, пусть она остается тутъ». Я подалъ ей странный совѣтъ—послать романъ какъ онъ есть, не искажая его и не измѣняя, самой м-ме Помпадуръ, съ письмомъ, въ которомъ объяснялась причина этой посылки. Мысль эта ей понравилась. Она написала письмо, прелестное во всѣхъ отношеніяхъ, но особенно по своей искренности, которой нельзя было не поддаться. Прошло два или три мѣсяца и о романѣ не было никакого слуха. Она уже начала считать свою попытку бесплодной, когда къ ней явился кавалеръ св. Людовика съ отвѣтомъ отъ маркизы. Романъ въ немъ расхваливался какъ онъ того заслуживалъ; ее благодарили за жертву; съ намеками соглашались и нисколько на нихъ не сердились, приглашали автора пріѣхать въ Версаль, гдѣ его встрѣтитъ женщина благодарная и готовая на всякую услугу, отъ нея зависящую. Посланный, уходя отъ м-ль де-Ла-Шо, незамѣтно оставилъ на каминѣ свертокъ золота съ пятидесятью луидорами.

Мы оба съ докторомъ уговаривали ее воспользоваться благосклонностью м-мъ де-Помпадуръ; но мы имѣли дѣло съ дѣвушкой, скромность которой равнялась ея другимъ достоинствамъ. Какъ ей туда отправиться въ ея рубищахъ? Докторъ сейчасъ-же устранилъ это затрудненіе. За костюмомъ послѣдовали другія отговорки и еще другія. Поѣздка въ Версаль откладывалась со дня на день, пока, наконецъ, сдѣлалась невозможной. Мы уже перестали ей напоминать о ней, когда тотъ-же посланный вернулся съ другимъ письмомъ, полнымъ самыхъ ласковыхъ упрековъ, съ вознагражденіемъ, равнявшемся первому и отданному съ такою-же осторожностью. Этотъ великодушный поступокъ м-мъ Помпадуръ не былъ извѣстенъ. Я говорилъ о немъ г. Колену, ея довѣренному лицу, раздававшему ея тайныя милости. Онъ ничего не зналъ о немъ и я убѣжденъ, что это не единственный поступокъ, скрытый ея могилой.

Такимъ-то образомъ м-ль де-Ла-Шо упустила два случая выбраться изъ нищеты.

Послѣ этого, она переѣхала на окраину города и я потерялъ ее изъ виду. Я знаю только, что вся остальная ея жизнь была одною цѣпью горя, болѣзней и нищеты. Двери ея родныхъ были окончательно для нея закрыты. Она бесполезно обращалась къ посредничеству тѣхъ святыхъ особъ, которыя преслѣдовали ее съ такимъ усердіемъ.

— Это по всѣмъ правиламъ.

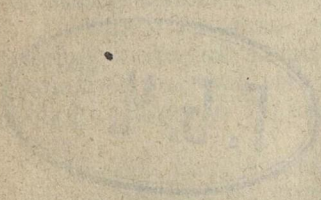
Докторъ ее не оставилъ. Она умерла на соломѣ, на чердакѣ, между тѣмъ, какъ тигръ улицы Нуасинте, ея единственный любовникъ, занимался медициной въ Монпельѣ и Тулузѣ и, живя въ самомъ большомъ довольствѣ, пользовался заслуженной репутаціей искуснаго человѣка и незаслуженной—человѣка честнаго.

— Да и это тоже почти по правиламъ. Если есть добрый и честный Танье, то Привидѣніе отдаетъ его въ руки Реймеръ; если есть добрая и честная де-Ла-Шо, то дѣлается жертвою Гардейля, чтобы все было къ лучшему.

Но мнѣ, быть можетъ, замѣтять, что слишкомъ поспѣшно произносить приговоръ о характерѣ человѣка по одному его поступку; что такая строгость ограничила-бы число порядочныхъ людей, до такой степени, что ихъ на землѣ осталось-бы менѣе, чѣмъ сколько христіанское евангеліе допускаетъ избранныхъ на небѣ; что можно быть непостояннымъ въ любви, даже хвастаться надуваніемъ женщинъ, не будучи лишеннымъ честности и благородства; что нельзя остановить зарождающейся страсти, ни продолжить страсть потухающую; что есть достаточно людей въ домахъ и на улицахъ, справедливо заслуживающихъ названія мошенниковъ, чтобы еще выдумывать вымышленные пороки, которые-бы увеличили число ихъ до безконечности. Меня спросятъ, не измѣнялъ-ли я когда-нибудь, не обманывалъ или не бросалъ-ли женщину безъ причины? Еслибы я на это отвѣтилъ, то мой отвѣтъ не остался-бы безъ возраженія и начался-бы споръ, который можетъ длиться до втораго пришествія. Но, положите руку на сердце и скажите вы, господинъ защит-

никъ обманщиковъ и невѣрныхъ, сдѣлаете вы тулузскаго доктора вашимъ другомъ?.. Вы колеблетесь? Этимъ все сказано, а теперь я прошу Бога держать подъ своимъ святымъ покровомъ каждую женщину, на которую вамъ вздумается обратить ваше вниманіе.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1883 ГОДЪ.
„САРАТОВСКІЙ ДНЕВНИКЪ“.

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Выходить ежедневно кромѣ дней послѣпраздничныхъ:

Въ программу «Саратовскаго Дневника» входятъ всѣ обычные газетные отдѣлы. Благодаря компактности печати, сжатости и систематичности изложенія, «Дневникъ» имѣетъ возможность давать всѣ интересныя новости дня и массу разностороннихъ свѣдѣній, замѣняя собою дорогія и мало доступныя изданія.

Подписная цѣна съ пересылкою по почтѣ:

На годъ	6 руб.		
> полгода	3	>	50 к.
> 3 мѣсяца.	2	>	— >

Адресоваться: въ Саратовъ, въ редакцію «Саратовскаго Дневника».
Редакторъ-издатель *К. Ищенко.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ
„ДОНСКОЙ ГОЛОСЪ“

(4-й годъ существованія)

на 1883 годъ.

Какъ сроки выхода (по воскресеньямъ и четвергамъ), такъ и размѣръ газеты остаются прежніе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ пересылкой по почтѣ и доставкой на домъ городскимъ подписчикамъ:

на годъ	6 руб.		
> полгода.	3	>	50 к.
> одинъ мѣсяць.	—	>	75 >

Просятъ адресоваться: въ Новочеркасскъ, въ редакцію «Донскаго Голоса».

Редакторъ-издатель *Е. Жигановскій.*

„КАЗАНСКИЙ БИРЖЕВОЙ ЛИСТОКЪ“

ПОДПИСКА НА 1883 ГОДЪ

(ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Въ 1883 году «Казанскій Биржевой Листокъ» будетъ издаваться по слѣдующей дополненной программѣ:

1. Торговый отдѣлъ, состоящій изъ торговыхъ телеграммъ и корреспонденцій о цѣнахъ и сдѣлкахъ на пристаняхъ волжско-камскаго бассейна; о состояніи дѣлъ и цѣнахъ на столичныхъ и другихъ важнѣйшихъ биржахъ, вѣдомости о сборѣ хлѣбовъ и другихъ товаровъ на пристаняхъ волжско-камскаго бассейна, свѣдѣнія о цѣнахъ на провозъ (фрахты), о ярмаркахъ, объ урожаяхъ и уборкѣ хлѣбовъ, о состояніи воды въ Волгѣ, о перекатахъ и т. п.

2. Оффиціальнѣйшій отдѣлъ. Правительственныя распоряженія, въ особенности, касающіяся торговли и промышленности.

3. Мѣстный отдѣлъ. Городская хроника (явленія мѣстной общественной жизни, разные случаи и происшествія, театр и музыка, отчеты о засѣданіяхъ думы, земскихъ собраний, мѣстныхъ обществъ и пр.).

4. Отдѣльныя статьи по различнымъ предметамъ, преимущественно изъ мѣстной общественной жизни.

5. Внутреннія извѣстія. Отдѣлъ сообщеній; корреспонденціи отъ собственныхъ корреспондентовъ; извѣстія изъ газетъ; телеграммы «Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства».

6. Иностранное обозрѣніе наиболѣе выдающихся событій. Телеграммы.

7. Библіографія, Фельетоны. Разныя разности. Состоянія счетовъ и отчеты мѣстныхъ банковъ. Объявленія казенныя и частныя.

Главное управленіе по дѣламъ печати разрѣшило редакціи «Казанскаго Биржеваго Листка» издавать газету вмѣсто

двухъ — три раза въ недѣлю (что уже исполняется съ 27-го октября) и расширить программу изданія отдѣломъ беллетристики (романовъ, повѣстей, рассказовъ, стихотвореній и пр.). Съ августа мѣсяца 1882 г. въ «Казанскомъ Б. Листкѣ» помѣщаются телеграммы «Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства» (политическія ежедневно и биржевыя — о цѣнахъ и сдѣлкахъ на петербургской биржѣ — два раза въ недѣлю; политическія телеграммы заключаютъ въ себѣ до 200 и болѣе словъ ежедневно, а биржевыя 80 названій разныхъ предметовъ торговли). Телеграммы «Сѣвернаго агентства» будутъ помѣщаться и въ нынѣшнемъ году. Въ справочномъ отдѣлѣ помѣщаются резолюціи казанск. окр. суда и судебн. палаты, дѣла назначаемыя къ слушанію въ палатѣ и пр.

Газета выходитъ по средамъ, пятницамъ и воскресеньямъ. Дополнительный № будетъ состоять въ 1883 г. изъ телеграммъ «Сѣвернаго Агентства» и важнѣйшихъ торговыхъ и газетныхъ извѣстій и выходить въ размѣрѣ листа или полулиста, смотря по количеству матеріала.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: 1) за годъ съ пересылкой — **семь рублей**, 2) за полгода — **четыре рубля**.

Иногородніе адресуютъ такъ: «въ Казань, въ редакцію Казанскаго Биржеваго Листка». Въ городѣ можно подписываться еще въ конторахъ редакціи, на Проломной улицѣ: 1) въ зданіи биржи и 2) въ домѣ Ключникова.

Лица, желающія получить вмѣстѣ съ «Казанскимъ Биржевымъ Листкомъ» 2-е изданіе ениги Д. А. Соколовскаго «Сельскій Сборникъ», добавляють къ подписной суммѣ одинъ рубль.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1883 ГОДЪ

НА

„НОВОРОССИЙСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ“

ГАЗЕТУ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЭКОНОМИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ.

(ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ).

„Новороссійскій Телеграфъ“ выходитъ въ 1883 году ежедневно, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ, по той-же программѣ, какъ и въ предъидущемъ году.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Ралли, противъ Херсонской улицы.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И : *)

На	1 мѣсяцъ	Безъ доставки и пересылк.			Съ доставкою и пересылк.		
		1	р.	30 к.	1	р.	50 к.
„	2 „	2	„	60 „	3	„	— „
„	3 „	3	„	85 „	4	„	50 „
„	4 „	5	„	— „	6	„	— „
„	5 „	6	„	30 „	7	„	50 „
„	6 „	7	„	— „	8	„	— „
„	7 мѣсяцъ.	8	„	30 „	9	„	50 „
„	8 „	9	„	60 „	11	„	— „
„	9 „	10	„	— „	11	„	50 „
„	10 „	11	„	— „	13	„	— „
„	11 „	11	„	50 „	13	„	50 „
„	12 „	12	„	— „	14	„	— „

Заграницу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяцъ по 50 к., въ годъ 6 руб.

Подписываться можно на какой угодно срокъ, по дѣнамъ, означеннымъ въ приведенной выше расцѣнкѣ, съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Лица, подписавшіяся позже 1-го числа, получаютъ всѣ предъидущіе №№. Подписка съ промежуточныхъ чиселъ не допускается.

*) Просимъ гг. иногороднихъ подписчиковъ не присылать почтовыхъ марокъ вмѣсто мелкихъ денегъ.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ, при годовой подпискѣ. Вносы разсроченной платы могутъ быть или полугодовые по 7 руб. (къ 1 января и 1 іюля), или по четвертямъ года, по 3 руб. 50 к. (къ 1 января, 1 марта, 1 іюня и 1 сентября), т. е. всегда за мѣсяцъ впередъ до наступленія срока разсрочки.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, а также для лицъ, служащихъ въ сихъ учрежденіяхъ, допускается подписка на „Нов. Тел.“ въ кредитъ, по письменнымъ офиціальнымъ бумагамъ, чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіе первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ 1883 года.

БЕСПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ.

Въ 1883 г. всѣмъ подписчикамъ „Нов. Тел.“ будутъ выдаваться два раза въ мѣсяцъ бесплатныя преміи, состоящія изъ статей, преимущественно, беллетристическаго содержанія. Преміи эти, объемомъ не менѣе печатнаго листа большаго формата, будутъ вмѣщать, кромѣ романовъ, передовыхъ статей, рассказовъ, смѣси — или рисунки изображеній современныхъ событій, или портреты современныхъ дѣятелей, или карикатуры *).

Для свѣдѣнія подавателей объявленій. Желая еще болѣе увеличить распространенность объявленій, печатающихся въ „Нов. Телеграфѣ“, редакція предприняла слѣдующія мѣры: 4-я страница газеты будетъ ежедневно расклеиваться на 32-хъ главныхъ станціяхъ юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ (Одесса, Кіевъ, Кишиневъ, Елисаветградъ, Балта, Ольвіополь, Тирасполь, Бендеры, Волочискъ, Галацъ, Назятинъ, Бѣлостокъ, Граево, Жмеринка, Проскуровъ, Фастовъ, Бердичевъ, Винница, Крыжополь, Бирзула, Унгены, Раздѣльная и др.), имѣющихъ протяженія до 2,000 верстъ и обнимающихъ районъ семи южныхъ и юго-западныхъ губерній.

Кромѣ того, въ Одессѣ объявленія «Нов. Тел.» будутъ ежедневно расклеиваться во всѣхъ главныхъ гостиницахъ, въ кіоскахъ и на колоннахъ, назначенныхъ для вывѣшиванія объявленій.

*) Лицамъ, подписывающимся на „Нов. Тел.“ для розничной продажи, бесплатныя преміи не выдаются. Этимъ-же лицамъ разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ — не допускается.

1883. Годъ изданія — третій. 1883.

ЕВРОПЕЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

ЖУРНАЛЬ ОТДѢЛЬНЫХЪ РОМАНОВЪ.

Срокъ выхода журнала — два раза въ мѣсяцъ.

Размѣръ каждаго тома Европейской Библіот.: длина — около $5\frac{1}{2}$, шир.— $3\frac{1}{2}$, толщ.— $\frac{1}{2}$ вершка.

Редакція «Европейской Библіотеки», этого изданія, самого большаго, по объему, и самого доступнаго, по ограниченности подписной цѣны, поставила себѣ задачей знакомить русское общество съ лучшими романами, выходящими, въ теченіе года, за границей, и вѣрная этой задачѣ, въ теченіе двухъ первыхъ лѣтъ своего существованія, уже издала 96 самостоятельныхъ изданій, отпечатанныхъ въ количествѣ

645.000 ОТДѢЛЬНЫХЪ ТОМОВЪ

(отъ 300 до 400 страницъ въ каждомъ).

Въ настоящемъ, 1883 году, «Европейская Библіотека» будетъ издаваться по той-же программѣ, большими томами, по №№ въ каждомъ. Всѣхъ такихъ томовъ выйдетъ.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ

и каждый будетъ заключать въ себѣ, переведенный на русскій языкъ, вполне законченный, большой романъ одного изъ лучшихъ европейскихъ писателей.

Преимущества «Европейской Библіотеки» передъ всѣми другими, сходными съ ней по программѣ, изданіями, заключаются: 1) въ объемѣ, превышающемъ почти въ 2 раза самыя большія изъ нихъ; 2) — въ дешевизнѣ, доведенной до minimum'a; и, наконецъ, — 3), въ томъ, что всѣ помѣщенные въ ней романы не растягиваются на нѣсколько №№, а печатаются въ одномъ,

много, двухъ томахъ, что даетъ редакціи возможность каждую крупную литературную новинку выпускать тотчасъ за ея выходомъ за границей, а не тянуть, какъ это дѣлается въ др. толстыхъ журналахъ, по нѣскольکو мѣсяцевъ.

Подписная цѣна:

На годъ съ перес. 10 р.
» три мѣсяца 3 р.

Цѣна за полный комплектъ всѣхъ выпедшихъ уже ста двадцати девяти томовъ (96 бол. романовъ; болѣе 1300 печ. листовъ, считая по 32 страницъ въ каждомъ) «Европейской Библіотеки» и «Библіотеки Мірскаго Толка»—30 р. и всо-выхъ за 1½ пуда, по разстоянію.

Полный каталогъ всѣхъ изданныхъ уже «Европейской Библіотекой» романовъ высылается желающимъ без-
платно.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Москвѣ—въ главной конторѣ (Бол. Лубянка, домъ кн. Голицына) и въ книжномъ магазинѣ М. О. Вольфа (Петровка, домъ Рожнова).

Въ Петербургѣ—въ книжн. маг. М. О. Вольфа (Гост. Дворъ, №№ 17 и 18).

Адресъ для гг. иногородныхъ: въ Москву, издателю Н. Л. Пущвареву, (собственный домъ).

Самый дешевый, самый практичный и полный модный,
руководѣльный и семейный журналъ

ЖЕНСКІЙ ТРУДЪ

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ

Отличается отъ всѣхъ другихъ русскихъ модныхъ журналовъ своей практичностью: 1) всякій модный и руководѣльный рисунокъ сопровождается не простымъ описаніемъ виѣшняго вида, но и объясненіемъ способовъ исполненія, а также расчетовъ количества нужнаго матеріала и цѣны. 2) Даетъ 4 раза въ годъ образцы модныхъ матерій, съ показаніемъ ширины и цѣны. 3) Для достиженія ясности въ объясненіяхъ, даетъ подписчикамъ таблицу цвѣтовыхъ оттѣнковъ, содержащую болѣе 500 тѣней всѣхъ цвѣтовъ.

12 НУМЕРОВЪ МОДНЫХЪ и 12 НУМЕРОВЪ РУКОДѣЛЬНЫХЪ.

Приложенія къ «Женскому Труду»:

- 12 раскрашенныхъ модныхъ картинъ.
- 12 раскрашенныхъ узоровъ руководѣлій.
- 6 листовъ выкроекъ для сниманія рѣзцомъ. Монограммы.
- 12 вырѣзныхъ выкроекъ въ натуральную величину.
- 4 листа образцовъ модныхъ матерій.
- 6 раскрашенныхъ картинъ русскихъ костюмовъ.
- Ноты для фортепьяно модныхъ танцевъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Гардеробъ; искусство одѣваться къ лицу. — Тайны туалета и косметика. — Кухня и кладовая. — Домоводство. — Цѣловодство. — Музыка, театръ, пѣніе и танцы. — Свѣтская жизнь и законы приличія. — Дамскій спортъ. — Уходъ за дѣтьми. — Игры общественныя, карточные, дѣтскія. — Пасьянсы. — Гаданья. — Условный языкъ.

Романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія, анекдоты, шарады, задачи, ребусы и т. п.

ЦѢНА ПОДПИСКИ:

Безъ доставки и пересылки:

въ годъ	4 р. — к.
> $\frac{1}{2}$ года	2 > 25 >
> $\frac{1}{4}$ >	1 > 25 >

Съ доставкой и пересылкой:

въ годъ	5 р. — к.
> $\frac{1}{2}$ года	3 > — >
> $\frac{1}{4}$ >	1 > 75 >

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, 9 Рождественская ул., д. 32.
Редакторъ-издательница **А. К. Буринская.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

„ТЕРЕКЪ“

НА 1883 ГОДЪ.

Расширяя съ новаго года программу газеты и увеличивая ея размѣръ, редакція «Терека» имѣетъ въ виду обратить особенное вниманіе на вопросы мѣстной кавказской жизни и ознакомить своихъ читателей съ сложившимися и слагающимися въ нашемъ краѣ общественными правовыми и экономическими отношеніями, а также съ нуждами, правами и обычаями племенъ, населяющихъ этотъ обширный, но мало изслѣдованный край.

ГАЗЕТА БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ТРИ РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ.

Годовая плата съ пересылкою по почтѣ:

На годъ 7 руб.; на полгода 4 руб.; на 3 мѣсяца 2 руб.
50 коп.; на 1 мѣсяць 1 руб.

Подписка принимается въ редакціи «Терека» во Владикавказѣ.

Разсрочка подписной годовой платы допускается: при подпискѣ 3 р., въ апрѣлѣ 2 руб., въ августѣ 2 руб.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ВАРШАВСКІЙ ДНЕВНИКЪ

въ 1883 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ВЪ ВАРШАВѢ:

На годъ	9 руб. 60 коп.
» полгода	4 » 80 »
» три мѣсяца	2 » 40 »
» мѣсяцъ	— » 80 »

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ:

На годъ	12 руб. — коп.
» полгода	6 » — »
» три мѣсяца	3 » — »
» мѣсяцъ	1 » — »

Заграницу (подъ бандеролью), за годъ—15 р.,
полгода—7 р. 50 к., три мѣсяца—3 р. 75 коп.,
на мѣсяцъ—1 р. 25 к.

Требованія, съ приложеніемъ денегъ, адресуются въ
Контору редакціи «Варшавскаго Дневника», въ Вар-
шавѣ, Медовая, № 18.

Редакторъ: *Князь Н. Н. Голицынъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1883 ГОДЪ

НА

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„МОСКВА“

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Большое еженедѣльное иллюстрированное изданіе съ разными бесплатными приложеніями и пятнадцатью роскошными художественными преміями, рисованными цвѣтными тонами извѣстными русскими художниками по заказу редакціи эти большія картины, отпечатанныя въ золотыхъ рамкахъ на выписанной изъ за границы веленовой бумагѣ, къ концу года составятъ богатый альбомъ, а вставленные въ рамы, могутъ служить украшеніемъ каждой гостиной.

Такихъ художественныхъ приложеній редакціей будетъ разослано въ теченіе 1883 года болѣе пятнадцати.

Вотъ краткій перечень картинъ, которыя уже приобрѣтены редакціей для подписчиковъ на 1883 годъ.

Русалка, акварель Префессора В. В. Пукирева. Чумаки, рисунокъ тонами Академика А. К. Саврасова. Сельская ярмарка, акварель Академика К. А. Трутовскаго. «На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко на голой вершинѣ сосна» пейзажъ художника И. И. Левитанъ. Мишку подняли, акварель художника А. И. Левитанъ. Іоаннъ Грозный предъ Филиппомъ Митрополитомъ, рисунокъ сепіей профессора В. В. Пукирева. «Черный конь», рисунокъ къ поэмѣ. «Еще одинъ поцѣлуй», рисунокъ цвѣтными тонами. «Вальпургіева ночь», фантастическій рисунокъ, «Странники», акварель «Плачь Ярославны», истор. рисун. «Алеша Поповичъ», Тяга, аквар. «Приволжская вольница» акварель и другіе.

Въ художественномъ отдѣлѣ постоянными сотрудниками на 1863 г. будутъ:

Профессора живописи: В. В. Пукиревъ, К. А. Трутовскій, Академикъ А. К. Саврасовъ, С. И. Грибковъ и художники Лебедевъ, Богатовъ, А. Левитанъ, И. Левитанъ, Яновъ, Коровинъ, Протопоповъ, Симовъ, Матвѣевъ, Клантъ, Рябушкинъ, Святославскій, Чеховъ, Турлыгинъ, Россовъ и мног. др.

Журналъ «Москва» будетъ выходить въ 1883 г. въ значительно увеличенной противъ прежняго, программѣ, въ форматѣ большихъ иллюстрацій всего 50 №№ въ годъ, печатанныхъ на роскошной глазированной бумагѣ и кромѣ пятнадцати художественныхъ премій, въ теченіе года будетъ помѣщено множество виньетокъ, портретовъ выдающихся дѣятелей и 200 оригинальныхъ рисунковъ, исполненныхъ красками.

ВОТЪ ТѢ СЮЖЕТЫ, КОТОРЫЕ УЖЕ ПРИОБРѢТЕНЫ РЕДАКЦІЕЮ;

Смотрины въ Купеческомъ домѣ, Катя бѣлолицая (поэма изъ вароднаго быта), Оправданный, Типы темнаго царства (10 рисунковъ), Ванька ключникъ, Не гулялъ съ кистенемъ я въ дремучемъ лѣсу, Домовой на купеческой свадьбѣ (15 рисунковъ), Сѣнокосъ, Лысая гора (нѣсколько фантастическихъ картинокъ), «Пьяная ночь» (Некрасова), Охотничьи сцены, «Самъ иманинникъ», Потокъ богатырь, Кабатчикъ (поэма 15 рисунковъ), Рыболовы, Маленькій воръ, Вылазка, Въ ссудной кассѣ, Прекрасный полъ, Кладъ, Проповѣдь, У желѣзной дороги, Ванька отчаянный, Пимень и Григорій Отрепьевъ, Съ яблоками, Въ ученѣхъ, Весла, Русскіе богатыри, (нѣсколько рисунковъ), Колдунъ Ѳомка, На далекой окраинѣ и и многіе другіе.

Кромѣ этого въ теченіе года предполагается дать нѣсколько росношныхъ иллюстрацій къ произведеніямъ: Д. В. Григоровича, «Рыбаки», И. С. Тургенева, «Записки Охотника», Гончарова, «Обрывъ», Гоголя, «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки, графъ А. Толстаго, „Князь Серебрянный“ и стихотворенія Н. А. Некрасова и друг.

Надъ исполненіемъ этихъ рисунковъ заняты художники журнала „Москва“.

За выставку 1882 г.

За выставку 1882 г.

Медаль за печатаніе
рис. жур. „Москва“:

Въ 1883 году будетъ особенно подробно описано и иллюстрировано красными предстоящее въ Москвѣ коронованіе Ихъ ИМПЕРАТОРСКИХъ Величествъ.

Медаль за печатаніе
рис. жур. „Москва“.

Всѣ годовые подписчики на 1883 годъ получаютъ главную годовую премію:

Роскошную, художественно-исполненную и лакированную олеографію,

Большую историческую картину художника К. В. Лебедева.

РУССКАЯ СВАДЬБА ВЪ XVI СТОЛѢТІИ.
ПРОВОДЫ МОЛОДЫХЪ ВЪ СПОЧИВАЛЬНЮ
ВЪ ДОМѢ ВОЯРИНА.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Къ участию въ журналѣ приглашены лучшія литературныя силы.

Въ теченіе года журналъ „Москва“ составитъ два объемистыхъ тома, около 1200 столбцовъ убористаго текста, въ который войдутъ: 1) Иллюстрированныя историческіе романы и повѣсти 2) Очерки и рассказы изъ русской жизни 3) Большіе переводные романы знаменитыхъ иностранныхъ писателей 4) Статьи по вопросамъ искусства 5) Иллюстрированныя поэмы и стихотворенія 6) Фельетонъ, хроника общественной жизни 7) Сцены и описанія рисунковъ 8) Юмористическіе наброски на злобы дня 9) Разнообразный отдѣлъ Смѣси: острофы, анекдоты, курьезы, замѣчательныя открытія и изобрѣтенія полезныя совѣты и т. п.

Въ портфель редакціи уже находятся слѣдующія литературныя произведенія: Польская „вольница“ повѣсть, „Очень любила“ рассказъ. „Вася Блаженный“ повѣсть, „Цезарь Борджія“ переводъ, „Степной домикъ“ очеркъ „Царица грѣзъ“ рассказъ, „Послѣдняя воля“ повѣсть и многіе другіе.

Съ 1-го января начнется печатаніе Большаго Иллюстрированнаго Историческаго Романа изъ XIV вѣка.

«НА РУБЕЖѢ ЯЗЫЧЕСТВА».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ безъ доставки	7 руб. — коп.
На полгода	4 „ — „
На одинъ мѣсяцъ безъ главной преміи	1 „ — „
На годъ съ доставкой и пересылкой	8 „ — „
На полгода	5 „ — „
На одинъ мѣсяцъ	1 „ 50 „

Для Гг. служащихъ какъ въ частныхъ такъ и казенныхъ учрежденіяхъ (въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ) допускается разсрочка за ручательствомъ Гг. казначеевъ и управляющихъ.

Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга. Въ конторѣ редакціи при литографіи И. И. Клангъ уголь Знаменки, д. Звѣрева, въ отдѣленіи конторы редакціи: Петровка, д. Петровскаго монастыря, при типографіи А. В. Дитмаръ

Гг. иногородные подписчики благоволятъ обращаться исключительно въ контору редакціи на имя И. И. Клангъ.

ИЗДАНИЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА

Н. Г. МАРТЫНОВА.

ТЕАТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

„ДИДЕРО“

О сценическомъ искусствѣ Переводъ О. Д. Гриднина.

Спб. 1883 г. Ц. 75 к. съ пер. 1 руб.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

РОДИНА.

Историческая драма въ 5 дѣйствіяхъ и 8 картинахъ
В. Сарду.

Посвящена Джону Лотрону Моттлею, Автору «Исторіи
Революціи въ Нидерландахъ».

Переводъ О. Гриднина и Н. Самойлова.

Спб. 1883 г. Ц. 1 руб., съ пер. 1 руб. 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

1883 годъ

на издающуюся въ г. Житомиръ газету политическую, литературную и общественной жизни

«ВОЛЫНЬ»

Вступая въ пятый годъ своего существованія, съ настоящаго 1883 года, газета «ВОЛЫНЬ» будетъ выходить по прежнему два раза въ недѣлю по слѣдующей программѣ:

1. Телеграммы.
2. Руководящія статьи по городскому самоуправленію и по вопросамъ жизни и нуждъ западнаго края вообще и въ особенности Волынской губерніи.
3. Городская Хроника.
4. Хроника Волыни и Западнаго края.
5. Извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ въ остальной Россіи.
6. Политическое обозрѣніе иностранныхъ государствъ.
7. Новыя открытія и изобрѣтенія во всѣхъ частяхъ свѣта.

8. Библиографическій отдѣлъ.

9. Смѣсь, гдѣ будутъ помѣщаться шутки, курьезы, анекдоты и остроты изъ жизни прошлаго и настоящаго времени.

10. Виржевыя свѣдѣнія.

11. Свѣдѣнія о разныхъ подрядахъ и торгахъ преимущественно въ предѣлахъ Волынской губерніи.

12. Разныя объявленія частныхъ лицъ и казен. общественныхъ учреждений.

Кромѣ того по временамъ будутъ помѣщаться фельетоны.

Подписка принимается въ г. Житомирѣ, въ домѣ женской гимназіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ	3 р. 30 к.
на $\frac{1}{2}$ года	1 » 80 »
на 3 мѣсяца	1 » — »
на 1 мѣсяць	— » 40 »

вмѣсто мелкихъ денегъ допускается приложеніе почтовыхъ марокъ.

Иногородные подписчики на доставленіе адреса и на замѣну такового новымъ, въ случаѣ перемѣны мѣста жительства приплачиваютъ, къ подписной цѣнѣ 20 к., адресуясь въ г. Житомиръ, въ Редакцію Газеты «ВОЛЫНЬ».

Редакторъ-Издатель С. БЛОНСКІЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1883 ГОДЪ

на сатирическій журналъ съ рисунками и каррикатурами

XIX БУДИЛЬНИКЪ годъ.

Пятьдесятъ нумеровъ въ годъ.

„Будильникъ“ выходитъ еженедѣльно тетрадами не менѣ двухъ листовъ большаго формата. Число рисунковъ увеличено вдвое и каждый нумеръ заключаетъ въ себѣ 8 страницъ рисунковъ и 8 страницъ текста. Половина рисунковъ исполняется хромолитографіей. Годъ „Будильника“ составитъ два громадныхъ тома. Не смотря на увеличеніе объема журнала, подписная цѣна остается прежняя.

„ПРЕМІИ БУДИЛЬНИКА“

I. Сцена изъ „Ревизора“ Гоголя.

Эта литературная драгоценность, не вошедшая ни въ одно изъ изданій соч. Гоголя, любезно обѣщана редакціи извѣстнымъ знатокомъ русскаго театра, **В. И. Родиславскимъ**, который вмѣстѣ съ этимъ обѣщаетъ намъ сообщить интересныя свѣдѣнія относительно судебъ „Ревизора“ на сцену. Сцену эту и сообщенія **В. И. Родиславскаго** наши подписчики получаютъ въ видѣ отдѣльной книжки.

II. Новый романъ Эмиля Золя.

Редакція „Будильника“ вошла въ сношенія съ **Эмилемъ Золя** и приобрѣла отъ него исключительное право перевода на русскій языкъ его новаго романа „*Au bonheur des dames*“, который начатъ печататься въ Парижѣ съ декабря мѣсяца прошлаго года. Пользуясь рукописью Золя, „Будильникъ“ тѣмъ самымъ получаетъ возможность дать своимъ подписчикамъ всю новую книгу знаменитаго романиста не только ранѣ всѣхъ нашихъ журналовъ и газетъ, но и ранѣ, нежели печатаніе романа окончится въ подлинникѣ.

Къ нашему переводу будутъ приложены: біографія Золя, его портретъ и факсимиле.

Въ отдѣльной продажѣ книга будетъ стоить болѣе двухъ рублей.

III. Альманахъ Будильника“.

„Альманахъ“ въ 1883 году будетъ издаваться по новой программѣ. Это будетъ сборникъ оригинальныхъ и переводныхъ романовъ, повѣстей и разсказовъ для легкаго чтенія, размѣромъ въ пятьдесятъ печатныхъ листовъ большаго формата или въ сто листовъ обыкновеннаго книжнаго размѣра. Годовые подписчики, желающіе

получать „Альманахъ“ приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ „Будиль-
ника“, за пересылку и упаковку „Альманаха“ три рубля.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА «БУДИЛЬНИКА»:

въ Москвѣ, безъ доставки на годъ.	7 р. полгода	4 р. — к.
„ „ „ съ доставкой	8 „ „	4 р. 50 к.
Съ пересылкой въ Петербургъ и про- винцію	9 р. „	5 р. — к.

Годовые подписчики за „Будильникъ“ и за упаковку и доставку
„Альманаха“ платятъ:

Въ Москвѣ безъ доставки.	10 р.
„ „ съ доставкой	11 „
Иногородніе.	12 „

Денежные пакеты адресуются: въ редакцію журнала „Будиль-
никъ“, Москва, Леонтьевскій пер., д. Мичинера.

Кромѣ того подписка принимается: 1) въ центральной конторѣ
объявленій (Л. Метцля: Петровка, домъ Солодовникова); 2) въ мо-
сковскихъ и петербургскихъ книжныхъ магазинахъ гг. Суворина,
Мамонтова и Вольфа; 3) въ Петербургѣ—въ книжныхъ магазинахъ
Мелле (у Полицейскаго моста), Исакова (Гостиный дворъ) и Г.
Гетде (бывш. Малышева: Моховая, 20); 4) въ провинціи у всѣхъ
извѣстныхъ книгопродавцевъ и въ газетныхъ кіоскахъ и 5) въ
Парижѣ — у гг. Navas et Comp., place de la Bourse, 8.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ПОЛУЧЕНІЕ ГАЗЕТЫ

„НИЖЕГОРОДСКІЙ БИРЖЕВОЙ ЛИСТОКЪ“

въ 1883 году.

(ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

«Нижегородскій Биржевой Листокъ» выходитъ ежедневно, кромѣ
дней послѣпраздничныхъ, въ размѣрѣ листа обыкновенной газетной
бумаги, а во время Нижегородской ярмарки въ увеличенномъ объемѣ
до полного газетнаго листа.

Программа газеты заключаетъ въ себѣ болѣе 15-ти отдѣловъ, изъ
которыхъ главнѣйшіе слѣдующіе: 1) Телеграммы внутреннія и за-
граничныя политическія, а также курсовыя телеграммы съ С.-Петер-
бургской биржи и торговли отъ собственныхъ корреспондентовъ

2) Дневникъ. 3) Биржевыя свѣдѣнія Нижняго-Новгорода по всемъ отраслямъ сосредоточенной въ Н.-Новгородѣ торговли, по пароходству, судоходству и проч. 4) Пароходныя свѣдѣнія о состояніи пароходства на Волгѣ и ея притокахъ, о горизонтѣ воды и проч. 5) Корреспонденціи со всехъ центральныхъ рынковъ Россіи, съ хлѣбныхъ пристаней рр. Волги, Камы, Оки, Бѣлой, Суры, Вятки и другихъ. 6) Дневникъ происшествій по Н.-Новгороду, по всемъ уѣздамъ нижегородской губерніи и наиболѣе выдающіеся происшествія изъ другихъ городовъ. 7) Судебныя рѣшенія;—въ этомъ отдѣлѣ помѣщаются выдающіеся процессы, разсматриваемые въ нижегородскомъ окружномъ судѣ и его отдѣленіяхъ по уѣздамъ нижегородской губерніи, а также болѣе интересные процессы въ столицахъ и другихъ городахъ. 8) Извѣстія, позаимствованныя изъ газетъ. 9) Иностранныя извѣстія. 10) «Справочный отдѣлъ», заключающій въ себѣ «Мѣсяцесловъ календарь», съ описаніемъ житія святыхъ, свѣдѣнія о времени прихода и отправленія почтъ, о движеніи поѣздовъ московско-нижегородской желѣзной дороги, указатель дѣлъ, назначаемыхъ къ разбирательству въ нижегородскомъ окружномъ судѣ и мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ и проч.

Литературный отдѣлъ по программѣ составляютъ отрывки изъ историческихъ и современныхъ романовъ, повѣсти и рассказы изъ народнаго быта. Сюда также входятъ еженедѣльные обзорѣнія нижегородскихъ театровъ—городскаго и ярмарочнаго. Въ газетѣ въ 1882 году, кромѣ вѣсколькихъ небольшихъ историческихъ очерковъ и описаній, былъ напечатанъ рассказъ изъ народнаго быта «Трудовая лямка», затѣмъ въ настоящее время печатается рассказъ «Порченна».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Н.-Новгородѣ, съ доставкою на годъ—5 р. 50 к., на 6 мѣсяцевъ—3 р. 50 к., на 3 мѣсяца—1 р. 80 к., на 1 мѣсяць—75 к.
Для иногородныхъ, съ пересылкою на годъ—7 р., на 6 мѣсяцевъ—4 р. 50 к., на 3 мѣсяца—2 р. 25 к., на 1 мѣсяць—90 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Нижнемъ-Новгородѣ въ редакціи газеты, на Рождественской улицѣ, домъ княгини Абамелекъ-Лазаревой, № 1-й.
Издатель-Редакторъ С. Жуковъ.

Редакторъ И. Жуковъ.

Открыта подписка на 1883 годъ.

(ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: I. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики, литературы, науки, искусства и общественной жизни. II. Обзорѣніе газетъ и журналовъ. III. Дѣйствія правительства. IV. Городская и земская хроника. V. Телеграммы специальныхъ корреспондентовъ «Южнаго Края», отъ «Международнаго» и «Сѣвернаго» телеграфныхъ агентствъ. VI. Последнія извѣстія. VII. Внутреннія извѣстія: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. VIII. Внѣшнія извѣстія. IX. Внѣшнія корреспонденціи «Южнаго Края». X. Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XI. Судебная хроника. XII. Критика и библіографія. XIII. Смѣсь. XIV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XV. Календарь. XVI. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію, и резолюціи по нимъ округа харьковской судебной палаты и харьковского военно-окружнаго суда. XVII. Стороннія сообщенія. XVIII. Объявленія.

Реданція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ слѣдующихъ городахъ Южной Россіи: Азовѣ, Аксайской станицѣ, Аккерманѣ, Александріи, Александровскѣ, Ахтыркѣ, Аleshкахъ, Бердичевѣ, Бахчисарѣ, Бердянскѣ, Богодуховѣ, Бѣлгородѣ, Бѣлополѣ, Бирючѣ, Бахмутѣ, Валкахъ, Верхнеднѣпровскѣ, Волчанскѣ, Воронежѣ, Гадячѣ, Грайворонѣ, Глуховѣ, Городнѣ, Елисаветградѣ, Екатеринославѣ, Ейскѣ, Житомирѣ, Зеньковѣ, Змиевѣ, Золотоношѣ, Золочевѣ, Изюмѣ, ст. Каменской, Кіевѣ, Кишиневѣ, Кобелякахъ, Козельцѣ, Конотопѣ, Константиноградѣ, Корочѣ, Кременчугѣ, Кролевцѣ, Купянскѣ, Курскѣ, Керчи, Кисловодскѣ, Кутаисѣ, Лебединѣ, Липецкѣ, Лубнахъ, Луганскомъ Заводѣ, Мозырѣ, Миргородѣ, Мелитополѣ, Мариуполѣ, Николаевѣ, Никополѣ, Вѣжинѣ, Новозыбковѣ, Новочеркасскѣ, Новомосковскѣ, Новгородъ-Сѣверскѣ, Нахичевани-на-Дону, Новомъ-Осколѣ, Обояни, Орлѣ, Одессѣ, Орѣховѣ, Полтавѣ, Павлоградѣ, Переяславлѣ, Путивлѣ, Пирятинѣ, Прилукахъ, Пятигорскѣ, Ромнахъ, Ростовѣ-на-Дону, Ровно, Сквирѣ, Славянскѣ, Славяносербскѣ, Ставрополѣ, Старобѣльскѣ, Старомъ-Осколѣ, Симферополѣ, Севастополѣ, Суджѣ, Сумахъ, Тамбовѣ, Тифлисѣ, Таращѣ, Таган-

рогѣ, ст. Урюпинской, ст. Усть-Медвѣдицкой, Херсонѣ, Хоролѣ, Черниговѣ, Черкасахъ, Эривани, Ялтѣ, Феодосіи и друг.
 Кроме постоянныхъ корреспонденцій изъ Петербурга и Москвы, редакція озаботилась полученіемъ свѣдѣній изъ большихъ центровъ Западной Европы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки . .	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою . .	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. иногород.	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ, по соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи въ Харьковѣ, на Московской ул., въ домѣ Харьковскаго Университета, № 7-й.

Съ іюля мѣсяца 1882 г. газета печатается въ собственной типографіи, шрифтомъ болѣе убористымъ, влѣдствіе чего тенетъ газеты увеличился на одну треть прежняго размѣра.

Редакторъ-издатель Гозефовичъ.

ВЪ 1883 ГОДУ

ЛИТЕРАТУРНО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„МАЯКЪ“

БУДЕТЬ ИЗДАВАТЬСЯ ПО ИЗВѢСТНОЙ УЖЕ ЧИТАТЕЛЯМЪ ПРОГРАММѢ.

Продолжая улучшать изданіе съ художественной стороны (читатели обратили вѣроятно вниманіе на работы приглашеннаго нами художника г. Вербеля), въ будущемъ году мы расширимъ, какъ „юмористическій“, такъ и „обозрѣніе общественной жизни“,—расширимъ конечно, настолько, насколько не будутъ препятствовать внѣшнія обстоятельства и условія.

Не распространяясь болѣе, находимъ необходимымъ повторить сказанное нами въ минувшемъ году: Всякое правдивое обличительное слово, какихъ бы сферъ и сторонъ нашей жизни оно ни касалось, всякая острая шутка, всякая дѣльная сатира и карриатура перомъ и карандашемъ найдутъ радушный приѣмъ на страницахъ «Маяка», задача котораго, какъ показываетъ и самое названіе, освѣщать все то, что привыкло и любить скрываться во мракѣ.

Срокъ выхода еженедѣльный

въ объемѣ двухъ печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: Для подписчиковъ «Одесскаго Вѣстника»: безъ пересылки за годъ—4 руб., за полгода—2 р. 50 к.; съ пересылкою за годъ—4 р. 50 к., за полгода—3 р.;

Для постороннихъ: безъ пересылки за годъ—5 р.; за полгода—3 р.; съ пересылкою за годъ—6 р., за полгода—3 р. 50 к.

Статьи, рисунки, карикатуры, письма и проч. просить адресовать: въ редакцію „Маяна“.

Редакторъ-издатель П. А. ЗЕЛЕНЬЙ.

ВЪ 1883 ГОДУ.

(Пятьдесятъ седьмой годъ изданія)

„ОДЕССКІЙ ВѢСТНИКЪ“

Г А З Е Т А

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ,

будетъ выходить листами большаго формата по той-же программѣ и съ тѣми же отдѣлами, какъ и въ настоящемъ году.

Читателямъ извѣстно, что въ текущемъ году намъ разрѣшено открыть и мы открыли отдѣлъ «юридической хроники», дающій возможность разбирать судебныя рѣшенія и приговоры. Въ продолженіе года у насъ были помѣщаемы разборы приговоровъ, и мы надѣваемся расширить этотъ-отдѣлъ, по возможности, въ виду ожидаемой пользы отъ ознакомленія публики съ юридическими вопросами и практикою судовъ.

Въ прошломъ году, въ объявленіи о подпискѣ, мы упоминали о нашихъ отношеніяхъ къ славянскому иноземному міру, съ явленіями котораго постоянно знакомимъ читателей. Что мы не ошибаемся, сознавая важность для Россіи культурнаго, умственнаго и экономическаго сообщенія съ славянами—доказательствомъ, помимо самой дѣйствительности, служатъ и то, что нѣкоторые органы печати, чуть не глумившіеся надъ нами, стали, въ послѣднее время, также помѣщать статьи о славянскихъ дѣлахъ.

Относительно расширенія областнаго отдѣла мы полагаемъ, что исполнили наше обѣщаніе по мѣрѣ возможности. Помимо небольшихъ корреспонденцій, которыя мы получаемъ изъ значительнаго числа южныхъ городовъ, мѣстечекъ и селъ, мы дали въ текущемъ

году мѣсто обширными, обработанными статьями, о дѣлахъ земскихъ въ Бессарабіи, Одесскомъ, Верхнеднѣпровскомъ, Александрійскомъ, Тираспольскомъ, Елисаветградскомъ и другихъ уѣздахъ, о городскихъ дѣлахъ Таганрога, Николаева, Херсона, Винницы, Леткича, Ананьева и др. Мы не говоримъ уже о послѣдовавшемъ значительномъ расширеніи мѣстной хроники, на которую будетъ обращено особое вниманіе; какъ на выраженіе жизни города.

Статьямъ о желѣзнодорожномъ дѣлѣ, по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, по садоводству и винодѣлію, мы, по прежнему, охотно будемъ удѣлять мѣсто на страницахъ нашего изданія.

Не гоняясь за сенсационными, большею частью невѣрными или скандальными происшествіями и слухами, вызывающими однако въ массѣ невольные разговоры о газетѣ и, слѣдовательно, пропагандирующими изданіе—мы давали читателямъ и будемъ продолжать помѣщать повѣсти, рассказы, фельетоны объ общественной жизни (русской и иностранной), литературные очерки и вообще статьи беллетристическаго содержанія. Въ текущемъ году въ нашей газетѣ помѣщено до шестидесяти отдѣльных повѣстей и разсказовъ, оригинальныхъ и переводныхъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

безъ пересылки или доставки:

За годъ (12 мѣсяцевъ)	12 р. — к.
За 6 мѣсяцевъ	7 » — »
За 3 мѣсяца	3 » 85 »
За 1 мѣсяць	1 » 30 »

съ пересылкой или доставкой:

За годъ (12 мѣсяцевъ)	14 р. — к.
За 6 мѣсяцевъ	8 » — »
За 3 мѣсяца	4 » 50 »
За 1 мѣсяць	1 » 50 »

Заграницу къ стоимости экземпляра въ Россіи присоединяется на пересылку 50 копѣекъ въ мѣсяць.

Для годовыхъ подписчиковъ допущается разсрочка, если они заявятъ о томъ письменно съ указаніемъ сроковъ взноса, которые могутъ быть или полугодовые, или по четвертямъ года. Для различныхъ учрежденій также допущается разсрочка на означенныхъ условіяхъ, и газета можетъ высылаться по ихъ письменнымъ заявленіямъ впредь до полученія ими надлежащихъ ассигновокъ (о срокѣ полученія коихъ должно быть упомянуто въ заявленіи).

Подписка принимается въ **Одессѣ**, въ конторѣ „Одесскаго Вѣстника“, по каковому адресу благоволятъ адресоваться и иногородные подписчики.

Покорнѣйше просятъ гг. подписчиковъ: 1) заявлять свои требованія за благо временно, такъ какъ заготовленіе печатныхъ адресовъ требуетъ времени; 2) присылать адреса четко напи-

BIBLIOTEKA TURGENEVA

LIBER

101267